

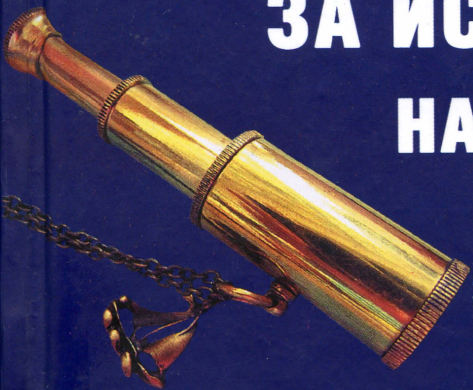

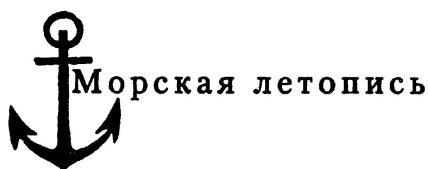
Морская летопись

БОРЬБА

ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Сергей Махов
Эдуард Созаев

Сергей Махов
Эдуард Созаев

БОРЬБА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Москва
«Вече»
2010

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)51
М36

Махов, С.П.

М36 Борьба за испанское наследство / Сергей Махов, Эдуард
Созаев. — М.: Вече, 2010. — 352 с. : ил. — (Морская летопись).

ISBN 978-5-9533-5084-6

Война за испанское наследство (1701—1714) началась в 1701 году после смерти испанского короля Карла II. Главным поводом послужила попытка императора Священной Римской империи Леопольда I защитить право своей династии на испанские владения. Война длилась более десятилетия, и в ней проявились таланты таких известных полководцев, как герцог де Виллар и герцог Бервик, герцог Мальборо и принц Евгений Савойский. Война завершилась подписанием Утрехтского (1713) и Раштаттского (1714) соглашений. В результате Филипп V остался королём Испании, но лишился права наследовать французский престол, что разорвало династический союз корон Франции и Испании. Австрийцы получили большую часть испанских владений в Италии и Нидерландах. В результате гегемония Франции над континентальной Европой окончилась, а идея баланса сил, нашедшая свое отражение в Утрехтском соглашении, стала частью международного порядка.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)51

ISBN 978-5-9533-5084-6

© Махов С.П., Созаев Э.Б., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Предисловие

1

В нашей первой книге мы постарались дать полную картину морских сражений периода Орлеанской войны, или войны Аугсбургской лиги. Тогда регулярный флот Франции бросил вызов самым сильным флотам того времени — английскому и голландскому. В трех очных поединках результаты оказались следующими: в бухте Бэнтри — ничья (хотя и с общим преимуществом французов), у Бичи-Хэда — победа французов, при Ла-Хоге англичанам удалось уничтожить 15 французских кораблей. Таким образом, никто из участников не мог сказать, что он завоевал господство на море. Начиная с 1694 года Франция постоянно сокращала финансирование своего флота, новый морской министр Луи Поншартрен выдвинул доктрину крейсерской войны, которая позволяла привлечь к войне на море частный капитал и снять с государства бремя содержания большого регулярного флота. В это же время английский и голландский флоты разрослись до невиданных размеров, однако никаких значимых задач решить не смогли. Отвратительная администрация Ройал Неви и еще худшее командование — вот отличительные черты английского флота времен войны Аугсбургской лиги.

Эти субъективные причины укрепили французов во мнении, что самостоятельные действия флота разорительны для государства и в то же время бесполезны для решения комплексных задач. Время показало, что это была чудовищная

ошибка. В результате в новой войне Франция сделала упор на рейдеров, которым была поставлена задача постоянными атаками на морскую торговлю разорить Англию и Голландию и выбить эти страны из войны с помощью подрыва их экономики.

Корсары, по замыслу авторов идеи, должны были не только разорить противника, но и набить карманы своего короля, дав ему дополнительные источники дохода. При этом как-то забывалось, что бюджет главного союзника Людовика — Испании — напрямую связан с морскими коммуникациями, которые необходимо было охранять — именно серебро Вест-Индии позволило бы Франции и Испании содержать армию и флот, стимулировать производство и делать закупки у нейтральных стран.

В 1705 году известный военный инженер Вобан в своем труде «*Mémoire concernant la capterie*» предложил королю идею неограниченной крейсерской войны — он считал, что главная цель корсаров уже не захват призов (хотя это тоже желательно), а уничтожение торговых судов Англии и Голландии. *«Если наши противники полностью лишатся своего торгового флота, никакой банкир не даст этим странам и сотни пистолей, даже под 30 процентов. Могущество Британии и Соединенных Провинций — в их морской коммерции, разорив их, мы выиграем войну»*. Не правда ли, это сильно напоминает положения «тоннажной войны» господ Тирпица и Деница, разработанные два века спустя?

Именно во время конфликта за испанское наследство разыгрались крупнейшие конвойные битвы, не уступавшие по накалу Второй мировой. К тому времени система конвоев была уже ненова — она использовалась и испанцами, и португальцами, и голландцами, да и самими британцами еще с XVI века. Тем не менее именно с начала XVIII века появились новые приемы защиты торговых караванов, а само движение конвоев было упорядочено. В 1700 году Уильямом Маунтейном были опубли-

кованы рекомендации к организации передвижения и охране торговых судов. В книгу входило более 20 флажных сигналов, 16 — передаваемых огнями и 8 — пушечных. В зависимости от количества судов и кораблей эскорта конвои рекомендовалось вести тремя или более колоннами. Ордер охранения впереди и сзади торговых судов должен был держаться в линии фронта, а на траверзах — в кильватерной колонне. В 1708 году в Англии вышел «Крейсерский и конвойный Акт» под редакцией супруга королевы Анны — Георга Датского. В инструкции насчитывалось уже 23 дневных и 24 ночных сигнала.

Судя по мемуарам того времени, найти общий язык с капитанами торговых судов командирам эскорта было очень сложно, особенно если эти суда принадлежали британской Ост-Индской компании. Строптивые капитаны, иной раз оскорбленные строгими сигналами и письменными предписаниями, покидали конвой и следовали к месту прибытия самостоятельно, рискуя нарваться на корсаров. Поэтому довольно часто командир охранения должен был быть не только грамотным и умелым моряком, но и хорошим дипломатом, дабы найти общий язык с капитанами торговых судов. Дополнительную причину для склок вносило то, что конвоирование стоило денег, а военные командиры конвоев требовали взяток с купцов. Начиная с 1708 года была создана должность коммодора конвоя — на эту должность приглашался наиболее уважаемый капитан из торговых (либо отставной военный моряк), который являлся главным помощником начальника эскорта.

Конвойная война на этот раз шла по всему миру, нередко корсары наносили англичанам жестокие поражения, но именно система охраняемых караванов позволила англичанам и голландцам защитить свою морскую торговлю. К 1711 году корсары были практически искорены, а регулярных эскадр, способных соперничать с флотами Англии и Голландии, у Франции уже не было.

2

В войне на море 1702—1713 годов особняком стоят сражения за военно-морские базы. На этот раз основные действия развернулись в Средиземном море, и англичане всерьез озаботились круглогодичным базированием флота в этом регионе. Их собственные порты были удалены от театра военных действий на тысячи миль, также как гавани Австрии и Савойского герцогства, португальский король то разрешал стоянку кораблям Ройал Неви в Лиссабоне, то отменял ее, поэтому англичанам, как воздух, нужна была собственная военно-морская база в Средиземноморье. Надо сказать, что они эту задачу решили, хотя элемент везения был чрезвычайно велик.

Первые две осады Кадиса не привели ни к чему, на атаку Виго или Барселоны в начале войны британцы не решились, и лишь в 1704 году у них появился Гибралтар. Надо сказать, что эта атака не представляла ничего выдающегося, в наше время это назвали бы разбойничьим рейдом или бандитской зачисткой. Действительно, как иначе можно говорить о захвате Гибралтара, если все решила угроза расстрела заложников, среди которых львиная доля — женщины и дети? При ближайшем рассмотрении вся затея Рука с Гибралтаром более напоминает действия азартного игрока, поставившего все на одну-единственную карту. Ей-богу, а если бы не захваченный монастырь с женщинами? А если бы данные разведки оказались ошибочными? А если бы губернатор Гибралтара Салинес просто решил стоять до конца? Не оставляет ощущение, что забудьга поставил на «зеро» последний рубль и выиграл миллион! Но надо сказать, что только еще большая несогласованность французов и испанцев позволила англичанам и австрийцам удержать Гибралтар. Нерешительность и склоки раз за разом мешали сторонникам Филиппа Анжуйского и в сражении у Малаги, и в атаке с восточного склона 10 ноября 1704 года, и в бою у Кабариты¹. В этом смысле Рук и Лик показали, как нужно

¹ Французский вариант — сражение у Марбельи.

действовать, исходя из стремительно меняющейся ситуации и рассчитывая только на свои силы.

Тем не менее с военной точки зрения англичанам эта первая десантная операция не удалась. Если сравнить ее, к примеру, со взятием крепости Корфу русским флотом, то Ушаков на фоне Рука выглядит чуть ли не небожителем. Такой слаженности, четкости и планирования в амфибийных операциях, какие были показаны эскадрой Федора Федоровича, англичанам не удалось достичь аж до самой Второй мировой. Английские же политики, не в пример адмиралам и генералам, сработали отлично — быстро оценив выгоды базирования на Гибралтар, они приложили все усилия, дабы эти ворота в Средиземное море остались в руках Британии.

Гибралтар стал своего рода стартовой площадкой для начала серии десантных операций Ройал Невь. С каждым разом осады крепостей с моря у флота получались все лучше и лучше, чему примером взятие Ликом и Стэнхоупом Порт-Магона на острове Менорка (Балеарские острова).

Действия Шовеля против Тулона оказались неудачными в большей степени из-за нерешительности и пассивности принца Евгения Савойского. Французы получили время стянуть силы и контратаковать противника. Тем не менее именно благодаря осаде Тулона и активным действиям британской эскадры французы были вынуждены затопить большинство своих боевых единиц, что обусловило упадок французского флота Леванта, который к концу войны насчитывал всего лишь 7 линейных кораблей и 1 фрегат.

В свою очередь, рейд Дюгэ-Труэна на Рио-де-Жанейро в очередной раз доказал, что у французов операции по

взятию крепостей с моря поставлены на широкую ногу. Действительно, подвиг чуть ли не эпический — атаковать за тридевять земель сильную крепость, готовую к обороне и обладающую своей эскадрой, и взять ее! Другой вопрос, что рейд на Рио — это следствие слабости корсаров в их родных водах, там, скорее всего, Дюгэ-Труэн повторил бы судьбу Форбэна или просто был бы убит в одной из схваток. Но с военной точки зрения действия француза в Бразилии великолепны.

3

Напоследок давайте немного поговорим об историографии войны на море 1702—1713 годов. Опять-таки все упирается в таких корифеев, как Мэхэн, Коломб и Штенцель.

Альфред Тайер-Мэхэн в своей книге «Влияние морской силы на историю. 1660—1783 гг.» силой своего авторитета утвердил столько несуразностей о сражениях на море в Войне за испанское наследство, что пересказывать их нет никакого резона. К примеру, он упоминает, что во время захвата Гибралтара Рук обрушил на крепость около 15 000 ядер, меж тем это предположение не подтверждается ни официальными отчетами Шовеля и Рука, ни воспоминаниями Бинга и Лика. Наоборот, согласно Руку, в битву при Малаге союзный флот вступил с полным комплектом ядер и пушек, а также с укомплектованными экипажами, поэтому все размышления на эту тему американского теоретика, мягко говоря, неверны. И Коломб, и Мэхэн отказываются подробно рассматривать ход сражения при Малаге, утверждая, что оно, мол, малоинтересно и результат его был предсказуем. Тем самым делается попытка замолчать тот факт, что Рук тогда был на волосок от поражения и, сойдись эскадры снова, скорее всего, Англия лишилась бы своей Средиземноморской эскадры и Гибралтара.

Книга Филиппа Коломба «Морская война, ее основные принципы и опыт» основана только на британских источниках,

зачастую игнорируется хронология событий, искажаются или неправильно преподносятся действия французов или голландцев, не удобные для англичан моменты часто замалчиваются.

Описание Штенцеля в его капитальном труде «История войн на море» также несвободно от некоторых ошибок, хотя его следует признать удачным по сравнению с вышеупомянутыми книгами Мэхэна и Коломба. Немецкий историк писал свое произведение, отчасти основываясь на трудах этих знаменитых теоретиков, и многие данные (например, мэхэновские — по Гибралтару) переписаны из соответствующих книг один в один.

За последнее время на Западе появилось множество литературы по данному периоду. Особенно хотелось бы отметить работы испанских авторов, например, великолепную книгу Исидро Супельведы «Борьба за Гибралтар», где по косточкам разобрана история захвата испанской цитадели, а также ее многочисленных осад. Нестареющие исследования английского корифея военно-морской истории Джулиана Корбетта, Уильяма Лиарда Клоуса, жизнеописания и документы адмиралов Бинга, Лика и Шовеля дают подробное освещение событий с английской стороны. Мемуары Дюгэ-Труэна, Форбэна, дю Касса, Кэтлогона, а также статьи французских историков описывают французский взгляд на все перипетии войны на море.

К сожалению, на русском языке после революции ничего из этих мемуаров и книг не издавалось, поэтому современный читатель совершенно не знаком с «антимэхэновским» изложением борьбы на море 1702—1713 годов. Эта книга — первая попытка описать действия флотов с помощью не только английских, но и голландских, французских и испанских источников. Мы также постарались включить в книгу множество фактического материала — это и списки эскадр, и выдержки из приказов, и материалы парламентов разных стран. Что получилось — судите сами.

Введение

1 ноября 1700 года умер Карл II, последний из испанских Габсбургов. Он с детства был очень болезненным ребенком, два его брака оказались бездетными (дочь от первой жены умерла во младенчестве), поэтому еще при его жизни возник вопрос о том, кому отойдут несметные богатства и территории Испанской империи. Изначально наследником был назначен Иосиф Фердинанд, электор Баварии (маленький мальчик, родившийся в 1692-м), но он скончался от оспы в 1699 году, что вновь подняло вопрос об испанском наследстве. Англия и Франция вскоре ратифицировали Лондонское соглашение (1700 год), по которому отдали испанский трон эрцгерцогу Карлу, родственнику австрийского императора. Итальянские территории переходили к Франции, а эрцгерцог оставлял за собой все остальные владения Испанской империи. Австрийцы, которые не участвовали в подписании соглашения, были крайне недовольны; они открыто добивались владения всей Испанией, а итальянские территории интересовали их в наибольшей степени: они были богаче, находились близко от Австрии, и ими было легче управлять. В Испании возмущение этим соглашением было еще больше, двор единодушно выступал против разделения владений, однако с тем, кого поддерживать — Габсбургов или Бурбонов, — единства не было. Сторонники Франции были в большинстве, и в октябре 1700 года в утробе им Карл II завещал все свои владения второму сыну французского дофина, Филиппу Анжуйскому. Карл предпринял шаги по предотвращению слияния Франции и Испании; по его решению в случае наследования Филиппом Анжуйским французского престола

испанский переходил бы к его младшему брату, герцогу Беррийскому. Далее в списке наследования после герцога Анжуйского и его брата шел эрцгерцог Карл. По завещанию Карла герцог Анжуйский должен был получить либо всю Испанскую империю, либо не получить ничего; в случае его отказа право наследования всей империи переходило к младшему брату Филиппа, Карлу, герцогу Беррийскому, а в случае его отказа — к эрцгерцогу Карлу. Зная, что морские державы — Англия и Голландская республика — не поддержат его в войне с Австрией и Испанией в случае попытки раздела последней, Людовик решил принять волю испанского короля и позволить своему внуку унаследовать все испанские владения. Уже 24 ноября внук Людовика XIV Филипп Анжуйский был провозглашен королем Испании. В феврале 1701 года Людовик XIV объявил Филиппа своим наследником и стал сам управлять Испанией и ее владениями, однако под дипломатическим нажимом с неохотой признал Филиппа королем в апреле 1701 года. В свою очередь, Вильгельм III Оранский в сентябре 1701 года заключил с Голландской республикой и Австрией Гаагское соглашение, по которому Филипп Анжуйский все еще признавался королем Испании, однако Австрия получала желанные испанские владения в Италии. Также австрийцы брали под контроль Испанские Нидерланды, тем самым, становясь на защиту региона от контроля Франции. Англия и Голландия получали назад свои коммерческие права в Испании¹.

¹ В формат нашей книги не входит подробное исследование политической ситуации перед Войной за испанское наследство, но стоит добавить несколько слов по поводу мифов, окружавших эти события. Дело в том, что Вильгельм Оранский хотел войны не менее, а может быть, и более, чем Людовик. К примеру, слов «Нет больше Пиренеев!» король Франции никогда не произносил. Это были слова одного из приближенных Филиппа, сопровождавших его в Мадрид, который просто заискивал перед французским принцем во время его путешествия в Испанию. Для знающих испанский — «Los Pirineos mismos se van ante su Majestad», то есть «Даже Пиренеи расступаются перед Вашим Величеством».

Через несколько дней после подписания соглашения во Франции умер Яков II, предыдущий король Англии, свергнутый Вильгельмом в 1688 году. У постели умирающего присутствовал и Людовик, который бросил фразу в том духе, что всегда считал Якова настоящим королем. Эти слова подхватили английский и голландский посланники и обвинили французского короля в том, что он вопреки ранее подписанному Рисвикскому соглашению заявил, что единственным наследником умершего Вильгельма III Оранского может быть только сын изгнанного Якова II, Джеймс Френсис Эдуард Стюарт (помните маленького мальчика, рожденного Марией Моденской?), которого его последователи именовали теперь Яковом III.

Возмущенные Англия и Голландская республика (ее Людовик прогневал введением в пограничные крепости Испанских Нидерландов французских войск¹) в ответ стали собирать свои армии. Вооруженный конфликт начался с введения австрийских войск под командованием Евгения Савойского в герцогство Миланское, одну из испанских территорий в Италии. Англия, Голландия и большая часть немецких государств (включая Пруссию и Ганновер) встали на сторону австрийцев, а Бавария, Кёльн, Португалия и Савойя поддержали Францию и Испанию. В самой же Испании кортесы Арагона, Валенсии и Каталонии (бывшие территории королевства Арагон) заявили о своей поддержке австрийского эрцгерцога Карла в пику Филиппу Анжуйскому. Даже после смерти Вильгельма III в 1702 году, при его преемнице, королеве Анне, Англия продолжила активное ведение войны под руководством министра Годолфина и генерал-фельдмаршала Мальборо.

¹ Людовик, понявший к тому времени, что войны уже не избежать, решил ввести во фламандские барьерные города свои войска.

Глава 1

Предвоенная ситуация

В морском ведомстве Франции в это время происходили довольно грустные события: 28 мая 1701 года в возрасте 58 лет скончался лучший флотоводец Франции — Анн Илларион де Контантэн, граф де Турвилль. Это была невосполнимая потеря — с его смертью отходили в прошлое славные победы французского флота времен Кольберов. В связи с этим событием двадцатипятилетний сын Луи Поншартрена — Жером, занявший пост военно-морского министра в 1699 году, сразу же приобрел дополнительный вес в глазах Людовика, и идеи о новой крейсерской войне зазвучали с новой силой. Он, как и писал в свое время Людовику интендант флота Бонрепо, был совершенно не знаком ни с флотом, ни с искусством государственного управления. Во главе же флота встал адмирал Франции (Amiral de France — звание, приравненное к коннетаблю или генералиссимусу в сухопутных войсках) граф Тулузский, который был еще моложе Жерома на четыре года. Его наставник — граф д'О де Вильерс, — никогда не командовавший даже кораблем, бывавший в море только в юности, но постоянно находившийся в Версале, оказывал, скорее, негативное влияние на графа. Результатом этого было соперничество графа Тулузского с морским министром, крайне вредно отражавшееся на всех флотских делах.

В 1702 году король-солнце сделал адмиралом Дюнкеркской эскадры второго своего прославленного моря-

ка — Жана Бара, который, как и Турвилль, был выходцем из плеяды учеников Абрахама Дюкена, однако корсар заболел воспалением легких и умер 27 апреля. Турвилль и Бар были для французского флота целой эпохой. Оба начинали свой путь на Средиземном море, громили берберских пиратов, испанцев и голландцев. В битве при Бичи-Хэд в составе французской эскадры под командованием адмирала Турвилля сражался капитан Жан Бар на своем «Альсионе». Они всегда шли в ногу — отпрыск нормандского дворянина, убежавший в отроческом возрасте из дома навстречу приключениям, и грубый, неотесанный фламандский рыбак, у которого карьера моряка началась в 12 лет; они были разные, но и Бар и Турвилль были славой Франции. Потеря любого из них была ударом для флота Людовика, а они ушли оба, причем почти одновременно.

Место Турвилля¹ занял Шато-Рено, который до этого был адмиралом Леванта, а Виктора д'Эстрэ² назначили командовать силами Средиземноморского флота. Командующим

¹ Турвилль был не генерал-адмиралом морских сил, а главкомом флота Франции (то есть начальником морского Генерального штаба) и одновременно — вице-адмиралом Леванта. Оба д'Эстрэ — и сын, и отец — занимали должности вице-адмиралов Океана.

² Отец Виктора — маршал Франции Жан д'Эстрэ (1624—1707) выхлопотал для него передачу своего чина вице-адмирала Океана. Король согласился и дал устное распоряжение. Но Виктор должен по два года прослужить капитаном (он им стал еще в 1679 г.), шефом д'эскадрэ и генерал-лейтенантом. В 1684 г. ему обещали чин вице-адмирала его отца. Сын Кольбера Сеньэлэ не любил Виктора (моряка-аристократа), и Виктор стал шефом д'эскадрэ только в 1686 г.; в 1689 г. он стал генерал-лейтенантом (самым младшим, ниже Турвилля, Шато-Рено и Амфревилля), а в конце того же 1689 г. стал вице-адмиралом Океана! Это привело в ярость многих моряков, особенно Шато-Рено. В 1731 г. Виктор почти на тех же условиях передал свой чин вице-адмирала своему пасынку Антэну (1709—1741 гг.).

дюнкеркской эскадрой был назначен капитан Сен-Поль, отличившийся в предыдущей войне на Средиземном море.

К началу войны флот Франции насчитывал 107 линейных кораблей (из них двадцать шесть — 110—80-пушечных), 17 фрегатов¹, 21 легкий фрегат, 10 брандеров, 7 мортирных судов, 18 флейтов, 11 корветов, 40 галер. Основная часть кораблей были в Бресте (64 линкора в Бретани против 28 в Тулоне, а также некоторое количество в Дюнкерке и Вест-Индии), но снабжались по остаточному принципу, коррупция в морском ведомстве расцвела пышным цветом.

В новой войне главным соперником Франции была Австрийская империя, только что завершившая победоносную войну с Турцией. Это был мощный неприятель, поэтому все возможные силы были брошены на пополнение армии. В результате Франция раз за разом сдавала позиции на море. Так, в 1701 году Португалия расторгла договор о дружбе и взаимопомощи с Людовиком, мотивируя это слабостью французского флота. Португальский король в случае возможной войны с Англией очень опасался за свою торговлю. «Я никогда не расторгнул бы договор, если бы вы держали 30 кораблей между Лиссабоном и Сетубалем», — писал он во Францию. Для Англии и Голландии Португалия, так беспечно брошенная Францией, оказалась очень ценным приобретением, так как они уже не могли пользоваться Кадисом, но перед ними открылись гавани Порто и Лиссабона, сыгравшие важную роль в грядущей войне.

Финансовое положение Англии и Нидерландов было далеко не блестящим: Англия в 1697 году уже была в состоянии дефолта, государство, старавшееся подорвать экономику противника, надорвалось само. К окончанию войны Аугсбургской лиги банкиры Европы объявили Британию несостоятельным финансовым партнером. Выплаты по займам и счетам были заморожены, зарплаты не выпла-

¹ Словарь морских терминов помещен перед Приложением.

чивались, морское ведомство в 1697 году с трудом избежало банкротства. Как результат — была введена жесткая экономия в последующие годы, парламент просто игнорировал постоянные призывы Вильгельма Оранского увеличить расходы на флот. В итоге в 1701 году из 130 линейных кораблей только половина из них были годны к морской службе. Количество моряков было сокращено с 15 000 до 7000 человек.

Пришедшие к власти виги придерживались континентальной политики, Годолфин и Мальборо считали, что расходы на флот, которые были в 1690-х годах, надо уменьшить вдвое, это позволит развернуть 40 000 солдат во Фландрии, оставшихся же сил будет достаточно для блокирования «Серебряных флотов». На 1701 год Ройал Неви насчитывал 131 линкор (из них двадцать один имели от 110 до 90 орудий), 31 фрегат, 17 легких фрегатов (17—24 орудия), 10 брандеров, 4 авизо, 10 шлюпов, 13 мортирных судов, 6 бригантин, а кроме этого, порядка 35 мелких судов, но большая часть кораблей была совершенно небоеготова.

В 1701 году Вильгельм, устав от бесконечных дразг в Адмиралтействе, назначил лордом-адмиралом Адмиралтейства¹ графа Томаса Пемброка, сластолюбца, обжору, вора и лентяя. К великому ужасу адмиралов, Пемброк заявил, что лично возглавит флот! Все знали графа как совершеннейшего профана в морском деле, по словам современников, «на его фоне даже герцог Бекингэм² выглядел бы маститым флотоводцем». Конеч

¹ Надо сказать, что эта должность была вакантна в Ройал Неви с 1673 года, когда ее был вынужден оставить герцог Яков Йоркский (будущий король Яков II), так как по закону, принятому парламентом, католик не мог занимать высшие государственные посты.

² Речь о герцоге Джордже Вильерсе Бекингэме, фаворите королей Карла I и Якова I, известном нашему читателю по книгам Александра Дюма-отца. Бекингэм возглавлял несколько морских экспедиций, и все они закончились ужасными провалами английского флота.

этим планам положила принцесса Анна, ставшая после смерти Вильгельма в 1702 году королевой. Вместо Пемброка лордом-адмиралом сделали ее супруга — принца Георга Датского. Георг был толстопузым, румяным, глуповатым, добродушным человеком, флота он совсем не знал, но благоразумно решил не вмешиваться в дела Адмиралтейства и все права на принятие решений делегировал морскому совету, который возглавил брат Джона Черчилля — Джордж¹.

На новый, 1702 год решили вооружить огромный флот: 50 английских и 30 голландских кораблей, не считая фрегатов и брандеров. Но когда стало известно, что из-за неурядиц в морском ведомстве французы не смогут вооружить в 1702 году флот Океана, мысль о комплектовании столь большого флота быстро отбросили.

Ситуация в Голландии была еще хуже, чем в Англии, к тому же ей приходилось всю войну держать до 120 000 пштыков во Фландрии. Соединенные провинции постоянно просили у Англии прислать дополнительные войска в страну, и с каждым годом резко уменьшали состав своего флота. Эскадры Соединенных провинций на 1702 год насчитывали 83 линейных корабля (из них пятнадцать 100—90-пушечных), 15 фрегатов, 10 флейтов и 3 брандера.

¹ Эту кандидатуру нельзя назвать хорошим выбором — по словам адмирала Рука, новый главный советник «обладал всеми пороками своего великого брата и никакими из его талантов». Тем не менее Джордж Черчилль (к нему прилепилась кличка «Джордж — большой карман» из-за постоянных поборов купцов и громадных взяток) руководил Адмиралтейством до смерти Георга Датского в 1708 году.

Глава 2

Начало войны

Погоня за «Серебряным флотом»

В охоте за золотом и серебром принимали участие не только отщепенцы рода человеческого, какими являлись пираты, но и целые регулярные флоты различных стран. Однако погоня англичан за испанским «серебряным конвоем» 1702 года, развернувшаяся от Мексики до Испании, превосходит любое воображение. Во-первых, поражает громадная даже по тем временам сумма, в которую оценивалось серебро, загруженное на испанские корабли, — 14 миллионов песо. На тот момент не все страны могли позволить себе потратить такое количество денег, но для британцев было не менее важно, чтобы Испания и Франция не получили этих сокровищ, потому что, согласно старинной поговорке «хотеть иметь миллион и не иметь миллиона в сумме составляет два миллиона». То есть даже если бы серебро просто не прибыло в гавани Кадиса или Виго, это вполне бы устроило Англию, а уж захват слитков был дополнительным бонусом.

История испанских «серебряных конвоев» уходит своими корнями в XVI век. Именно в это время конкистадорами в южноамериканских Андах были обнаружены крупнейшие месторождения серебра (шахты Потосе, Пачука, Тлальпухальма, Сан-Луис, Сультепек, Таско, Гванахато, Оахака, Тетела, Сакатеас, Фреснильо и Сомбререте), что автоматически сделало Испанию самой богатой страной Европы. Однако перевозка

драгоценного металла в метрополию с самого начала стала большой проблемой — пираты и каперы, обосновавшиеся в Карибском море, стремились заполучить «серебряные» призы и легко захватывали одиночные суда, шедшие со столь ценным грузом. Дабы защитить от нападений корабли, везущие слитки, испанцы решили раз в год (иногда чуть реже) посылать на родину большой конвой с сильным охранением, позволявшим отбить любое нападение. Поймать такой караван было не просто — дата выхода всегда держалась в секрете и менялась каждый год, да и эскорт был соответствующим. Сами испанцы называли конвой *la Flota de Oro* — «золотой флот». Это прозвище сохранилось с тех времен, когда с островов Карибского моря, а также побережья Мексики и Перу алчные конкистадоры вывозили нагребленное у индейцев золото. Англичане именовали эти торговые караваны по-своему — *Spanish Treasure Fleet*, что можно перевести как «флот, набитый сокровищами». Наконец французы часто упоминали про испанский «серебряный конвой». Так что же на самом деле везли эти торговые суда? Ответ прост — основным товаром, конечно же, были серебряные монеты¹, но присутствовали там и золотые слитки, и товары из Вест-Индии. Это ценные породы дерева и пряности, какао и табак, шоколад и сахарный тростник, корица и вино, ром и кошениль, китайской шелк и фарфор.

Кстати, хотелось бы остановиться на испанских денежных знаках того времени, ибо многих исследователей этот вопрос вводит в заблуждение. В самом деле, основной счетной единицей Испании являлся реал, песо же появились в XVI веке, их стоимость была равна 8 реалам², это соответствовало

¹ На галеонах «серебряного конвоя» почти все серебро было в «битых ефимках», то есть в уже грубо начеканенных монетах, которые затем можно было легко перечекивать в кроны, талеры, ригсталеры и тому подобное.

² Кстати, именно из истории песо к нам пришел знак «\$», это просто стилизованная «8», информирующая, что данная денежная единица равна 8 реалам.

90-процентному содержанию серебра в монете. Все изменилось в 1650 году, после жесточайшего финансового кризиса, постигшего Испанию, — в обращение был введен низкопробный расчетный реал, который уже был равен $1/15$ песо, а не $1/8$, как раньше, хотя цифра «8» на песо чеканилась и дальше. Так что, читая англоязычные источники, надо различать «pieces» и «pieces of eight». В последнем случае, чтобы узнать истинную сумму в реалах, нужно делить ее на 15.

Но вернемся к la Flota de Ого. Самым знаменитым, пожалуй, стал «серебряный конвой» 1702 года. Сразу оговоримся, что это был не самый богатый караван, тем не менее по накалу страстей вокруг него, по происходившим событиям равных этому конвою не было.

Поскольку Испания присоединилась к Франции, страны «антифилипповской коалиции» не могли вести боевые действия на самом Пиренейском полуострове, и сухопутные сражения развернулись на полях Италии, Бельгии и Германии. Задачей, возложенной на Англию и Голландию, стало прерывание морских коммуникаций противника и создание необходимого для наступления в Испании плацдарма.

Вопрос о перехвате «серебряного флота» перед англичанами стоял очень остро — этот драгоценный металл, дойди он до Испании, позволил бы странам — сторонникам Филиппа Анжуйского закупать зерно и продовольствие, строить корабли и крепости, расплачиваться с наемниками, то есть снял бы эту нагрузку с бюджета Франции и Испании.

В свою очередь, испанцы обратились с просьбой к Людовику XIV об эскорте «серебряного конвоя» до берегов Пиренейского полуострова силами французского флота, поскольку опасались, что эскадры голландцев и англичан в Вест-Индии перехватят и разграбят столь лакомый для

них кусок. Дело в том, что в этот год из Порто-Белло вышло всего лишь 7 галеонов с серебром, которые пришли в Испанию 17 марта 1701 года, и основные надежды кортесы возлагали на конвой 1702 года, в котором должно было идти не менее 20 судов с драгоценным металлом. Сама же Испания как военно-морская держава изрядно ослабела и не могла уже обеспечить морской силой свои отдаленные провинции, но в то же время гордые идальго опасались, что вместо испанских портов французы могут привести конвой во Францию и присвоить себе столь огромные сокровища.

Людовик согласился выполнить эту просьбу, но не бесплатно — испанцы должны были заплатить за услуги 2 260 000 песо. Для выполнения столь деликатной миссии испанцы требовали самого знаменитого и талантливого французского адмирала — де Турвилля, но после его смерти 28 мая 1701 года поручение было возложено на вице-адмирала Франсуа Луи де Русселе, маркиза де Шато-Рено¹.

29 августа эскадра из 15 кораблей, 3 фрегатов, 2 флейтов с войсками и 5 брандеров под командованием Шато-Рено вышла из Бреста и отправилась в Кадис. Вслед за французами обеспокоенные англичане послали большую эскадру из 35 кораблей под командованием адмирала Джона Бенбоу, который вышел в море 12 сентября. Его задачей было попытаться перехватить «серебряный конвой» у берегов Испании, а если это не удастся, то, отослав в Спидхэд 25 кораблей, с оставшимися следовать в Вест-Индию. 10 октября 1701 года Бенбоу прибыл на Азорские острова, где узнал, что конвой уже прошел в

¹ Первоначально предполагалось послать для эскорта «серебряного флота» Кэтлогона с 6 кораблями, но испанцы еще не оснастили галеонов. Кроме того, они считали, что силы Кэтлогона слишком слабы, поэтому была вооружена более сильная эскадра Шато-Рено.

Кадис. Согласно указаниям, он пошел в Вест-Индию с 10 кораблями, направив остальные в Англию. Обеспокоенный военно-морской министр Франции, не зная, что английский адмирал лишился уже $\frac{2}{3}$ своего соединения, решил укрепить Шато-Рено кораблями из флота Леванта, что и произошло 1 ноября 1701 года, когда в Кадисе он соединился с эскадрой вице-адмирала Виктора д'Эстрэ¹. 14 кораблей было отдано под команду Шато-Рено, вест-индская эскадра вышла в море и направилась к берегам Америки, вперед были посланы 2 фрегата — предупредить губернаторов Мартиники и испанского Вера-Круса о скором появлении французов. Находившийся на тот момент в Карибском море лейтенант-генерал Кэтлогон с 6 линкорами в конце 1701 года покинул Гавану, оставив только один «Меркюр», и пошел в Брест, поскольку из-за болезней убыль в его экипажах достигла огромных размеров.

В начале 1702 года Шато-Рено достиг островов Карибского моря. 9 апреля с 29 кораблями он появился в Гаване, где к нему присоединились оставленный «Меркюр» и еще 2 корабля; 25 апреля с 4 кораблями отправился к Вера-Крусу, куда и прибыл 15 мая. Распределение военных судов по основным портам и базам было обязательно — французы и испанцы опасались возможных захватов Гаваны, Вера-Круса, Картахены и других богатых городов Карибского моря. Стоянка французов в Вест-Индии была ужасной — свирепствовала лихорадка, эскадра потеряла 2 адмиралов, 6 командиров кораблей и 26 офицеров. Шато-Рено был вынужден отправить 7 больших 90- и 80-пушечных линкоров в Брест, 4 — в

¹ Эскадра д'Эстрэ собиралась в Кадисе постепенно, в течение весны — лета 1701 года. 15 кораблей — из Тулона, 8 — из Бреста, 2 — испанских. Первоначально д'Эстрэ должен был встретить Кэтлогона с «серебряным флотом».

Тулон, 2 — оставить на Мартинике, а один (46-пушечный «Шеваль-Мартин») — послать к вице-адмиралу Океана с депешами.

До начала лета испанцы формировали огромный торговый караван с сокровищами для отправки в метрополию, собирая суда в Вера-Крус. Наконец 11 июня конвой вышел в Гавану, где собралась вся французская эскадра Шато-Рено, подошедшая с Мартиники, Вера-Круса и Мексики. 24 июля la Flota de Ого из 18 тяжелых галеонов под командованием испанского адмирала дона Мануэля де Веласко, загруженный под завязку серебром на общую сумму в 13 миллионов 600 тысяч песо, а также кошенилью, китайским шелком и другими дефицитными товарами, отправился из вод Вест-Индии к Кадису. Только 3 испанских галеона несли более-менее значимое вооружение — это 50-пушечный «Нуэстра Сеньора де ла Мерседес», 40-пушечный «Хезус, Мария и Хосе», а также 30-пушечный «Сантиссима Тринидад». Французы с 18 линейными кораблями (3 остались на Мартинике), 2 фрегатами, 4 брандерами, 2 корветами и 4 флейтами исполняли функции эскорта.

Путь до Азорских островов «серебряный конвой» прошел без приключений, хотя переход был довольно тяжелым. На Азорах до Веласко дошли известия, что война с Англией и Голландией началась. По слухам, караван у берегов Испании уже караулила английская эскадра адмирала Клаудисли Шовеля. На военном совете Шато-Рено предложил двигаться к одному из французских портов (предпочтительно — к Бресту), поскольку там можно было ждать помощи да и сами эти порты были прилично укреплены. Кроме того, там можно было доукомплектовать экипажи кораблей. Дон Мануэль яростно воспротивился этому, сообщив, что его инструкции не позволяют

принять подобное предложение. В конце концов решили идти в Виго, однако проследовать на почтительном расстоянии от мысов Сент-Винсент и Финнистере, чтобы не встретиться с англичанами.

30 мая 1702 года из Торбэя вышла объединенная англо-голландская эскадра из 50 кораблей под командованием Джорджа Рука. Направилась она к испанскому Кадису — союзники хотели захватить этот важный порт, дабы обеспечить себе плацдарм для высадки войск на территории Пиренейского полуострова.

В сентябре 1702 года караван достиг берегов Испании. Прибывшие на борт капитан-генерал Испании принц Брабансон и дон Фелипе Араухо сообщили, что месяцю назад большая английская эскадра под командованием адмирала Рука осаждала Кадис и, потерпев неудачу, охотится за «серебряным конвоем». Они посоветовали идти в Эль-Ферроль, хорошо защищенный батареями порт, но Шато-Рено решил сопроводить конвой в Виго, поскольку там было довольно тихо, а узкий проход на рейд можно было основательно перекрыть бонами и установленными на берегах батареями. 22 сентября 1702 года la Flota de Ото вошел в залив Виго. Галеоны укрылись в небольшой бухте Ульо у острова Сен-Симон, а военные корабли встали на якорь у входа в залив — напротив сторожевых башен Ранде и Корбейро. Первая часть задачи была выполнена — галеоны с сокровищами дошли до берегов Испании.

Сразу же начались лихорадочные работы по обеспечению надежной защиты порта. В Виго были срочно направлены войска, началась реставрация башен Ранде и Корбейро, на каждую из них установили 8 бронзовых и 12 железных пушек; все эти орудия были сняты с испанских кораблей. Между башнями была натянута цепь и установлены боны, полностью перекрывавшие проход к фондо де ла Риа (входу в залив). За ограждением поместили военные корабли. На

башнях были размещены гарнизоны из 200 французских и 150 испанских моряков, в фортах Виго — Кастро и Сан-Себастьян — соответственно, 1500 и 1300 солдат. Кроме того, еще 3000 пштыков были в резерве.

27 сентября началась разгрузка серебра, за которой наблюдали принц Брабансон, адмирал Шато-Рено и члены коммерческой гильдии Севильи. К Виго в срочном порядке было собрано около 500 подвод, крестьянам платили по одному дукату за лигу расстояния, поэтому многие приехали из других областей. К 14 октября практически все серебро и товары были уже сгружены. На галеонах оставалась только контрабанда — припрятанные серебряные монеты, золотые украшения и практически весь груз кошенили. Дело в том, что воровство — и в колониях, и в метрополии — было бичом испанской монархии, поэтому король, выслушавший отчеты принца Брабансона и дона Хуана де Ларрея, был уверен, что беспокоиться не о чем, все товары уже на суше. 3650 ящиков серебра, поднятые на галеоны в Вера-Крусе, согласно описи дона де Веласко, были сгружены в Виго, если верить документам принца Брабансона. Так что разговоры о «перегруженных серебром кораблях» из английских источников не что иное, как вымысел. Забегая вперед, скажем, что английским адмиралам был выгоден такой обман, но об этом позже. Согласно описи принца Брабансона, в общей сложности с галеонов сняли товара на 13 639 230 песо, из которых 6 994 293 песо сразу же легли в сундуки Филиппа Анжуйского¹.

18 октября испанские агенты донесли, что англо-голландский флот адмирала Джорджа Рука, ушедший из-под Кадиса, разделился: одна его часть направилась в Индию, а вторая — на «зимние квартиры», в Англию. Получив такие

¹ Сразу же после разгрузки конвоя пошлины на торговые сделки были резко повышены. С помощью таких мер правительству Филиппа удалось собрать еще 3 миллиона песо.

вести, защитники Виго расслабились — разгрузка была временно приостановлена, часть бонов разведена. Однако эта информация оказалась в корне неверной, как раз в это время до Рука дошли слухи, что «серебряный конвой», который так долго искали, стоит в бухте Виго¹. 20 октября англо-голландцы подошли к стоянке la Flota de Oto. Эскадра состояла из 30 английских и 20 голландских кораблей и имела на борту 13 587 солдат под общим командованием графа Ормонда. Авангардом англичан командовал вице-адмирал Хопсон, державший флаг на «Принс Джордже», центром — контр-адмирал Фэйрбон на «Сент-Джордже», арьергардом — контр-адмирал Грэйдон на «Триумфе». Голландское соединение из 20 кораблей под командованием адмирала Ван дер Гоеса шло позади англичан.

Силы французов и испанцев были намного меньше — 17 линейных кораблей и 18 галеонов. По пушкам англо-голландцы, несомненно, превосходили противника: к примеру, флагманский «Ройал Соверин» нес 110 орудий, «Сент-Джордж» и «Принс Джордж» — более 90. У французов на кораблях было не более 70 орудий, поскольку, как мы помним, Шато-Рено отправил все 90- и 80-пушечники в Брест. У испанцев же дело обстояло еще хуже — на все 18 галеонов у них было 178 орудий, причем калибры не больше 18-фунтовых.

22 октября Рук бросил якорь у мыса Кангас, недалеко от фортов Кастро и Сан-Себастьян, с которых тяжелые орудия испанцев открыли огонь по кораблям.

Вечером на борту «Ройал Соверина» провели военный совет, где решили сначала, высадив десант, захватить Гранде и Корбейро, а корабли в это время попробуют проломить боны и дадут бой французским линкорам.

¹ Причиной утечки информации стал болтливый испанский священник, от которого в Португалии союзники и узнали о приходе «серебряного флота» в Виго.

23 октября, в 10 утра 4000 английских солдат были высажены в бухточке Теис, недалеко от башни Гранде. Гренадеры Ормонда пошли на штурм, но 200 французских моряков оказали им упорное сопротивление. В конце концов, когда у французов кончились боеприпасы, англичане взяли башню.

Вице-адмирал Хопсон, пересевший на «Торбэй», во главе английского флота устремился к заграждению, которое удалось быстро проломить. Корабли Рука быстро подошли на пистолетный выстрел к эскадре Шато-Рено и открыли убийственный огонь. Французы с отчаянием обреченных пытались отбить атаку, но силы были слишком неравны. Веласко и Шато-Рено решили сжечь корабли, дабы они не достались англичанам, и вскоре они зачалили один за другим. Сгорел весь груз кошения, которую испанцы не успели выгрузить. Нападавшие смогли захватить 6 французских и один испанский корабль («Альмиранта де Асогес»), но они были в таком ужасном состоянии, что вскоре их просто сожгли.

Рук и Ван дер Гоес ворвались в бухту Виго и высадили десант рядом с островом Сан-Себастьян. Был разграблен монастырь Сан-Фелипе рядом с Виго — англичане не только вынесли все ценности, но и изрезали образа католических святых. Но на штурм самого Виго Рук не решился. Грабежи продолжались еще 4 дня. Особенно отличился кэптен Немо, которому на захваченном галеоне удалось найти целый сундук с серебром.

27 октября подошла эскадра английского адмирала Шовеля из 20 кораблей, Рук усилил ее 7 кораблями, и 30 октября удалился с захваченным в Англию. Общая сумма, в которую оценивалось награбленное, была не очень большой — 350—400 тысяч песо. Шовель оставался в Риа де Виго еще какое-то время и ушел с 7 захваченными кораблями, из которых 5 были сожжены во время перехода ввиду их отвратительного состояния¹.

¹ В Англию были уведены следующие французские корабли — «Промп» (76 орудий), «Ферм» (70), «Ассюр» (66), «Модэ» (60) и «Тритон» (42).

Битва в бухте Виго стоила голландцам и англичанам 800 человек. Французы и испанцы потеряли около 2000 солдат и матросов, однако основной потерей Испании был большой торговый флот, теперь богатства колоний не на чем было доставлять в метрополию. В конце ноября 1702 года в английском парламенте состоялись слушания, посвященные бою в Виго. Депутаты Палаты общин обрушились с критикой на действия адмирала Рука (об этом рассказ впереди). Сумма захваченного также вызвала негодование парламентариев — 400 тысяч песо, это ведь всего 150 тысяч фунтов! А расходы на одну только эскадру Рука превысили 600 тысяч фунтов!

Чтобы хоть как-то подсластить пилюлю адмиралу Руку, в честь победы в Виго Монетным двором Англии по указанию королевы Анны была выпущена золотая гинея с изображением тонущих испанских галеонов, а также была отчеканена памятная медаль. По этому поводу многие англосаксонские историки утверждали, что из захваченного серебра и золота чеканились особые монеты.

Сокровища, привезенные «серебряным конвоем» 1702 года, позволили Испании заново создать и обучить свою армию, которая позже доставила много неприятностей сторонникам эрцгерцога Карла. Французы получили свою долю, но очень болезненно переживали потерю кораблей Шато-Рено в Виго. Тем не менее во время основного морского сражения Войны за испанское наследство — при Малаге — они имели небольшое преимущество, хотя не смогли его реализовать. История же с «серебряным флотом» не позволила французам надежно прикрыть испанские коммуникации. Если бы эскадры Кэтлогона, Шато-Рено, дю Касса (о нем речь впереди) и д'Эстрэ были объединены, то в общей сложности флот Леванта мог бы выставить против Рука 52 линейных корабля.

Дю Касс и Бенбоу

Бенбоу в конце декабря 1701 года прибыл на Барбадос, в Бриджтаун. В это время в Европе началась Война за испанское наследство. Незадолго до начала осады из Кадиса в Вест-Индию вышел небольшой франко-испанский конвой, состоящий из 8 больших транспортов с 2000 солдат для защиты американской Картахены и 6 линейных кораблей охранения. Командовал этой небольшой эскадрой француз — шеф д'эскадрэ Жан Батист дю Касс, очень хорошо знакомый с водами Карибского моря — в 1697 году он вместе с бароном де Пуанти взял испанскую Картахену и разграбил ее. Задачей дю Касса, помимо доставки войск, было противодействие возможным действиям англичан в водах Вест-Индии, а также защита французских и испанских колоний в этом регионе.

20 июля французская эскадра прибыла в Пуэрто-Рико, откуда 2 корабля дю Касса были отосланы к Вера-Крус, препроводить испанского вице-короля Вест-Индии герцога де Альбукерке. Сам же дю Касс направился к главной цели своего путешествия — Картахене.

В свою очередь, Бенбоу в августе вышел с Барбадоса на поиск французских и испанских кораблей. Он направился на юг в надежде захватить Картахену, поскольку этот город на побережье Южной Америки был не только богат, но и очень важен. Испанцы называли его «серебряными воротами», именно сюда прибывал этот драгоценный металл с рудников.

19 августа 1702 года около острова Санта-Марта Бенбоу обнаружил эскадру дю Касса и сразу же устремился за французами, однако через три-четыре мили скорость пришлось сбавить — часть его судов отстала. Французы шли вдоль берега в сторону Картахены и имели в линии

4 линейных корабля (68-пушечный «Эрье», 50-пушечный «Агреабль», 60-пушечный «Фенни» и 50-пушечный «Аполлон»), 30-пушечный фрегат «Принс де Фриз», построенный в Голландии, войсковой транспорт с солдатами, 1 шлюп и 3 мелких судна.

Бенбоу выстроил свою эскадру следующим образом:

Defiance	Ричард Керкби	64	445 чел.
Pendennis	Томас Хадсон	48	230 чел.
Windsor	Джон Констебл	60	340 чел.
Breda (флагман)	Кристофер Фогт	70	460 чел.
Greenwich	Купер Уэйд	54	280 чел.
Ruby	Джордж Уолтон	48	230 чел.
Falmouth	Сэмьюэл Винсент	48	230 чел.

Однако «Дифайнс» и «Виндзор» не торопились занять свои места, Бенбоу, потеряв терпение, приказал прибавить им парусов, но капитаны не выполнили приказа. Меж тем английский адмирал имел очень выгодное положение — он шел в полный ветер, поэтому он решил сблизиться с противником, пока не стало темнеть. Бенбоу приказал не атаковать до тех пор, пока «Дифайнс» не поравняется с головным кораблем противника — 68-пушечным «Эрье», но кэптен Ричард Сэмьюэл Винсент на «Фалмуте» атаковал замыкающий «Принс де Фриз». «Виндзор», в свою очередь, начал дуэль с 50-пушечным «Аполлоном», шедшим перед французским фрегатом. То же самое сделал и «Дифайнс» Керкби. Бенбоу был вынужден последовать за своими капитанами, и французы получили возможность вести продольный огонь. После 2—3 залпов «Дифайнс» и «Виндзор» взяли круче к ветру и вышли из боя, а два концевых линейных корабля дю Касса сконцентрировали огонь на флагмане, который получил множество попаданий. «Грин-

вич» и «Фалмут» не сразу пошли на помощь Бенбоу, и лишь к 16.00 бой стал всеобщим. Он продолжался до темноты и с сумерками затих, но англичане не теряли контакта с французами.

Бенбоу решил, что капитаны последуют за ним, если он подаст пример, поэтому перестроил линию. Теперь головным шел флагман эскадры «Бреда», далее — «Дифайнс», «Виндзор», «Гринвич», «Руби», «Пенденнис», и замыкал линию «Фалмут».

Утром 20 августа доблестный вице-адмирал смело сблизился с противником, но его поддержал только 48-пушечный «Руби», остальные были в 3—5 милях сзади. Бенбоу был уже на пушечном выстреле у противника, но тот любезно не стрелял, предоставив адмиралу возможность собрать свою эскадру. В 14.00 засвежело, французы выстроились в линию и поставили все паруса. «Бреда» и «Руби» вели неприцельный огонь по эскадре дю Касса до темноты, а потом отошли, но ночью сумели не упустить врага.

На рассвете 21 августа Бенбоу был под кормой второго в линии французского корабля — 50-пушечного «Агреабля» на расстоянии прямого выстрела, «Руби» шел впереди. Француз открыл огонь и кэптен Уолтон стал отвечать, однако два других корабля — 68-пушечный «Эрье» и 60-пушечный «Фенни» — также ввязались в бой, попытавшись быстро вывести из строя «Руби». «Бреда» поравнялся с «Агреаблем» и начал давать полные залпы с пистолетной дистанции. Француз потерял мачты, был сильно избит и уведен за линию на буксире. Кораблю Уолтона также досталось — «Руби» потерял две мачты, такелаж и снасти были сильно повреждены, Бенбоу послал к нему шлюпки, которые смогли вывести его из боя.

Сражение шло 2 часа, концевой французов «Аполлон» был на траверзе «Дифайнса» и «Виндзора» на расстоянии пистолетного выстрела, однако ни тот, ни другой не сделали даже залпа в сторону противника.

В 8.00 налетел шквал, французы поставили все паруса и попытались уйти. Бенбоу пустился в погоню. В 14.00, будучи напротив Рио-Гранде, адмирал оказался на траверзе «Аполлона» и «Фенни» — концевых дю Касса. Пытаясь их задержать, «Бреда» вел огонь по такелажу и парусам, французы отвечали тем же. Бенбоу в течение 2 часов пытался догнать противника, тот всячески уворачивался, пытаясь уйти от боя.

22 августа на рассвете «Гринвич» был еще в трех милях сзади, несмотря на приказ флагмана держаться в линии. Флаги, требующие исполнить указания адмирала, развевались на «Бреде» и днем и ночью, но только «Руби» был рядом. Противник был всего в полумиле от Бенбоу, когда в 15.00 ветер изменился с восточного на южный, и дю Касс оказался на ветре. Однако Бенбоу, повернув на другой галс, оказался под кормой замыкающих судов и открыл огонь. Безусловно, будь все английские корабли рядом, они бы смогли нанести существенные повреждения французам и снизить их скорость, но «Дифайнс», «Пенденнис», «Гринвич», «Фалмут» и «Виндзор» шли в полном беспорядке на весьма большом удалении от флагмана. Ночью дю Касс в попытке оторваться от преследования пробовал идти зигзагом, то на запад, то на север, однако убежать ему не удалось.

Утром 23 августа французы были на расстоянии 6 миль от английского флагмана. К 10.00 Бенбоу оказался на траверзе 2 французских кораблей на расстоянии мушкетного выстрела и дал залп лагом по каждому из них. Французы смогли быстро уйти, хотя brave адмирал преследовал их, как мог. В полдень англичане смогли захватить небольшое судно «Анна Галей», которое, в свою очередь, было захвачено французами в Лиссабоне.

«Руби» начал сдавать — после трех дней непрерывной погони и боя корабль был сильно избит, в трюме появились опасные течи, и Бенбоу был вынужден отослать его в Порт-Ройал. К 20.00 расстояние до французов было около 2 миль,

ветер — слабый и очень изменчивый, от зюйд-оста до норд-веста. «Фалмут» немного догнал «Бреду», но остальные корабли англичан держались далеко позади.

В 2 часа ночи 24 августа расстояние до 68-пушечного «Эрье» дю Касса сократилось, и «Бреда» дал залп книппелями по рангоуту и такелажу, противник сразу же ответил огнем. В 3.00 в правую ногу Бенбоу попал французский книппель, и ее разбило в куски. Адмирала снесли вниз, однако тот, преодолевая боль, велел поставить себе кресло на квартердеке и руководил боем весь день. «Эрье» получил очень существенные повреждения: грот-рей был разнесен в щепки, фор-марса-рея — отстрелена, сбитая бизань свалилась за борт, снасти были разорваны в клочья, борта пробиты во многих местах. «Фалмут» также принял участие в бое и очень помог «Бреде», но он был один.

Вскоре другие корабли французов повернули на помощь своему флагману, в то время как «Виндзор», «Гринвич» и «Пенденнис» находились впереди противника. Они прошли под ветром у избитого «Эрье», дали по нему несколько выстрелов и прошли дальше, к югу. «Дифайнс» же прошел с другого борта французского флагмана и, обменявшись залпами, спустился под ветер, а после сбежал за корму «Фалмута», который в этот момент исправлял такелаж. Французы ожидали, что 3 корабля, спустившиеся к югу, повернут на них, но видя, что этого не происходит, устремились к «Бреде» и прошли между ним и «Эрье», давая частые залпы. В результате на корабле Бенбоу был сильно поврежден такелаж, разбит грот-марса-рей. Командир «Бреда» кэптен Фогт двумя холостыми дал сигнал остальным английским кораблям преследовать французов, которые тем временем взяли на буксир «Эрье».

«Бреда» стоял на месте и чинился до 10 утра, Бенбоу флагами дал сигнал на преследование, но его никто не исполнил. Разгневанный адмирал приказал поставить все паруса и приказать держать линию, это также не было выполнено. Вместо погони за французами, на английский

флагман прибыл командир «Дифайнса» кэптен Керкби и начал убеждать Бенбоу отказаться от продолжения боя. Пораженный таким поведением морского офицера, адмирал созвал на «Бреду» военный совет, и каково же было изумление, когда почти все капитаны поддержали Керкби¹.

Джон Бенбоу, получивший после этого сражения кличку «храбрец» (brave), безмерно страдая от душевной раны, боль от которой была гораздо сильнее, чем от раздробленной ноги, отменил приказ об атаке. Стоит сказать, что «Бреда» к этому времени уже исправил такелаж и был на траверсе французов.

Дю Касс, счастливо добравшийся до Картахены, написал Бенбоу следующее письмо:

«Сэр, в прошлый понедельник я имел мало шансов избежать ужина в вашей каюте, но Бог решил иначе. Что касается ваших трусливых капитанов — повесьте их, они это заслужили.

Жан Батист дю Касс».

6 октября 1702 года тяжело раненный адмирал Бенбоу поручил контр-адмиралу Уэтстону (Wetstone) провести трибунал с участием ряда офицеров над капитанами Керкби, Купером, Констеблем, Уэйдом и Хадсоном по обвинению в трусости, небрежении обязанностями и неисполнении приказов. Трибунал начал работу 8 октября и шел четыре дня. Приговоры были следующими:

Ричард Керкби — виновен; обвинение поддержали 1 адмирал, 10 капитанов и лейтенантов, 11 уорент-офицеров.

¹ Бенбоу был жестким приверженцем безусловного выполнения приказов, никогда никого не уговаривал. Когда хирург бинтовал ему рану, один из лейтенантов выразил горечь по этому поводу. Бенбоу ответил: «Предпочитаю потерять вторую, нежели навлечь позор на английскую нацию».

Приговорен к расстрелу, но решение было отложено до ратификации Ее Величеством.

Джон Констебл — обвинение в трусости было снято. По остальным статьям — виновен. Был разжалован, выгнан со службы и брошен в тюрьму.

Купер Уэйд — обвинение поддержали 16 офицеров и уорент-офицеров. Приговорен к расстрелу после утверждения приговора королевой.

Томас Хадсон не дожид до трибунала и умер за несколько дней до суда.

Сэмьюэл Винсент и Кристофер Фогт, командиры «Бреды» и «Фальмут», были обвинены в том, что подписали общее решение о прекращении преследования эскадры дю Касса. Приговор — более не продвигать по службе.

Все приговоры были утверждены королевой. Ричард Керкби и Купер Уэйд были доставлены в Англию и в 1703 году расстреляны на борту линейного корабля «Антилоуп».

Адмирал Бенбоу умер 4 ноября 1702 года на Ямайке. Тело адмирала было вывезено в Англию и похоронено в Депфорде за государственный счет.

Глава 3

В водах Испании

Атака Кадиса

Каждая из сторон, вступивших в Войну за испанское наследство, имела свои интересы. Англия, помимо всего прочего, хотела приобрести порты на испанском побережье Средиземного моря. Заключенный в свое время договор с Португалией открыл для англичан гавани Лиссабона и Порто, однако в новой войне соседка Испании осталась нейтральной, и это сильно ударило по Великобритании, ведь основные боевые действия происходили на Средиземном море. Еще в 1701 году адмирал Джордж Рук писал Вильгельму Оранскому, что «в случае войны с Францией и Испанией потребуется 50 английских и 30 голландских кораблей, а также 8000—9000 солдат, чтобы захватить Кадис, поскольку этот порт в случае конфликта будет использоваться французским флотом Леванта (так в старину называли восточный район Средиземного моря) для операций в Атлантике»¹.

С началом боевых действий вспомнили про проект отправки сильной эскадры в Средиземноморье (тем более — на их исполнении сразу же стал настаивать английский посланник в Португалии Джон Метьюин), и адмирал Рук возглавил экспедицию к Пиренейскому полуострову. На

¹ Эти планы чуть не претворились в жизнь, мы излагали подробности в главе «Предвоенное состояние».

защите вод метрополии остался адмирал Шовель, имевший 15 кораблей для конвойной и блокадной службы, а также голландский адмирал Гелейн Эвертсен с примерно таким же количеством кораблей.

Эскадра Рука, отправившаяся к побережью Испании, получила приказ захватить порт Кадис, дабы обеспечить для Ройал Неви базу на юге и затруднить межтеатровый маневр французских эскадр Океана (Атлантики) и Леванта. 30 мая 1702 года из Торбэя вышли 30 английских и 20 голландских линейных кораблей (командующий соединенной эскадрой — адмирал Джордж Рук) с десантом в 13 800 человек (из них — 10 000 англичан, включая 2400 морских пехотинцев, и 3800 нидерландцев) под командованием графа Ормонда¹. 20 августа флот Рука бросил якорь у гавани Кадиса, испанскому губернатору было предложено сдаться, но тот отказался.

Кадис расположен в южной части Пиренейского полуострова на длинной косе, вытянутой вдоль материка. Тонкий перешеек соединяет этот город с континентом, с одной стороны — Атлантический океан, а с другой — воды Кадисской бухты. Изрезанные берега косы и континента образуют аж три гавани, из которых две являются внешними, а одна — внутренней. Гарнизон Кадиса, которым командовал дон Франсиско де Кастилья, маркиз де Вильярдариас, насчитывал 300 плохо вооруженных солдат, однако сразу же после появления англо-голландского флота дворянство Андалусии по собственному почину сформировало ополчение, которое вооружило и снабжало в складчину, за свои деньги². В глубине

¹ У мыса Сент-Винсент к эскадре присоединились австрийский представитель, принц Георг Гессен-Дармштадтский и английский посланник в Португалии Джон Метьюин на «Эдвенчур».

² Дело в том, что многие дворяне занимались торговыми операциями с Индиями, поэтому Кадис, как большой торговый порт, был слишком для них важен. Ополчение дало Вильярдариасу 600 всадников и около 4000 хорошо вооруженных солдат.

бухты стояли 8 французских фрегатов, которых нападение англичан застало в порту. Однако они помочь против англо-голландской армады Рука никак не могли, хотя из их команд был сформирован сводный отряд морской пехоты, который влился в оборону города.

На материке напротив Кадиса располагаются форты Санта-Катарина, Санта-Мария, Порто-Реал, а на перешейке — сильно укрепленный бастион Пунталь. В глубине внутренней гавани находился город Каракка. Общее количество пушек крепостей Кадиса и фортов, прикрывавших город, насчитывало 320 единиц.

21 августа союзники созвали военный совет, где пытались решить, как им действовать. Рук предлагал пройти внутрь бухты и высадиться в Пунтале, что позволяло отрезать Кадис от континента и атаковать и с моря, и с суши. Герцог Ормонд, напротив, говорил, что предпочел бы сначала взять форты Санта-Катарина и Санта-Мария, которые прикрывали вход в Кадисскую бухту, а потом уже высадиться на перешейке. Армейцы не были уверены, что без взятия этих бастионов флотские смогут снабжать десант провизией и припасами.

Дебаты были довольно бурными, в результате приняли план Ормонда. 26 августа при свежем ветре английские баркасы с десантом отплыли к бастиону Санта-Мария. Море оказалось довольно бурным, часть баркасов перевернулась, погибли 20 британских солдат. Испанская четырехпушечная полевая батарея, устроенная на холме, открыла по десанту сильный огонь, что заставило часть шлюпок отойти под прикрытие кораблей.

Все же фрегатам англичан удалось сбить орудия испанцев, и первые 230 гренадеров высадились на берегу напротив Кадиса. Они сразу же были атакованы испанскими кавалеристами в количестве 50 человек, однако командир гренадеров полковник Джон Стэнхоуп смог организовать

оборону и отбить атаку всадников. Десант понес большие потери (около 40 человек убитыми), Стэнхоуп позже признавался, что, если бы кавалеристов было чуть больше, его гренадеры были бы просто скинуты в море.

Ночью десант был усилен пехотными частями и наутро совершил марш к городку Рота, находящемуся севернее форта Санта-Мария, однако тот оказался покинутым испанцами. Обрадованные англичане и голландцы решили осуществить высадку именно здесь. В течение двух дней с кораблей выгружали пушки, порох, ружья, провиант. Перед вернувшимися в Роту местными жителями с зажигательной речью выступил принц Георг Гессен-Дармштадтский, сообщив, что Филипп V не имеет прав на испанский престол, а настоящим королем Испании является эрцгерцог Карл. Принц призвал агитировать за Карла и сбросить с плеч ненавистную хунту Филиппа. Однако пафос его пропал даром — возвратившиеся от Кадиса лазутчики сообщили, что сегодня для устрашения на городских стенах были повешены британские и голландские шпионы, после чего весь город присягнул Филиппу Французскому.

В Роте оказались достаточно большие запасы провизии и вина, что послужило причиной полного разложения союзной армии. Прежде всего войска перепились дармовой выпивкой. Далее последовали грабежи, убийства, изнасилования. Женский монастырь бенедиктинок в Роте был полностью разграблен, все сестры изнасилованы и изувечены (английские морпехи отрубали несчастным монашкам большой палец на ноге «на память»). Принц Георг Гессен-Дармштадтский был неприятно поражен выходками англичан, в своем письме австрийскому императору он сообщал, что «особенно ужасно поведение офицеров Ормонда — Генри Белесиса, О'Хары и голландского полковника Спарра. Убийства и истязательства местных жителей стали каждодневной нормой».

В конце сентября англичане смогли взять форт Санта-Мария, который тотчас же был разграблен. Один из английских купцов, находившихся в это время в Роте, писал: «Наша эскадра оставила такие зловонные (а filthy stench) воспоминания среди испанцев, что вряд ли они даже через два поколения забудут это».

Поскольку армия полностью морально разложилась, все тяготы рытья траншей, сооружения мостов и других инженерных сооружений упали на плечи флота. Рук на военных советах постоянно скандалил с Ормондом, доказывая, что использовать опытных моряков в качестве солдат — непозволительная роскошь. Моряка гораздо труднее подготовить к основной службе, кроме того — он совершенно не знает армейской специфики. В конце концов, «кто же отвезет вас домой, когда в округе закончатся все запасы хереса и малаги», вопрошал взбешенный адмирал.

На очередном совещании Ормонд предложил не высаживаться в Пунтале, а дойти до перешейка в обход, по суше. Несмотря на протесты адмирала, именно это решение и было принято. Однако местность, по которой предстояло идти, оказалась крайне неудачной — болотистая низина и пески-плавунуны не давали использовать лошадей, а орудия просто проваливались в трясину. Морякам удалось навести понтоны, собранные из подручных материалов, которые позволили англичанам подойти к следующему форту — Порт-Ройал, но здесь их со стороны бухты начали обстреливать французские и испанские фрегаты под командой принца де Фернандо Нуньеса. Вильярдариас же, глядя на вялые действия союзников, в одну из ночей перебросил 300 солдат к Порт-Ройалу, которые сделали форсированный марш к Роте и внезапным броском захватили городок, отрезав англо-голландский десант от магазинов и провианта.

Срочно был созван военный совет, на котором Рук настаивал на прекращении военных действий у Кадиса. Принц

Георг напрасно убеждал адмирала, что надо бомбардировать Кадис и захватить форт Матагорда, раздраженный Рук предложил принцу повнимательнее взглянуть на карту: даже при захвате упомянутого бастиона вход во внутреннюю гавань закрывает форт Пунталь, а его невозможно взять без десанта на перешейке. Десант же невозможно снабжать, пока не взяты Матагорда и Пунталь. А провизии и ядер для такого штурма уже нет.

30 сентября 1702 года войска загрузились обратно на корабли и сняли осаду с Кадиса.

Союзная эскадра проследовала в Виго, где ей удалось сжечь «серебряный флот» Испании (мы уже подробно рассказывали об этом). Англичане смогли взять кое-какие призы, но большую часть драгоценного металла испанцы сумели выгрузить еще до нападения. Несмотря на удачные действия в Виго, парламент подверг действия Рука жесточайшей критике — депутаты гневно отмечали, что никакие миллионы не смогут заменить гавани Кадиса, что, захватив серебряные слитки, Рук проморгал главное — его флоту придется идти на зимние квартиры в Англию, а вот французы могут опять беспрепятственно подбросить подкрепления в Левант из Атлантики.

Тем временем французская эскадра Кэтлогона, следующая из Бреста в Тулон для усиления флота Леванта, подошла к берегам Португалии. В ее составе находилось 5 линейных кораблей — «Монарк» (88 орудий), «Вэнкер» (88), «Оргилль» (92), «Эоль» (64) и «Куронн» (76). Все корабли имели меньшее количество пушек, чем было положено по штату, а также неполные экипажи. 22 мая 1703 года примерно в 17.00 в шести лье около устья Тахо французы столкнулись с голландским отрядом из 5 линкоров (50-пушечный «Муйдерберг», 32-пушечный «Роозендаэль», 46-пушечные «Роттердам» и «Гастерланд», а также 48-пушечный «Схермер») и 110 транспортов (флейты, пинасы, кечи,

тендеры), идущих из Лиссабона в Сент-Уолл. Торговые причалы были доверху загружены сахаром, вином и солью.

«Монарк» прибавил парусов и пошел вперед. Голландцы, обнаружившие эскадру французов, выстроились в линию и дали сигнал купцам «Спасайся, кто может!». Кэтлогон на «Вэнкере» и дю Паллэ на «Оргиллье» атаквали «Роттердам», но голландец отважно оборонялся, смог сбить фок-мачту на флагмане французов, старался не пускать их к конвою. «Эоль» (флаг капитана де Мона) сблизился с «Роозендаэлем» и после горячей абордажной схватки захватил 32-пушечник. Де Айи на «Монарке» затеял ожесточенную перестрелку с 50-пушечным «Муйдербергом», и вскоре нидерландский корабль пылал от носа до кормы. Через час раздался взрыв, и на месте «Муйдерберга» образовался столб огня и дыма¹. После 2-часового боя «Роттердам», «Гастерланд» и «Схермер» сдались. Благодаря героическому самопожертвованию эскорта, уступавшего в силе эскадре Кэтлогона, транспорта смогли спастись, французы не перехватили ни одного торгового судна. Бой получился ожесточенным, длился 6 часов, у Кэтлогона были 15 убитых и 80 раненых. Потери голландцев — 280 человек. Этот бой заставил союзников отправить новые силы в Левант.

В июле 1703 года из Англии в Средиземное море отправилась эскадра адмирала Шовеля в составе 35 английских и 12 голландских кораблей. Основной задачей Шовеля была защита богатейшего Смирнского конвоя из 230 судов, шедшего к берегам Турции. 24 июля соединение Ройал Неви было на траверзе Лиссабона,

¹ На взорвавшемся «Муйдерберге» погиб посол Голландии при испанском дворе — граф Вальдштейн.

а 16 ноября союзная эскадра довела суда с товаром обратно в Англию, к острову Уайт.

В октябре 1703 года в Голландии эскадра Джорджа Рука взяла на борт эрцгерцога Карла (которого союзники австрийцев именовали Карлом III, королем Испании) — претендента на испанский трон от Австрии, дабы сопроводить его в Лиссабон. Португалия и Савойя, видя такое развитие событий, предпочли в конце 1703 года перейти на сторону австрийского наследника и стали союзниками Англии, гавани Лиссабона и Порто снова открылись перед Ройал Неви.

12 февраля 1704 года Рук с эрцгерцогом Карлом на борту пришел в Лиссабон, где 15-го сын австрийского императора был торжественно принят королем Португалии и его семьей. Вскоре у Лагоса появились и 23 корабля Шовеля, численность англо-голландской эскадры достигла 58 линейных кораблей, они сопровождали 68 транспортов с 9000 человек десанта, основная часть войск предназначалась к высадке в Португалии. У союзников наконец-то появились первые гавани на Пиренейском полуострове, но англичане поняли всю ненадежность и опасность данной ситуации — им нужна была своя, ни от кого не зависящая база.

Именно в этот момент очнулись и французы — им жизненно важно было перехватить эрцгерцога у Уэссана. В дикой спешке было вооружено 25 линейных кораблей, при выходе из гавани один из линкоров налетел на камни и разбился. Брестская эскадра упустила Рука. Жером Поншартрен также сорвал подготовку флота Леванта, где было запланировано вооружить 27 линейных кораблей графа Тулузского. Он просто изъяс деньги из казны морского министерства, поэтому командующий эскадрой в Тулоне не смог закупить припасы и пополнить экипажи. Таким образом, французы не смогли разбить поодиночке сначала Шовеля, а затем Рука.

Сразу же после захода в Лиссабон Рук с десантом из 1800 человек (под командованием принца Георга Гессен-

Дармштадтского) попытался наскоком захватить Барселону, надеясь, что она сдастся при первом же появлении англо-голландского флота на ее рейде, однако это оказались пустые мечты. «Наместник Каталонии» Франсиско де Веласко, уже принявший эту область под руку Филиппа Анжуйского, встретил союзную эскадру пушечными залпами, и Рук спешно отвернул прочь. 29 мая англичане погнались за эскадрой из Бреста, спешившей в Тулон. Если бы французы смогли выйти со всеми кораблями флота Леванта, Рук был бы разбит, но корабли оказались не готовы. Лорды Адмиралтейства определили город, который подлежал обязательному захвату, — многострадальный Кадис, у стен которого англичане уже обломали зубы два года назад.

В июле 1704 года англо-голландская эскадра подошла к Кадису. 27 июля на флагманском корабле «Ройал Катерин» состоялся военный совет, где союзники пытались решить, что же им делать дальше. Рук, Шовель и принц Георг Гессен-Дармштадтский сходились в том, что сил в 1800 человек для взятия Кадиса недостаточно, ведь испанцы довольно сильно укрепили город после прошлой попытки. Меж тем по рукам и ногам флот связывало предписание королевы Анны — действовать только с разрешения Карла III и короля Португалии. При этом королева Анна ждала от флота решительных действий — лучше всех понимал это сам Рук, поскольку в случае неудачи именно на него посыпались бы все шишки. В такой, казалось бы, безвыходной ситуации один из флагманов эскадры — вице-адмирал Джон Лик — предложил захватить Гибралтар. Идею Лика горячо поддержал контр-адмирал Джордж Бинг. Рук и принц также ухватились за эту идею — они хорошо знали, что Гибралтар с сильным гарнизоном неприступен, но, согласно разведанным,

войск там практически нет, а проблемы с продовольствием очень большие, и в случае неудачи прямого штурма союзники могли попытаться взять город измором. Тем самым адмиралы Ройал Неви сознательно нарушали приказ Верховного командования, но они надеялись, что взятие Гибралтара будет равноценно захвату Кадиса и высшее начальство закроет глаза на подобное, слишком уж свободное трактование приказов.

Взятие Гибралтара

Гибралтар, расположенный в южной части Пиренейского полуострова, представляет собой узкий скалистый мыс, омываемый морскими водами; на севере скала соединена с сушей низким песчаным перешейком. Максимальная высота Гибралтарской скалы — 426 м. Скала сложена из мягких известняков и изобилует многочисленными туннелями и пещерами.

Само месторасположение города на южном побережье Пиренейского полуострова в Гибралтарском проливе было исключительно выгодным, и многие морские нации прошлого стремились владеть этим пунктом. Первыми в этих краях основали свою временную стоянку финикийцы в 950 году до нашей эры, они называли ее просто — Кальпе, что переводилось как «Скала». На смену финикийцам пришли карфагеняне, а затем — римляне. После распада Римской империи в V веке нашей эры районом Гибралтара владели вандалы и вестготы. Но ни те, ни другие, ни третьи не создавали на скале постоянных поселений. Первыми, оценившими стратегические выгоды сего места, стали арабы.

30 апреля 711 года именно здесь войска арабского полководца Тарика-ибн-Сеида произвели высадку на Пиренейском полуострове и основали город, который называли Габаль-аль-Тарик (Гора Тарика), позднее переименованный европейцами в Гибралтар. Первая гибралтарская цитадель

была построена мусульманами в 1160 году, а в 1333 году мавры построили новую, более мощную крепость.

20 августа 1462 года войска Кастилии под командованием военного коменданта Тарифы — Алонсо де Аргоса взяли эту мусульманскую твердыню. Испанская монархия прекрасно сознавала стратегическую роль Гибралтара. Королева Изабелла Кастильская повелела своим преемникам удерживать его любой ценой. Император Германии и король Испании Карл V в начале XVI века распорядился перестроить всю систему обороны на скале, сделав ее неприступной. Она оставалась «ключом к Испании» на протяжении последующих 200 лет.

Гибралтар в описываемый момент был глухой провинцией. Сама крепость представляла собой четырехугольник неправильной формы, восточная и южная стороны которого упирались в Гибралтарскую скалу, западная — в море, а северная была прикрыта у песчаного перешейка бастионом дель Кастильо, пушки на котором еще не были размещены. Вход на рейд Гибралтара закрывали два мола, вытянутых в Альхесирасский залив. Таким образом, самым уязвимым местом крепости был бастион дель Кастильо, который, однако, при должном умении можно было удерживать довольно долго. Форты и цитадель города были достаточно хорошо укреплены, по периметру были созданы площадки для размещения 150 орудий, однако повышенный интерес англичан к Кадису сыграл с обороной Гибралтара плохую шутку — все мыслимые резервы отсылались именно туда. Поэтому под командованием гибралтарского губернатора дона Диего де Салинеса были всего лишь 147 солдат и 250 ополченцев, вооруженных (по мемуарам самого Салинеса) «чем бог послал», причем только 30 из них «имели хоть какой-то боевой опыт». Из 150 пушек на фортах с грехом пополам сумели разместить лишь 100, причем все они смотрели в море, с суши Гибралтар был практически незащищен, если не считать природных препятствий в виде скал и рукотворных — в виде фортов, само восхождение на

которые составляло большую проблему. С порохом и свинцом дело обстояло неплохо, учитывая небольшую численность защитников, а вот с продовольствием, особенно с водой — хуже некуда. В результате из присланных в подкрепление 50 солдат примерно половина сразу же разбежалась, а оставшиеся испытывали большие лишения.

1 августа 1704 года союзный флот в составе 45 английских и 10 голландских линейных кораблей подошел к фортам Гибралтара. С кораблей были спущены шлюпки, и под барабанный бой губернатору дону Салинесу было передано две бумаги: письмо короля Португалии, где эрцгерцог Карл признавался новым испанским королем Карлом III, и воззвание принца Гессен-Дармштадского, уверявшее, что союзники пришли сюда с добрыми намерениями и сразу же после присяги на верность Карлу III они удалятся, не причинив никому вреда. Салинес был раздражен — гарнизон крепости был мал, пушки могли стрелять только в сторону моря, но запас ядер был крошечным, моральное состояние жителей оставляло желать лучшего. Видя, что десант союзников в количестве 1800 человек высадился на перешейке, недалеко от бастиона дель Кастильо, губернатор решил распределить свои силы следующим образом:

150 человек (половина из них — ополченцы) под командованием Диего де Авила Пачеко оставить в форте Пуэрта дель Терра, прикрывавшем вход в город из бастиона дель Кастильо;

120 ополченцев Хосе де Медины разместились на форте Муэлле Вьехо (Muelle Viejo) у южного мола;

50 ополченцев под командованием Франсиско Тобиаса де Фуэнтеса охраняли форт Муэлле Нуэво (Muelle Nuevo), расположенный рядом с северным молот;

70 солдат и 6 артиллеристов (именно такое количество пушек испанцы сумели перетащить с западных фортов, дабы прикрыть вход в город с суши) заняли позиции в бастионе дель Кастильо.

Большие проблемы были с ядрами. Впрочем, Салинес не собирался затевать контрбатареиную борьбу с флотом союзников, а против пехоты, идущей на штурм с перешейка, с лихвой хватило бы свинца и железного лома, забитого в дула пушек. Картечь выкосила бы их ряды гораздо быстрее, чем тяжелые чугунные ядра. Губернатор хотел дать бой, и по всем прикидкам выходило, что даже если союзники смогут захватить Гибралтар, цену они за это заплатят большую. Единственное, о чем Салинес горько сожалел, так это о том, что не смог в свое время добиться установки штатного количества орудий в цитадели и доставки необходимого количества ядер. Ведь в этом случае англо-голландский флот понес бы большие потери еще на рейде Гибралтара.

2 августа дул задул сильный зюйд-вест, и эскадра Рука не могла подойти к городу, хотя с кораблей произвели несколько выстрелов, дабы показать, что там ждут ответа на свое предложение. Вечером ветер сменился, и соединение из 22 кораблей и 3 бомбардирских судов под командованием вице-адмирала Бинга и голландца Ван дер Дуссена заняло позиции у старого (Муэлле Вьехо) и нового (Муэлле Нуэво) мола. Это была последняя попытка договориться. Не дождавшись ответа, Рук приказал произвести несколько залпов по цитадели, на что немедленно ответили испанские артиллеристы.

В воскресенье, 3 августа, в пять утра корабли Бинга начали бомбардировку Гибралтара, которая продолжалась шесть часов. По городу было выпущено более 1400 ядер. Хотя укрепления и был нанесен некоторый вред, система обороны совершенно не пострадала. Большей частью ядра попали в жилые дома, были убиты около 50 ополченцев и полторы сотни горожан, вследствие чего из цитадели начался массовый исход женщин, стариков и детей. Они

решили искать убежища в монастырях рядом с городом — Нуэстра Сеньора де Европа, Сан-Хуан и Ремедьос. У подножия северного мола Рук высадил отряд морских пехотинцев в количестве 1800 человек под командованием кэптана Уитакера. Поскольку башню Муэлле Нуэво охраняли всего лишь 50 ополченцев, испанцы решили отступить, предварительно взорвав мину. Обрушившиеся на нападающих обломки форта и скальной породы нанесли морпехам тяжелые потери — 42 человека были убиты, а 60 — ранены. Тем не менее Уитакер взял бастион и находившийся рядом монастырь Нуэстра Сеньора де Европа. Разозленные потерями моряки накинулись на женщин, прятавшихся в ските, и некоторые из них были изнасилованы, часть же других подверглись побоям¹. Гибралтар не сдавался, принц Гессен-Дармштадтский все еще топтался у подножия бастиона дель Кастильо, взятие форта Муэлле Нуэво не было фатальным, ведь оставалась еще главная цитадель. Однако в полдень было получено новое послание союзников, где они требовали безоговорочной капитуляции, угрожая в случае неповиновения полностью уничтожить жителей Гибралтара и начать с тех, кто попал к ним в руки в монастыре Нуэстра Сеньора де Европа. Поскольку у обороняющихся там находились матери, жены, сестры и дочери, гарнизон потребовал согласиться на условия союзников, и Салинес подписал почетную капитуляцию. Испанцы с развернутыми знаменами и под барабанный бой вышли из Гибралтара, злополучные женщины из монастыря также были отпущены, они удалились вместе с войсками. Авантюра Рука

¹ Это испанские данные. Англичане отрицают изнасилования, поскольку во время штурма за такие действия виновные могли быть расстреляны на месте. Тем не менее англичане действительно использовали женщин и монахов как заложников. Кроме того, в ските находилось множество знатных дам.

и принца Гессен-Дармштадтского оправдалась — флот смог захватить важную базу, которая имела огромное стратегическое значение. Но в том, что это была именно авантюра, не сомневался никто, даже автор идеи адмирал Лик — если бы не монастырь с женщинами, если бы не малый гарнизон и штатный комплект пушек, великолепная победа обернулась бы сокрушительным поражением. Тем не менее 4 августа 1704 года вошло в мировую историю — Англия прорубила окно в Средиземное море, Гибралтар был взят. Нападающие и защитники понесли примерно одинаковые потери — по 60 убитых и 200 раненых с каждой стороны.

Есть легенда, что после капитуляции Джордж Рук приказал снять с цитадели испанский флаг и водрузить «Юнион Джек», но это всего лишь байка. На самом деле принц Гессен-Дармштадтский принял у оставшихся жителей присягу на верность Карлу III, союзники сообщили горожанам, что после объединения всей Испании под властью нового сюзерена они уйдут из Гибралтара. Тем не менее большая часть испанцев покинули город — дело тут было не в верности Филиппу Анжуйскому, а в банальных грабежах и насилии, которые творили англичане и голландцы. Достаточно сказать, что монастыри Сан-Хуан и Ремедьос победители использовали как казармы, а если вспомнить о том, что испанцы были католиками, а англичане и голландцы — протестантами, то причины конфликта станут очевидны.

Союзники сгрузили с кораблей 12 орудий (все они были установлены на бастионе дель Кастильо и форте Пуэрта дель Терра)¹, оставили гарнизон из 1900 англи-

¹ Согласно Бингу, Рук не сгружал орудий в Гибралтаре, но этому утверждению противоречат голландские источники. Вполне возможно, это были полевые пушки, предназначенные для отряда Гессен-Дармштадтского.

чан и 400 голландцев, а также необходимое количество запасов и ядер.

В связи с этим хотелось бы остановиться еще на одной байке, присущей уже испанским источникам. В них раз за разом упоминается, что Рук сразу же после взятия Гибралтара снял все испанские орудия с фортов и продал их в Лиссабоне. Не говоря о бессмысленности подобной операции, давайте просто задумаемся о ее трудоемкости: при подобном развитии событий английский адмирал должен был сначала сгрузить 100 орудий со своих кораблей на берег (если вспомнить, что батареи Гибралтара, в основном, смотрели в море, то пушки там должны быть довольно больших калибров, и англичанам, если они хотели ставить на место испанских равноценные орудия, пришлось бы вытаскивать пушки с нижних деков), затащить их на форты, а испанские орудия снять и погрузить на корабли, при этом серьезно уменьшив боевую ценность своей эскадры. Конечно же, в такую версию поверить сложно.

Сразу же начались работы по восстановлению укреплений Гибралтара. Союзники понимали, что времени у них осталось немного — испанцы и французы скоро попытаются отбить Гибралтар. Значение этой морской крепости сразу же оценили и Рук и Лик — с ее помощью Британия имела возможность контролировать средиземноморскую торговлю, а также получила прекрасную стоянку для своих эскадр. Следует осознать, что не обладание Гибралтаром само по себе было важно для Ройал Неви; любая другая нация, содержащая малый по размерам флот, не смогла бы извлечь выгоды из географического положения Скалы. Для островитян главным было то, что Гибралтар являлся прежде всего морским портом, где можно было держать свои эскадры, а уж потом — крепостью, неприступной с суши. Сильный флот Великобритании, базировавшийся на Скалу, одним своим присутствием решал несколько проблем: во-первых, он лишал свободы межтеатрового маневра французские и испанские морские силы, дробя их на

атлантические и средиземноморские. Во-вторых, корабли из Гибралтара могли обеспечить безопасность английскому судоходству в Леванте. В-третьих, возникал постоянный источник угрозы для берберских пиратов, облюбовавших берега Западной и Северной Африки. То, что Гибралтар был неприступен, было лишь дополнительным бонусом, но никак не обязательным условием — географический фактор превалировал надо всем остальным.

Французы и испанцы, в свою очередь, хотели обладать Скалой для того, чтобы никакое соединение британского флота не могло получить там стоянку или дружественную гавань, а возможность иметь там испанскую или французскую эскадру рассматривалась как дополнительный плюс, но не основной. Кроме того, Филипп Анжуйский опасался, что захват Гибралтара вызовет мятеж в Андалузии и союзники получат прекрасную территорию для усиления своих позиций в Испании. А раз так, Гибралтар должен быть отбит! Получалось, что этот город — ключ ко всей войне на Пиренейском полуострове.

Глава 4

Сражение у Малаги

Филипп Анжуйский, узнав о потере Гибралтара, сразу же начал принимать меры. К городу был послан сводный отряд из 8000 испанцев, позже к ним должны были прийти на помощь 3000 французов генерала Каваннье. Из Тулона к Гибралтару вышел весь флот Леванта под командованием вице-адмирала Виктора Мари д'Эстрэ, в составе 50 линейных кораблей и 10 галер. На траверзе Барселоны к эскадре присоединились 6 испанских и 5 французских галер графа Тулузского с 2000 пехоты.

22 августа английский 50-пушечный «Центурион» заметил флот французов, идущий по направлению к Гибралтарскому проливу. Не зная реальных сил противника, Рук решил дать бой — он был уверен, что французы уклонятся от сражения, как это не раз бывало. Ведь после Ла-Хога прошло 12 лет, и в английском флоте почему-то считалось, что французы уже неспособны к правильным сражениям в линии.

Эскадра повернула обратно к Гибралтару, забрала из гарнизона около 400 морских пехотинцев и поспешила навстречу флоту Леванта. Под командованием Рука были 41 английский и 12 голландских линейных кораблей, не считая фрегатов, бомбардирских судов и брандеров. 24 августа около 10 утра противники встретились чуть южнее испанской Малаги.

Соединенная эскадра Туманного Альбиона и Нидерландов шла в линии баталии в следующем порядке:

— Авангард из 15 линейных кораблей, 3 брандеров, 2 фрегатов и госпитального судна под командованием адмирала Клаудисли Шовеля.

— Центр из 26 линейных кораблей, 4 фрегатов, 4 брандеров, вооруженной яхты, 2 бомбардирских и 1 госпитального судна под флагом адмирала Джорджа Рука.

— Арьергард из 12 голландских линейных кораблей, 2 бомбардирских судов, 1 брандера и 1 фрегата под командованием лейтенант-адмирала Калленбурга.

Навстречу эскадре Рука шел французский флот под командованием вице-адмирала графа Тулузского и адмирала Леванта — Виктора Мари д'Эстрэ в таком составе:

— Авангард из 17 линейных кораблей, и судов вне линии — 2 фрегата, 3 брандера и 8 испанских галер под командованием лейтенант-генерала Виллетта.

— Центр из 17 линейных кораблей, и судов вне линии — 2 фрегата, 1 вооруженный галиот, 6 французских галер и 5 брандеров под флагом адмирала д'Эстрэ, графа Тулузского и д'О, наставника молодого графа.

— Арьергард из 17 линейных кораблей и судов вне линии — 3 фрегата, 8 галер, 3 брандера под руководством лейтенант-генерала Ланжерона.

Французы выставили цвет своего флота — д'Эстрэ, Кэтлогон, Виллетт, Ибервиаль, дю Касс, Реллинг, Пуанти были опытными флотоводцами, познали вкус побед, воевали и побеждали под флагом Турвилля, и флот Леванта был полон решимости разгромить противника и захватить Гибралтар.

Англичане взяли в бой все, что было под рукой, любые мало-мальски пригодные суда были реквизированы. В целом можно оценить силы сторон как равные.

Поскольку Рук был на ветре, он хотел стремительно спуститься на противника, смешать ему линию баталии и обратиться в бегство. На всякий случай он вывел два 50-пушечника за линию баталии на случай атаки вражеских галер.

Французы же, напротив, планировали в ходе боя занять наветренную позицию, обойдя голову авангарда, и поставить англо-голландскую эскадру в два огня.

Рук повернул «все вдруг», оказался на ветре и смело пошел на сближение. Однако и авангард французов, заметивших, что дивизионы Шовеля немного оторвались от центра, резко повернул на авангард англичан и устремился в бой. Рук успел закрыть брешь, поскольку французам приходилось действовать под ветром.

Инфревилья смело пошел на Лика и подвергся страшному огню с бомбардирских судов. Лик установил на мортирных ботах 10-дюймовые пушки, стрелявшие подобием современных кумулятивных зарядов¹, и корабли Инфревилья охватили пожары. «Сент-Филипп» получил бомбу в кормовую надстройку, где лежали приготовленные к бою порох и ядра. Экипаж потерял 90 человек убитыми и ранеными, на корабле были сбиты штаги и брамсели, и он вышел из линии. Тем не менее 1-му дивизиону французов удалось сблизиться с авангардом англичан. «Эклатан» открыл с пистолетной дистанции убийственный огонь по «Ярмуту», на головном корабле Лика вспыхнул пожар, он вывалился из линии и убрал паруса. Флагман французского авангарда 90-пушечный «Фье» схватился с 70-пушечным «Свифтшуром» и 50-пушечным «Тилбери», сбил мачту на втором противнике, заставил его выйти из линии. 3-й дивизион также вступил в бой — 90-пушечный «Магнифик» вел дуэль с флагманом Шовеля, 96-пушечным «Барфлером» и его мателотом «Намюром». С одного из бомбардирских судов в корабль шефа д'эскадрэ Бель-иль-Эрара попала бомба, флагман 3-го дивизиона был убит, корабль потерял грот-мачту, почти перестал управляться, на палубе поднялись столбы дыма. Флагманская галера герцога де Турси вывела «Магнифик» из линии, экипаж устранил повреждения и вскоре вернулся в строй. «Энтрепид» также

¹ Наверное, Лик воспользовался изобретением своего отца — известного пушечного мастера в Англии. Он уже применял орудия и снаряды своего родителя в битве в бухте Бэнтри в 1689 году.

вел стрельбу по флагману Шовеля, но ответным огнем был ранен дю Касс, осколок попал ему в колено.

Постепенно в бой втянулся весь флот. 88-пушечный «Вэнкер» Лоррейна схватился с «Монтагью», «Нассау» и «Граф-фтоном». Бой был очень жарким, на расстоянии мушкетного выстрела, сам командующий 5-м французским дивизионом был убит шальной пулей. 104-пушечный «Террибль» вел бой с флагманом эскадры Рука — «Ройал Катерин» и его мателотом «Игл». Лейтенант-генерал Реллинг был тяжело ранен, осколком ему оторвало ногу, на «Террибле» были 64 убитых и раненых. Не менее доблестно сражался и 104-пушечный «Фудроян». В дуэли с 96-пушечным «Сент-Джорджем» он нанес обширные повреждения мателоту Рука, 25 пушек было сбито с лафетов. К 15.00 5 кораблей Бинга были выбиты из линии, арьергард французов во главе со 102-пушечным «Солейл-Руаяль» нанес страшные повреждения нидерландскому флагману «Граф Ван Албермарл», 65 моряков на нем были убиты или ранены. Галеры, вышедшие вперед, угрожали обходом, и голландцы были вынуждены отвернуть к ветру.

Неожиданно точный огонь английских бомбардирских судов смешал ряды французской эскадры. 60-пушечный «Серье», потеряв весь такелаж, прорезал кордебаталию Дилкса между «Кентом» и «Монком». Корабль подвергся страшным продольным залпам, на нем были убиты 90 моряков. Тем не менее французский линкор смог сильно повредить «Монк» ответным огнем. Флагманская галера французов вывела «Серье» за линию, где он немного исправил повреждения и вернулся в строй. Лик предлагал Шовелю воспользоваться временным выходом из линии всех трех флагманов французского авангарда и атаковать первые три дивизиона французов с удвоенной энергией, однако Шовель отказался. На тот момент уже 9 кораблей Лика вышли из боя из-за повреждений или отсутствия боеприпасов. Более того — Шовель повернул с двумя своими 96-пушечниками на помощь Дилксу, чтобы помочь ему отбить атаку Кэтлогона. К 15.00 около флагманского корабля Рука оставались только

«Сент-Джордж» и «Монмаут», поскольку у других кончился порох. В резерве — только 50-пушечные «Пантер» и «Сваллоу», выделенные в начале боя против возможной атаки галер. Сзади 4 линкора Бинга также покинули линию из-за повреждений и отсутствия боеприпасов. Часть же голландцев, попавших в штилевую полосу, находились за пределами дальности орудий и не могли вступить в сражение. Ситуация была угрожающей, часть кораблей, истратив запасы пороха, в отчаянии палила холостыми, Рук всерьез подумывал об экстренном выходе из боя, но слабый ветер не дал бы осуществить такой маневр. Оставалось драться.

Вообще и англичане и французы сражались очень упорно. Никто не хотел уступать, бой длился до ночи — арьергарды разошлись только к 21.00, но потерянных кораблей не было¹. К концу боя французы потеряли 1750 человек, англичане и голландцы — 2700.

На следующий день, 25 августа, французы были на ветре, но не атаковали противника, поскольку некоторые флагманы заявили, что «мы отрезаны от Тулона», на это д'Эстрэ отвечал, что и «противник отрезан от Гибралтара, поэтому сражение надо продолжить». В ночь на 26-е на французской эскадре состоялся совет: продолжать ли бой на следующее утро? Большинство флагманов высказались против сражения, даже храбрец Кэтлогон заявил: «Наша честь спасена, но рисковать за 300 лье от Тулона — опасно». Подобным же образом высказывался и Виллетт: «Честь флота короля восстановлена, и не в наших интересах ввязываться в новое сражение». За возобновление боя высказались лишь тяжело раненный дю Касс, Пуанти и умирающий от раны Реллинг. Вице-

¹ После боя лейтенант-адмирал голландцев Калленбург перенес флаг на «Катвийк» (Katwijk), поскольку его флагман «Граф ван Албермарль» был сильно поврежден. Он приказал перегрузить часть пороха со своего бывшего корабля на другие суда, внезапно во время этой операции «Граф ван Албермарль» влетел на воздух, спаслись всего 9 человек из 375.

адмирал д'Эстрэ отметил: «Если мы не атакуем вторично, не будет достигнута главная цель сражения. Мы — на ветре, мы видели, что многие корабли противника выведены из строя, то, что он уклоняется от боя, говорит о его слабости». Последним на совете французского флота выступил раненный в голову, руку и бок граф Тулузский — он тоже был за бой, но у д'О, воспитателя юного графа, было предписание короля, что решение должно приниматься только большинством голосов, и он настоял на организации такого консилиума (от имени короля)¹. Большинство флагманов высказались против продолжения сражения, и с тяжелым сердцем д'Эстрэ развернул эскадру в Тулон.

В это время англичане спешно снимали порох и ядра с поврежденных кораблей. Если бы французы только знали,

¹ Этот наставник графа Тулузского, получивший в руки большую власть, никогда не командовал кораблями и, судя по всему, вообще никогда не бывал в море, всегда занимая береговые должности, младшие флагманы отказывались служить под командованием ничтожного д'О, человека высокомерного и надменного. По этой причине перед началом кампании 1705 года д'Эстрэ потребовал, чтобы теперь главное командование было передано исключительно ему, угрожая в противном случае вообще не участвовать в ней; д'О приватно у короля, без Поншартрена, добился того, чтобы д'Эстрэ не было на флоте, а король издал бы указ, предписывавший младшим флагманам в обязательном порядке подчиняться графу Тулузскому (и ему). Все же Кэтлогон и Ла Артелюар наотрез отказались и были переведены в Брест. Узнавший об этом министр пришел в ужас: *«Граф и д'О погубят флот, и число их кораблей — 44 — зловещее, такое же, как и при Барфлере!»* Поншартрен, раздосадованный тем, что такое решение было принято без него, добился того, что вооружение большого флота в Тулоне, Бресте, Рошфоре, Гавре и Байонне было вообще отменено, что было несложно, поскольку из-за тяжелой войны на суше средств на флот не было. (Verge-Franceschi. Les officiers general de la Marine Royale, 1715—1774, t. 6—7, Paris, 1990).

что у Рука практически не осталось боеприпасов! Комплект зарядов не превышал 8 на орудие, Рук готовил к уничтожению 25 своих кораблей, поскольку они были очень сильно повреждены и на них уже не было ни пороха, ни ядер! Бинг в своих записках отмечает, что в случае возобновления боя кораблям эскадры было приказано подойти к французам как можно ближе, дать несколько залпов и идти на abordаж¹!

Но французский флот второй раз (после Бичи-Хэда) упустил шанс повернуть историю вспять. Больше таких возможностей у него не было.

Эскадра Рука также перестала представлять значительную силу — множество кораблей было повреждено, боеприпасов было крайне мало, некомплект экипажей угрожал стать настоящим бедствием. Англо-голландский флот зашел в Гибралтар, сгрузил немного продовольствия, пороха и ядер и отправился в Лиссабон, а оттуда в Англию. В водах Испании осталась только небольшая эскадра вице-адмирала Джона Лика.

В сентябре 1704 года соединение Рука по пути в Англию попало в сильный шторм, что чуть не закончилось катастрофой. Корабли были очень сильно повреждены и сразу же встали на капитальный ремонт.

Состав англо-голландской эскадры в битве при Малаге

1-й дивизион, командир — вице-адмирал Джон Лик		
Yarmouth	70	
Norfolk	80	
Berwick	70	

¹ Мэхэн, упоминающий о диком расходе боеприпасов при взятии Гибралтара (15 000 ядер), делает это совершенно неоправданно. Записки адмиралов Бинга и Лика полностью противоречат этому утверждению. На самом деле при битве у Малаги англичане, увидев, что французы пошли в бой, начали обстрел с дальней дистанции, и множество зарядов было потрачено впустую.

1-й дивизион, командир – вице-адмирал Джон Лик		
Prince George	96	Флагман
Boyne	80	
Newark	80	
брандер Firebrand	8	За линией
Garland	40	За линией
2-й дивизион, командир – адмирал Клаудисли Шовель		
Lennox	70	
Tilbury	50	
Swiftsure	70	
Barfleur	96	Флагман
Namur	96	
Orford	70	
Assurance	66	
Nottingham	60	
Warspite	70	
Princess Anne		Госпитальное судно. Вне линии
брандер Griffin	8	За линией
брандер Vulcan	8	За линией
Roebuck	40	За линией
3-й дивизион, командующий – контр-адмирал Томас Дилкс		
Burford	70	
Monk	60	
Cambridge	80	
Kent	70	Флагман
Royal Oak	76	
Suffolk	70	
Bedford	70	
брандер Lightning	8	Вне линии
Tartar	32	Вне линии. Фрегат
Swallow	50	Вне линии.
4-й дивизион, командующий – адмирал Джордж Рук		
Shrewsbury	80	
Monmouth	70	
Eagle	70	
Royal Katherine	96	Флагман
St. George	96	
Montague	60	
Nassau	70	
Grafton	70	
William & Mary	12	Вооруженная яхта. Вне линии

4-й дивизион, командующий – адмирал Джордж Рук		
Terror	4	Бомбардирское судно. Вне линии
Hare	4	Бомбардирское судно. Вне линии
Jefferies		Госпитальное судно. Вне линии
брандер Phoenix	8	Вне линии
брандер Hunter	8	Вне линии
Newport	24	Фрегат. Вне линии
Lark	40	Вне линии
Panther	50	Вне линии
5-й дивизион, командующий – контр-адмирал Джордж Бинт		
Ferne	70	
Kingston	60	
Centurion	50	
Torbay	80	
Ranelagh	80	Флагман
Dorsetshire	80	
Triton	50	
Essex	70	
Sommerset	80	
брандер Vulture	8	Вне линии
Charles Galley	32	Фрегат. Вне линии
1-й дивизион, командующий – лейтенант-адмирал Калленбург		
Dordrecht	72	
Vriesland	64	
Leeuw	64	
Bannier	64	
Graaf van Albemarle	64	Флагман
Utrecht	64	
Vlissingen	54	
+ 2 бомбардирских судна и брандер вне линии		
2-й дивизион, командующий – вице-адмирал Вассенар		
Stad Nijmegen	74	
Gelderland	60	
Unie	90	Флагман
Damiaten	52	
Katwijk	72	
Mars	36	Фрегат

Состав французской эскадры в битве при Малаге

1-й дивизион, командующий – шеф д'эскадрэ Инфревилья		
L'Éclatant	70	Флаг шефа д'эскадрэ Беллефонтейна
L'Éole	64	
L'Oriflamme	62	
Saint-Philippe	90	Флагман
L'Heureux	70	
Le Rubis	56	
L'Arrogant	62	
2-й дивизион, командующий – лейтенант-генерал Виллетт		
Le Marquis	60	
Le Constant	70	
Le Fier	90	Флагман
L'Intrépide	84	Флаг шефа д'эскадрэ дю Касса
L'Excellent	62	
3-й дивизион, командующий – шеф д'эскадрэ Бель-иль-Эрар		
Le Sage	58	
L'Écueil	68	
Le Magnifique	90	Флагман
Le Monarque	88	
Le Perle	54	
4-й дивизион, командующий – лейтенант-генерал Кэтлогон		
Le Furieux	60	
Vernandois	64	
Le Parfait	74	
Le Tonnant	92	Флагман
L'Orgueilleux	92	
Le Mercure	54	
Le Sérieux	60	
5-й дивизион, командующий – шеф д'эскадрэ Лоррэйн		
Le Fleuron	56	
Le Vainqueur	88	Флагман
Le Foudroyant	104	Флагман эскадры. Флаги вице-адмирала д'Эстрэ и графа Тулузского. Начальник дивизиона – д'О
Le Terrible	104	Флаг лейтенант-генерала Реллинга
L'Entreprenant	60	
Le Fortune	58	

6-й дивизион, командующий – шеф д'эскадрэ Пуанги		
Le Henry	66	
Le Magnanime	74	Флагман
Le Lys	88	
Le Fendant	58	
6-й дивизион, командующий – шеф д'эскадрэ Себбевиаль		
Le Zélande	60	
Le Saint-Louis	60	
L'Admirable	92	Флагман
La Couronne	76	
Le Cheval-Marin	44	
Le Diamant	58	
7-й дивизион, командующий – лейтенант-генерал Ланжерон		
Le Gaillard	56	
L'Invincible	70	
Le Soleil Royal	102	Флагман
Le Sceptre	88	
Le Trident	58	
8-й дивизион, командующий – шеф д'эскадрэ Ля Артелюар		
Le Content	60	
Le Maure	58	
Le Toulouse	64	
Le Triomphant	92	Флагман
Le Saint-Esprit	74	
L'Ardent	68	

Глава 5

Отбить Гибралтар — защитить Гибралтар!

После ухода из Леванта Рука в Средиземном море остался вице-адмирал Джон Лик с эскадрой из 11 линейных кораблей, 5 фрегатов и 1 брандера. Корабли, сильно пострадавшие при Малаге, были в отвратительном состоянии, требовалось провести неотложный ремонт. 31 августа Лик вошел в гавань Лиссабона, где уже находились в ремонте три его корабля. Для сопровождения Смирнского конвоя он смог выделить только 50-пушечный «Сваллоу» и один брандер. Сил больше не было, но французы не атаковали конвоя по пути следования. Осмотр кораблей в доке выявил многочисленные повреждения подводной части, рангоута и такелажа, даже на флагмане Лика — 70-пушечном «Ноттингэме» — необходимо было заменить все мачты. В Лиссабоне его застиг приказ — перебросить из Лагоса в Гибралтар 1500 солдат, однако у адмирала не было ни исправных транспортов, ни провианта. Лик срочно послал в Танжер «Тайгер» и «Антилоуп» с задачей закупить у мавров еды на 3 месяца. Ремонт кораблей шел в бешеном темпе.

Меж тем 5 сентября 1704 года к стенам Гибралтара подошли испанские войска в количестве 8000 штыков с 12 орудиями¹ под командованием маркиза Вильядариаса, однако

¹ Испанцы, по словам маркиза Вильядариаса, были «плохо снабжены и отвратительно обмундированы». По большому счету, их даже с натяжкой нельзя было назвать регулярными войсками, это воинство было более напоминало милицейские части.

они не принимали никаких активных действий до подхода французских батальонов. Принц Гессен-Дармштадтский воспользовался любезно предоставленной ему передышкой и бросил все силы на укрепление Гибралтара. Часть пушек была переставлена на форт дель Кастильо, между позициями распределили запас пороха и ядер. Благодаря оставленным Руком припасам гарнизон в 4000 человек не испытывал нужды ни в продовольствии, ни в боеприпасах. Единственной проблемой была вода, но устранение угрозы со стороны французского флота должно было эту ситуацию разрешить.

В середине сентября прибыли французы Каваннье, однако штурм опять не состоялся, Вильярдаurias ограничился лишь постройкой батарей и деревянных башен, дабы вести обстрел фортов Гибралтара. Строительные работы шли очень тяжело, принц Гессен-Дармштадтский, усиливший артиллерию форта Пуэрта де Терра, вел беспокоящий огонь по испанцам, однако к 26 октября башни были построены, и в результате непрекращающихся обстрелов со стороны испанцев форты дель Кастильо и Пуэрта дель Терра были серьезно повреждены. Принц послал письмо с просьбой о помощи Ликку. Флот, завоевавший Гибралтар, должен был спасти его!

Лик же в Лиссабоне продолжал заниматься ремонтными работами. 1 ноября 1704 года он получил письмо Гессен-Дармштадтского, но в этот же день пришел и приказ от Адмиралтейства — отослать в Англию 4 отремонтированных линейных корабля. Адмирал не колебался, он отписал Их Лордствам, что неумехи португальцы отвратительно починили корабли и ему пока не удастся выполнить этот приказ, а сам собрал всю эскадру и отплыл к Гибралтару.

Со стороны моря от Кадиса к Скале подошла небольшая флотилия испанцев, сопровождавшая несколько транспортов с войсками. Начавшаяся на новом моле разгрузка войск была прервана появлением эскадры из 18 британских линейных

кораблей под командованием вице-адмирала Джона Лика¹. 29 ноября у мыса Спартель «Сваллоу», «Кентенбери», «Леопард» и «Ларк» атаковали и сожгли два 36-пушечных фрегата, два испанских брандера, 1 кеч, 2 судна, недавно захваченных у англичан, и множество мелких штурмовых лодок, использовавшихся испанцами для подвоза подкреплений. Французский 30-пушечный фрегат «Этуаль», пытавшийся вырваться из Альхесирасского залива, был атакован «Сваллоу», выбросился на мель и был сожжен. До начала декабря Лик находился в Гибралтаре с эскадрой из 7 линкоров, 4 фрегатов и 1 брандера. Он сильно рисковал, потому что, по слухам, французы большими силами решили атаковать Скалу с моря.

Но вернемся к событиям на берегу. Принцу Гессен-Дармштадтскому удалось закончить основные приготовления — на перешейке были установлены пять новых батарей, соединенных между собой траншеями. Это позволяло защитникам подбрасывать на батареи подкрепления или осуществлять маневр войсками без потерь. От форта Пуэрта дель Терра к морю был выкопан большой ров, заполненный водой, который отрезал большую часть перешейка. Основной проблемой осажденных была постоянная вражда между морскими пехотинцами английского флота и немецкими наемниками принца Гессен-Дармштадтского, однако похожая ситуация существовала и в испано-французском лагере — дело иногда доходило до поножовщины и прямого неисполнения приказов.

Поскольку Вильярдариасу пришлось оставить любые мысли об атаке Гибралтара с моря, он начал искать способ захватить крепость с суши. Такую возможность для маркиза открыл простой испанский пастух — Симон Сусарте,

¹ В пути к эскадре присоединились «Гарланд», «Пэмброк», «Кентенбери», «Тайгер» и «Антилоуп», а также 6 голландских кораблей.

который часто пас коз в этих краях и знал многие потайные тропы. Симон пообещал проводить войска испанцев по склону Скалы, смотрящему в Средиземное море, и подвести к восточным фортам цитадели, которые были защищены хуже всех, поскольку нападения с той стороны не ожидалось. В ночь, на 10 ноября 1704 года 500 испанских гренадеров под командованием двух полковников — маркиза де Вальдесилья и его брата Антонио де Фигероа (de Valdesilla y su hermano Antonio de Figueroa) прошли по части хребта, обращенной в Средиземное море, и остановились у пещеры Сан-Мигель на западной стороне Скалы. Подъем был очень сложным — карабкаться пришлось с помощью веревок, маркиз де Вальдесилья сорвался с вершины и упал вниз, на небольшую площадку, сломав три ребра и руку. У пещеры испанцы ждали прибытия еще 1500 французских солдат, которые должны были идти другой тропой, однако подкрепление отряду полковника де Фигероа не пришло — в лагере опять начались склоки между испанцами и французами. Генерал Каваннье заявил Вильядариасу, что он не доверит судьбы своих солдат какому-то грязному, убогому испанскому крестьянину. Тем временем отряд испанского полковника был замечен дозорными с одной из восточных башен — дель Ачо, вход в которую охранял небольшой отряд под командованием брата Георга Гессен-Дармштадтского Генриха. Англичане оперативно выслали на лодках большой отряд к восточному побережью Скалы, который затеял перестрелку с испанцами. Дабы облегчить себе подъем, испанцы взяли минимум необходимого, поэтому у них было не более трех пуль на ружье. После первых выстрелов противника Антонио де Фигероа повел своих солдат в штыковую атаку на форты Гибралтара, но все гренадеры были хладнокровно перестреляны обороняющимися. В живых не осталось никого. Это был очень серьезный моральный удар по осаждавшим. В лагере испанцев воцарилось уныние, началось дезертирство.

Осажденные же, напротив, регулярно снабжались эскадрой вице-адмирала Лика, не испытывали недостатка в порохе и ядрах, а также в провианте и даже в воде. Октябрь и ноябрь с постоянными дождями и грозами изводили испанцев и французов гораздо больше, чем вылазки противника; из-за увеличившегося числа больных повысилась и смертность, угроза эпидемий была очень реальной.

21 декабря эскадра Лика ушла в Лиссабон. Теперь Скала осталась без морской поддержки. В январе 1705 года маркиз де Вильядариас был смнен французским маршалом Тессье, назначение которого войска Каванье приняли восторженно. В своем прощальном письме Вильядариас писал: «Никакой генерал не сможет здесь ничего сделать, если будет воевать такими неподготовленными войсками, какими довелось командовать мне». В последней попытке доказать свою состоятельность 7 февраля 1705 года он бросил войска на штурм — 18 испанских батальонов пошли на приступ, форсировали ров, однако остановились перед фортом Пуэрта дель Терра, поскольку артиллерия, хотя и повредила стену, не смогла сделать в ней пролом. В результате испанцы откатились назад, потеряв более 200 человек убитыми. Только благодаря французской артиллерии, которая прикрывала отход батальонов, жертв оказалось так мало, но это было слабым утешением.

8 февраля в лагерь прибыл маршал Тессье с 4000 солдат, 1000 французских гренадеров и четырьмя батальонами Оранского гарнизона. С моря его должна была поддерживать эскадра барона де Пуанти в составе 13 французских линейных кораблей. Маршал был чванлив и заносчив. Как издевательски пишут испанские источники, «скромность никогда не была добродетелью Тессье». На первом же военном совете французский военачальник предложил следующий план действий: дожидаться подхода де Пуанти и атаковать крепость одновременно с моря и с суши. Эскадра должна была начать бомбардировку, высадив десант на южном моле, а Тессье тем

временем пошел бы на форт Пуэрта дель Терра в лобовую. Как считал маршал, англичане не выдержали бы такой атаки.

Принц Гессен-Дармштадтский срочно сообщил о подходе французских кораблей в Лиссабон. Адмирал Лик получил эти данные 21 февраля и сразу же начал подготовку к выходу в море. К этому времени английская эскадра усилилась 5 кораблями, приведенными в Левант контр-адмиралом Дилксом, который привез Лику патент на чин вице-адмирала белого флага и назначение командующим морскими силами в Леванте. 6 марта Лик отплыл к Гибралтару. В составе его эскадры находились 23 английских, 4 голландских и 8 португальских линейных кораблей. Первоначально французское соединение барона де Пуанти насчитывало 13 кораблей, однако накануне 8 из них были сорваны штормом с якорей и унесены в море. Посланный Ликом на разведку к Гибралтару «Леопард» сообщил, что у французов на тот момент было всего пять кораблей линии кордебаталии, поскольку часть эскадры отнесло к Малаге во время недавнего шторма. 11 марта в 5.30 утра Лик застал де Пуанти выходящим из залива и пустился в погоню. У мыса Кабарита (крайняя точка Гибралтара) англичане смогли навязать бой французам. Де Пуанти шел в следующем порядке: «Ли» (66 орудий), «Маньянэм» (74 орудия, флагман), «Ардан» (60 орудий), «Маркиз» (66 орудий), «Арроган» (60 орудий).

В 9.00 Дилкс с «Ревенджем», «Ньюкаслем» (флагман), «Экспедишн» и одним голландцем атаковал «Арроган», который вскоре спустил флаг. «Уорспайт», «Кентербери», «Леопард» и еще один голландец начали расстрел «Ли». Вскоре к ним присоединились и другие корабли союзников. В 10.30 Лик подошел к «Ли» на пистолетный выстрел и дал по нему залп книппелями, но французы ответным залпом пополам перебили Лику грот-рею, ее обломками были убиты 3 и ранен 1 человек, Лик отстал и пошел к флагманскому «Маньянэму». Через полчаса он уже был рядом с ним, но француз, пытающийся уйти по мелководью, выскочил на

берег так, что все мячты упали за борт, французский экипаж бросился спасаться, по нему дали 2 залпа. Экипаж «Маньянэ-ма» понес страшные потери, сам Пуанти был тяжело ранен. В свою очередь, Лик оказался близко от «Ардана», подошел и голландский шаутбенахт, который отрезал француза от берега и захватил, хотя голландец рисковал сесть на мель. Вскоре был захвачен и «Маркиз».

Остальные корабли союзников в страшной сумятице бросились на убегающий «Ли». Сопrotивлялся француз довольно слабо, его можно было бы и захватить, но англичане, голландцы и португальцы мешали друг другу, поэтому нельзя было послать к французу шлюпки с абордажными командами. Португальцы — никудашные моряки — приносили больше вреда, чем пользы, один из их кораблей даже обстрелял «Пэмброк», спутав его с «Ли». В результате француз выбросился на берег.

После разгрома соединения Пуанти об одновременной атаке фортов Скалы с суши и с моря можно было забыть. Маршал Тессье признал, что взятие Гибралтара не такое простое дело, как он считал раньше. Он стал тяготиться данным назначением и, дабы попасть в армию, действующую на полях Германии в «правильных сражениях», начал бомбардировать Людовика XIV письмами с советами снять осаду с крепости. Свою же осечку со взятием Гибралтара Тессье увязывал с низкой боеспособностью испанцев, которые сначала подарили англичанам цитадель, а потом не смогли ее взять. «Такое количество войск, какое задействовано в осаде, — писал Тессье, — можно с пользой использовать на других фронтах». В результате в апреле осада была снята, батареи демонтированы, пушки и войска отозваны, на перешейке остался лишь небольшой испанский отряд, дабы не допустить вылазки англичан и немцев. Осада стоила испанцам и французам десяти тысяч человек, из которых большая часть погибла от болезней, англичане и немцы потеряли около двух тысяч.

2 августа 1705 года в Гибралтаре высадился Карл III с войсками для принятия под свою руку Арагона, к нему присоединился и принц Гессен-Дармштадтский. Пока город еще формально принадлежал испанской короне, хотя и находился под союзным управлением. Войска Карла III продвинулись к Барселоне, туда же подошел и флот.

Глава 6

Осада Барселоны

По возвращении в Англию Рук был подвергнут остракизму и снят с должности командующего Ройал Неви. Несмотря на поддержку королевы, оказанную адмиралу, Палата лордов посчитала, что Рук опасно рисковал у Малаги, что он нарушил инструкции Адмиралтейства, ему припомнили и Кадис, и Барселону, и Виго. Поскольку Рук поддерживал партию тори, а в правительстве был, в основном, виги, никто не встал на его защиту¹. В результате командующим английским флотом стал адмирал Клаудисли Шовель.

24 мая из Спидхэда вышла эскадра Шовеля в составе 29 линейных кораблей, а также множества фрегатов, бомбардирских судов, брандеров и транспортов. Помогать Шовелю в части управления десантом был назначен Чарлз Мордаунт, граф Петерборо. 11 июля Шовель соединился с Ликом в районе Лиссабона, силы отряда возросли до 48 линкоров. 15 июля был проведен военный совет, на котором решили некоторое время крейсировать между Кадисом и мысом Спартель, дабы не допустить соединения Брестской и Тулонской эскадр. Вернувшийся из Гибралтара принц

¹ Тори, бывшие в оппозиции действующему правительству Англии, считали, что необходимо вести морскую войну. Они противопоставляли победе Мальборо при Гохштедте в 1704 году победу Рука при Малаге и взятие Гибралтара. Жертвой этой партийной борьбы и стал адмирал Джордж Рук.

Гессен-Дармштадтский сообщил, что Каталония восстала и теперь появилась возможность взять Барселону. Адмиралы заинтересовались этой идеей — они понимали, что в случае базирования на Барселону сильного соединения они могли бы контролировать все передвижения флота Леванта, а также держать под ударом французское побережье Средиземного моря. 28 июля английская эскадра, взяв на борт Карла III, отплыла к Барселоне. Из Плимута подошли транспорта с войсками — 5000 пехотинцев и 2 полка драгун, в Гибралтаре дополнительно загрузили 1800 солдат принца Гессен-Дармштадтского. 22 августа флот был у Барселоны.

Столица Каталонии на тот момент была хорошо защищенной крепостью — 146 орудий на стенах, внутри — гарнизон в 5000 солдат под командованием герцога Франсиско де Веласко.

После бурных дебатов осаждавшие все-таки решили высадить войска, правда, для усиления сухопутных сил сформировали отряд из 2000 английских и 600 голландских моряков. 2 сентября сторонники эрцгерцога атаковали форт Монтуик, который располагался на возвышенности перед городом. Захват этой крепости позволял прицельно обстреливать всю Барселону. В яростной атаке 800 солдат под командованием принца Гессен-Дармштадтского преодолели ров и полезли на стены. Именно в этот момент принц получил пулю в грудь и свалился замертво. Рискуя собой, шесть гренадеров смогли вынести Георга с поля боя, однако он скончался от потери крови. Смерть принца была страшной потерей, но морские пехотинцы смогли взять форт.

На захваченные позиции сразу же начали свозить осадную артиллерию. Вдоль укреплений Барселоны были вырыты траншеи, где разместили 50 орудий и 20 мортир, которые устроили жестокий обстрел города. Первым делом береговые батареи англичан сосредоточили огонь на фортах в гавани, поскольку эти крепости мешали флоту войти в га-

вань и поддержать войска огнем с моря. Из письма адмирала Шовеля принцу Георгу Датскому (супругу королевы Анны и по совместительству — лорду-адмиралу):

«17 сентября.

Наша батарея из 30 орудий была установлена на форту Монтуик, причем 14 из них открыли огонь сразу же по той части стены, куда им было указано. Граф Петерборо, поднявшись на борт моего корабля, сообщил о своих потребностях в деньгах, чтобы армия смогла продолжить осаду Барселоны. Наши адмиралы посоветовались и предоставили ему 40 тысяч талеров из казны эскадры.

19 сентября.

Мы решили следующее: атаковать пирсы с помощью брандера, на котором будет заложено 200 бочонков пороха. На батареях дополнительно размещено 14 орудий, что составило уже 72 орудия, большей частью 24-фунтовых. Бомбардировка Барселоны продолжается непрерывно, пока позволяют погода и наши запасы.

20 сентября.

Для того чтобы еще более усилить обстрелы, мы решили снабдить батареи 24- или 28-фунтовыми орудиями, убрав все мелкие пушки, поскольку они бесполезны при обстреле столь защищенной крепости».

23 сентября на столицу Каталонии обрушили 420 снарядов, в обстреле участвовали и 8 бомбардирских судов под флагом сэра Стафорда Фэйрборна. Вечером в Барселоне взвился белый флаг. Бригадир Стэнхоуп принял у себя маркиза де Ривьера, который согласился обменяться заложниками и подписать капитуляцию. 28-го были оговорены условия капитуляции, и через несколько дней город был занят.

С известием о взятии Барселоны Петерборо отослал в Англию адмирала Норриса, которого очень сильно недолюбливал и просто хотел от него избавиться. Велико же было удивление милорда Мордаунта, когда он узнал, что за это

радостное известие Норрис получил рыцарство и теперь он не просто «Джон Норрис», а «сэр Джон Норрис»! «Из нас двоих, — заметило его лордство, — один — точно дурак, и это явно не сэр Джон Норрис!»¹

16 октября эскадра Шовеля взяла курс домой. 26 ноября адмирал встал на рейде Спидхэда.

Эскадра же Лика, отчаянно нуждавшаяся в провианте, вскоре ушла в Лиссабон за едой и для ремонта судов. Этот поход стоил флоту больших жертв, чем вся осада Барселоны. Из-за плохой погоды на этот короткий путь ушло 13 недель и 3 дня (!!!), по воспоминаниям Стивена Мартина, командира корабля «Принс Джордж», *«за это время на одного человека приходился один сухарь в день, а то и полсухаря, три недели вообще не было хлеба; воды тоже сильно не хватало в течение некоторого времени, так что те, кто выдержал голод, позже погибли от жажды, и было крайне тяжело наблюдать этот спектакль, когда некоторые, впадшие в безумие, падали на палубу и пожирали сами себя. На “Принс Джордже” похоронили 50 человек, а втрое большее количество моряков были тяжело больны все плавание, так что за все время похода, начиная с даты ухода из Англии, мы похоронили до 300 человек».*

¹ Данные из «Dictionary of National Biographies».

Глава 7

Осада Тулона

К концу в 1706 года союзники полностью овладели Фландрией, но на этом направлении создался стратегический тупик — французский маршал Вандом со 100 тысячами солдат преграждал Мальборо путь на Париж. В связи с этим возникла идея вторжения во Францию с юга, для этого необходимо было уничтожить флот Леванта, базировавшийся на Тулон. Если бы это удалось, представлялось возможным высадить союзные войска в Провансе, отрезать французские войска в Северной Италии от метрополии и развить наступление в глубь королевства Людовика XIV.

В течение лета 1706 года Евгений Савойский деблокировал Турин, и французы вынуждены были отступить из Пьемонта и Савойи. В Испании войска коалиции планировали провести широкомасштабное наступление, которое бы сковало испано-французские войска на Иберийском полуострове и в случае успешного развития дел в Провансе препятствовало бы переброске подкреплений к Тулону. Если же после высадки австрийков в Тулоне или Ницце французы вывели бы войска из Испании, союзники вполне могли бы взять Мадрид.

Вообще план этот следовало бы признать достаточно авантюрным, поскольку вести крупномасштабные активные боевые действия на двух фронтах одновременно, причем скоординировав их с четким временным графиком, в ту эпоху не представлялось возможным. Однако захват Тулона действительно был бы серьезным ударом по Франции, а высадка большой армии в Провансе могла бы выбить ее из войны.

Будучи в Лиссабоне, Шовель получил инструкции от королевы: снарядить 40 линейных кораблей и достаточное для перевозки армии (15 тысяч пехотинцев) количество транспортов, а также договориться с принцем Евгением Савойским о сроке начала операции, который назначался главнокомандующим операцией. Однако с самого начала планы начали трещать по швам. Первыми влезли австрийцы — они считали необходимым до начала операции захватить Неаполь и для этого часть сил отвлекали в Южную Италию. Королева Анна попыталась договориться с императором Иосифом, британцы взяли на себя снабжение экспедиционных сил порохом, выделили 100 тысяч фунтов на вербовку войск в Пьемонте и Савойе, но — безрезультатно. Иосиф отписал, что, по его мнению, захват Неаполя гораздо важнее высадки во Франции, поэтому первоочередной задачей австрийские войска видят именно Южную Италию. Впрочем, успокаивал Иосиф королеву, в Неаполе сильны его приверженцы, и занятие этого порта не займет много времени. К маю 1707 года у испанского побережья под командованием Шовеля собрались довольно большие силы: 31 британский и 15 голландских линкоров¹, кроме того — 20 фрегатов и около 200 транспортов, однако отряды были раскиданы по разным местам. 22 британских корабля под командованием вице-адмирала Джорджа Бинга и контр-адмирала Джона Норриса с начала апреля крейсировали у Аликанте, тогда как остальные корабли и суда находились в портах Каталонии. Дело в том, что английские войска графа Голуэя потерпели поражение у Альмансе от испано-французских войск графа Бервика (побочного сына герцога Мальборо, поддержавшего Якова II и оказавшегося по другую сторону баррикад), поэтому Ройал Неви была поставлена задача срочно доставить туда подкрепления. В конце апреля отряду Норриса поставили задачу

¹ В июне 1707 года командующий голландской эскадрой вице-адмирал Филипп ван дер Гоэс умер, его сменил командор Йохан ван Конвент.

выдвинуться к Генуе, самого контр-адмирала Шовель назначил своим представителем при штабе Евгения Савойского, отрекомендовав его как «человека большой преданности и громадного опыта, которому вы всецело можете доверять». Шовель действительно доверял Норрису — они были знакомы очень давно, с боя в бухте Бэнтри, где Норрис проходил службу гардемаринном на корабле Шовеля. Контр-адмирал Джон Норрис имел на флоте шутливое прозвище «Джек — плохая погода» (Foul Weather Jack), поскольку довольно часто попадал в шторма, но моряком он был грамотным и бесстрашным.

5 мая 1707 года адмирал Норрис прибыл в Турин, но принца Евгения там не оказалось, Савойский находился со своим штабом в Милане. Через несколько дней принц прибыл, и был проведен импровизированный военный совет, на котором присутствовали сам Савойский, британский посланник Джон Четвинд и контр-адмирал Джон Норрис. Основной проблемой австрияк назвал сильную нехватку пороха и ядер и попросил Ройал Неви снабдить его всем необходимым. Норрис возражал, он говорил, что королева готова оплатить боеприпасы, но снимать их с кораблей было бы неразумно, ведь французы вполне могут вывести на бой флот Леванта, и тогда эти боеприпасы пригодятся самому Шовелю. Стороны препирались до вечера, но так и не пришли к общему мнению — Норрис пообещал, что отпишет об этом графу Сандерленду, секретарю Государственного совета, а Четвинд пытался убедить Евгения закупить все необходимое в Ливорно и Генуе.

10 мая Шовель вышел из Лиссабона и отправился к побережью Италии. На траверзе Аликанте к нему присоединился Бинг. Здесь командующий получил известие от Норриса о проблемах с боеприпасами у австрияков. Шовель немедленно приказал двум кораблям взять курс на Гибралтар и загрузить к себе в трюмы 1000 бочек пороха и

12 тысяч ядер. По расчетам командующего, к концу июня они должны были подойти к устью Вара, на границе между Италией и Францией. Мальборо, получивший известия от Шовеля, Норриса и Четвинда, разрешил закупать необходимое для эскадры на свои деньги, пообещав после похода компенсировать расходы из государственных средств. Эскадра крейсировала между Ниццей и Антибой, когда около Генуи дозорные заметили маленькую французскую эскадру из 6 кораблей. Норрис и Бинг забили тревогу — если французов не перехватить, высадка, вполне возможно, будет под угрозой, ведь о приготовлениях к операции знает все северное побережье Италии. Был выделен небольшой отряд для перехвата французов, однако те смогли оторваться и спокойно вошли в Тулон в конце мая.

Высадка под Тулоном задерживалась — в начале июня эрцгерцог Карл обратился с письмом к принцу Евгению и императору с просьбой послать часть войск из Италии в Испанию, Норрис, как представитель Ройал Неви при штабе Савойского, сразу же отписал об этой просьбе Мальборо, который выступил с резкой отповедью. Мальборо сообщил эрцгерцогу Карлу, что участие флотов в каких-либо операциях, помимо высадки в Провансе, в этом году не планируется и что Голландия и Англия совершенно не одобряют ослабления войск, предназначенных для высадки.

Эрцгерцог не успокоился и отправил письмо королеве Анне, где просил, чтобы Шовель доставил столь необходимые войска из Италии в Испанию, «пока в Каталонии еще относительно спокойно». Королева приказал Шовелю выполнить просьбу Карла, и тот был вынужден подчиниться. 20 мая вице-адмирал встретился в Барселоне с эрцгерцогом, где имел с ним долгую беседу относительно планов высадки. Ему удалось убедить Карла, что нападение на Тулон сильно поможет и делам союзников в Испании, поэтому надо выделить для этой экспедиции все возможные силы.

2 июня 1707 года Ройал Неви крейсировал в 60 милях от Ниццы. Под командованием Шовеля были 43 корабля и 57 транспортов. Норрис сообщал командующему, что войска австрийков будут готовы к погрузке через неделю. В Ливорно и Геную были посланы корабли для пополнения припасов и провианта. В это время Савойский опять изменил свои планы — теперь он собирался выдвинуться к Тулону по суше, захватить по пути города Монако, Виллефранш и Антибу. Шовель же настаивал на высадке около Тулона, минуя затяжные бои за второсортные крепости. 14 июля на военном совете решили выдвинуться к Тулону, Шовель послал к Йерским островам 12 фрегатов. Герцог клялся и божился, что его войска подойдут к крепости через шесть дней и ударят по главной военно-морской базе Франции в Леванте с суши. Однако ничего не произошло. Савойский вышел из Турина с 35 тысячами пехоты и только через 17 дней добрался до Суз (город в Пьемонте, недалеко от Швейцарии). Из 35 000 человек 8000 были предоставлены Савойскому Иосифом для взятия Неаполя, однако и оставшихся 28 тысяч с избытком хватило бы для высадки. Принц Евгений решил прорваться в Прованс по суше.

8 июня на флагманский «Ассошейтн» прибыл принц Евгений Савойский. Он сообщил адмиралу, что французы хорошо укрепились в Варе, по данным разведки, там сосредоточены не меньше 800 кавалеристов и 6 батальонов солдат. 1 июля 4 английских и 1 голландский корабль произвели бомбардировку Вара, в то время как 600 моряков под командованием Джона Норриса высадились в гавани. Атака ничем существенным не закончилась — корабли сделали по 25 выстрелов и отошли, а моряки погрузились в шлюпки и отправились обратно. Савойцы и имперцы не поддержали англичан в прямой атаке, однако сделали обходной маневр. Французы, которым Савойский угрожал обходом с тыла, отошли к Тулону. Шовель и Норрис настаивали на скором

движении к Тулону, тогда как принц опять мечтал о захвате Монако и Антиб. Евгений в очередной раз отказался от морского пути, сказав, что подойдет к Тулону с суши. 4 июля начался марш союзников к Тулону. Солнце светило немилосердно, дорога оказалась очень трудной, особенно между Фрежюсом и Каннами. Десятки солдат умерли от солнечных ударов, лишь 15-го союзные войска достигли Лавалетты, крепостицы в двух милях от Тулона. На военном совете Савойский высказался в том ключе, что затея с осадой Тулона — глупая и ненужная. Норрис и Шовель застыли в недоумении. Все вопросы разрешил Четвинд, который понимал подоплеку этих вызывающих слов — австрияки требовали очередных субсидий.

Меж тем французы, узнав о поражении под Варом, срочно принимали меры к защите Тулона. Был открыт арсенал, где оружие получали все добровольцы, организовали сбор денег для рабочих, чтобы срочно привести в порядок укрепления, к городу были посланы 28 батальонов маршала Тессье (уже знакомого нам по штурму Гибралтара), который по пути соединился с войсками, отступающими из Вара. Таким образом, к началу осады гарнизон Тулона насчитывал 20 тысяч штыков при 350 орудиях. В гавани Тулона стояли 46 французских кораблей, с вооружением от 50 до 104 орудий, среди них 100-пушечный «Террибль», 104-пушечные «Солейл Руаяль» и «Фудроян», а также корабли I—II рангов «Эдатан», «Адмираль», «Триумфан», «Оргилье» и другие, однако большая часть их была разоружена, так как средств на подготовку флота к выходу в море не было совсем. Людовик XIV, боясь, что англичане могут ворваться в гавань Тулона и захватить корабли, приказал притопить их до верхней палубы. Забегая вперед, отметим, если бы это притопление делалось на короткий промежуток времени, корабли можно было бы спасти, долгое же пребывание в воде провоцировало гниль на деревянных корпусах. Два 90-пушечника — «Тон-

нан» и «Сент-Филипп» — превратили в плавучие батареи. Их дополнительно обшили лесом, натянули сетки, защищавшие корабли от бомб, надстроили отцепляемые були (подзатопленные лодки и мелкие суда, привязанные к корабля вдоль бортов), которые должны были защитить их от брандеров.

17 июля собрался очередной военный совет, где Шовель призвал к немедленному штурму Тулона. Савойский, напротив, настаивал на правильной осаде. Напрасно английский адмирал указывал, что момент сейчас исключительно выгодный, ведь французы еще не успели закончить все укрепления. Принц Евгений упорно стоял на своем, судя по всему, он опасался быть отрезанным французами, которые, по слухам, спешно формировали новую армию в Тулузе. В этот же день английский адмирал сгрузил британские войска и приступил к постройке батарей в районе мыса Эгуйит. Поскольку количество морских пехотинцев на эскадре было чрезвычайно мало, Шовель из экипажей организовал 6 батальонов солдат, которые обслуживали пушки на суше. Умело установленные орудия произвели большие опустошения в Тулоне — были убиты более 800 французских солдат, разрушены 160 зданий, 6 складов. Савойцы же неторопливо подводили свои траншеи к бастионам города. 23 июля была сделана попытка атаки форта Сент-Катерин, но силы, выделенные на это, были просто смешными — 55 гренадеров. Естественно, что атака захлебнулась. К 29 июля принц Евгений совсем пал духом — он считал, что осада не удалась и войска надо отводить обратно в Турин. К тому же Тессье смог привести к французам подкрепление в 10 тысяч человек, поэтому гарнизон города теперь составлял 30 тысяч штыков, тогда как армия Савойи сократилась из-за болезней до 20 тысяч.

4 августа французы сделали вылазку довольно крупными силами (12 тысяч солдат), напали на траншеи союзников около Круа-Фарон и Ля-Мальг, выбили союзников из бастиона Сент-Катерин, но были отбиты на всех других направлениях. Однако это событие стало последней точкой — принц Евгений сказал, что отводит войска к Савоие.

Шовель не хотел сдаваться — он решил напоследок обстрелять Тулон, уничтожить там французские корабли, разрушить арсенал и верфи. Утром 5 августа Шовель, Бинг и Дилкс повели свои корабли в гавань Тулона. Бинг имел задачу нейтрализовать форт Сен-Луи (расположенный на том же мысу, где и Гранд-Тампль, только со стороны моря). Головной «Сен-Джордж» начал перестрелку с французами, его поддержал «Свитшур» и бомбардирское судно «Дурслей», однако ветер скоро засвежел, что не позволило англичанам вести прицельный огонь. В результате Бинг с потерями отступил.

Дилкс и его эскадра атаковали 9-пушечную батарею между Гранд-Тампль и фортом Сен-Луи. После обстрела батареи французы покинули ее, 7 августа там высадились англичане, которые перевезли на берег 22 орудия. Теперь огонь по внутренней гавани Тулона мог вестись беспрепятственно. В результате бомбардировки с моря англичанам удалось сжечь 2 французских корабля — 54-пушечный «Саж» и 52-пушечный «Фортюн». Также англичане сумели нанести повреждения притопленному 58-пушечному «Дьяману» и двум французским фрегатам.

9 августа Ройал Неви покинул окрестности Тулона. 12 августа отошла к Ницце австрийская армия. Союзники так и не смогли взять Тулон, однако благодаря их действиям погиб весь флот Леванта. Дело в том, что корабли провели в затопленном состоянии около месяца (с 17 июля по 9 августа), по дереву пошли червоточина и гниль, затопленные

корабли срочно требовали тимберовки. Далее предоставим слово французскому историку Фернану Броделю: «Сразу же после отступления противника один за другим корабли стали поднимать на поверхность. В своих письмах маркиз де Ланжерон отмечал каждую из этих судоподъемных операций как новую победу, а заодно, конечно, и новое оправдание для себя лично.

30 августа он пишет Понишартрену: «Нынче утром начал откачку воды из “Фудрояна” — одного из тех кораблей, которые в письме из Марселя вам расписали в самых мрачных красках; еще до полудня корабль уже был на плаву...”

6 сентября: бесчестные люди “уверяли, будто он [то есть сам Ланжерон] пустил ко дну тяжелые боевые корабли короля”. Это ложь, “он затопил их водой лишь до первой пушечной палубы. А если бы и пришлось пустить ко дну какой-либо тяжелый корабль, его за четыре дня подняли бы обратно”.

15 сентября: “...из кораблей “Фудроян”, “Солейл Руаяль”, “Триумфан” и “Адмирабль” вода откачана полностью, не осталось ни капли...” Скоро будут подняты на поверхность также и “Террибль” и “Энтренид”... Что касается героев осады — “Сент-Филиппа” и “Тоннана”, — то первый из них вообще не затопливался, а второй поднят; “другое дело, что среди всех королевских кораблей нет двух других настолько прогнивших; они прогнили столь сильно, что я не поручился бы за них в летнюю кампанию”. Наконец 9 октября — победа, “работы закончены”. <...>

После осады финансовые трудности в Тулоне сделались очевидны: в нем стали тормозиться всякие работы. Корабли, которые до тех пор поддерживались на плаву благодаря утомительному труду каторжников, приставленных к ручным помпам, теперь легли на илистое дно рейда. Это означало для них прямой путь на кладбище, на слом — они годились уже только на дрова.»

Количество вооружаемых кораблей, начиная с 1707 года, постоянно сокращалось, но и в 1712 году французы выходили в море (мы расскажем об этом ниже)¹.

Шовель отошел к Лиссабону, он оставил в Средиземном море 13 кораблей под командованием Дилкса, а сам поспешил в Англию. 23 октября недалеко от островов Силли Джордж Бинг на «Ройал Энн» видел сигналы бедствия, но, поскольку море было очень бурным, Бинг не смог подойти на помощь. Утром стало понятно, что флагманский «Ассошейтн» разбился о камни Силли, погибли примерно 800 человек, в том числе и адмирал. Тело Клаудисли Шовеля было обнаружено рыбаками², погружено на борт «Арундела» и оттранспортировано в Лондон с приспущенными флагами. Адмирал был с почестями похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Недавно вышедшая биография Шовеля (S. Harris. «Sir Cloudesley Shovell: Stuart admiral») опровергает два мифа, связанных с его гибелью. Миф первый: якобы накануне крушения один опытный моряк на флагмане Шовеля предупредил его о грозящей опасности, адмирал пришел в ярость и приказал повесить моряка, перед казнью несчастный проклял своего адмирала. Эта версия представляется фантастической, поскольку сир Клаудисли был знаменит своим мягкосердечием, был всеобщим благодетелем, по воспоминаниям современников, никогда не поднимал на матросов руки. Миф второй: во время крушения Шовель спасся, но на

¹ Свидетельством этого упадка может служить одна опись, датированная 11 марта 1713 года, то есть месяцем раньше подписания Утрехтского мирного договора (11 апреля 1713 года), — опись судов, стоявших в Тулонском порту. В ней значится 32 крупных корабля (первого, второго, третьего и четвертого рангов), которые все вместе несли на борту 2318 пушек (данные по Brun V. «Guerres maritimes de la France: Port de Toulon, ses armements». Т. 1 — Paris, 1861).

² По другой версии, Шовель был зарезан одним из жителей острова, который увидел на нем перстни с бриллиантами.

берегу его убила какая-то жена рыбака, которая увидела у на адмиральском пальце дорогое бриллиантовое кольцо. Якобы женщина рассказала об этом преступлении на смертном одре, спустя 40 лет после смерти адмирала. Но, учитывая место крушения, крайне маловероятно, чтобы человек 57 лет (именно столько стукнуло Шовелю) в то время, когда люди дряхлели гораздо раньше, смог проплыть 8 миль по штормовому морю, даже если и держался за какой-нибудь обломок снасти.

Глава 8

Менорка

В начале 1708 года эскадра адмирала Лика вышла из Даунса по направлению к Лиссабону с большим караваном торговых судов. После соединения с оставшимися в Леванте силами эскадра, оперировавшая в Средиземном море, состояла всего из 31 корабля. Лик оказывал деятельную поддержку операциям на сухопутном театре военных действий, постоянно перевоза подкрепления то в Испанию, то в Северную Италию. 22 мая ему удалось захватить 67 из 100 прибрежных французских торговых судов, которые везли провиант французской армии, действовавшей в Испании, что чрезвычайно выгодно отразилось на операциях союзников. На лето 1708 года было запланировано захватить Сардинию, чтобы получить в регионе надежную продовольственную базу.

13 июля 1708 года герцог Мальборо написал письмо генералу Стэнхоупу, главнокомандующему английскими войсками в Испании, с указанием атаковать Порт-Магон на острове Менорка. *«Я всемерно убежден, Порт-Магон очень нужен для нашего флота, поэтому заклинаю вас захватить этот город».*

На тот момент Балеарские острова оказались на обочине большой войны. В октябре 1706 года несколько знатных сторонников Карла из жителей острова собрались в деревеньке Меркадаль, где объявили своим королем эрцгерцога.

На Менорке был высажен десант под командованием графа Филиппа Давила, который быстро усмирил непокорных. В Порт-Магоне и Форнелльсе были размещены французские гарнизоны.

Отряду Стэнхоупа была придана в помощь эскадра адмирала Лика в составе 31 линейного корабля. Перед командующими сразу же возникло несколько проблем: во-первых, войска были сильно потрепаны и надо было привести экспедиционный корпус в порядок; во-вторых, английский флот еще находился в Сардинии, где 12 августа Лик осадил Кальяри. Под угрозой бомбардировки губернатор, принужденный к тому и населением, присягнул на верность эрцгерцогу.

В кратчайшие сроки Стэнхоуп стянул 1800 штыков к Барселоне, где они должны были сесть на суда, туда же перебросил 10 полевых батарей, несколько мортир, запас из 15 тысяч ядер, а также 1000 бочек пороха. Была организована срочная посадка на 6 линейных кораблей, которые решили использовать в качестве транспортов. Стэнхоуп отписал Лику, что отправляется в путь и будет ждать его у Порт-Магона. Этот план чуть было не развалился, так как капитаны не собирались выполнять требование сухопутного генерала, но, к счастью, брат Стэнхоупа — кэптен Филипп Стэнхоуп Милфорд смог убедить командиров кораблей выполнить приказ.

18 августа Лик отплыл к Порт-Магону. Он прибыл на место раньше Стэнхоупа и провел рекогносцировку местности, обратив внимание на бухту Алькафар, где планировалась высадка десанта, а также выгрузил на берег небольшой отряд и припасы. По сообщениям разведки, в цитадели Порт-Магона засели примерно 1000 солдат под общим командованием генерала Жонкье, половину из которых составляли французские морские пехотинцы, а остальные — испанские милицейские части.

15 сентября к острову прибыл Стэнхоуп. Командующие провели военный совет, где обозначили дату и место высадки. 16 сентября в 14.00 Стэнхоуп во главе 100 гренадеров высадился недалеко от крепости Сан-Фелиппе. Сделав марш-бросок на три мили к стенам цитадели, он не встретил по пути никакого сопротивления, солдаты быстро окопались. На следующий день были высажены еще 2000 гренадеров, а также 2500 морских пехотинцев, которые начали устанавливать орудия по периметру крепости. Меж тем приближался сезон штормов, Адмиралтейство, памятуя о трагедии с Шовелем, приказало Лику срочно идти к родным берегам. Адмирал оставил Стэнхоупу 12 английских и 3 голландских линейных корабля, 5 фрегатов и 3 мортирных судна. Кроме того, довольно сильный отряд морпехов под командованием сэра Эдварда Уитакера, бригадира Вейда (известного во флоте артиллериста) с 42 орудиями и 15 мортирами, а также дорожного инженера полковника Петита. Сам Лик с 26 кораблями (18 линкоров и фрегатов, 1 брандер, 2 бомбардирских судна, 2 госпитальных судна и 3 голландских линейных корабля) отплыл в Англию.

Оставшийся на острове английский отряд оказался предоставленным самому себе. «Что за страна — только скалы и каменные стены!» — жаловался в своем письме лейтенант Коуп. Под огнем противника морские пехотинцы и солдаты прокладывали дорогу от места высадки к крепости, рыли траншеи, устанавливали орудия. Эта работа заняла 12 дней. Наконец на рассвете 28 сентября генерал дал приказ открыть огонь по крепостной батарее, расположенной в середине цитадели. Обстрел был столь мощным, что на следующий день батарея была совершенно уничтожена, а часть стены вместе с башней обвалилась. Гренадеры Вейда без приказа пошли на приступ, проникли в пролом и, подержанные остальными силами, захватили гласис. В этой

атаке Стэнхоуп потерял своего брата — Филиппа, который был ранен ядром в голову и умер, не приходя в сознание.

На следующее утро поймали шпиона, которого отправили обратно с ворохом листовок о сдаче. Вечером того же дня в результате сильнейшего артиллерийского обстрела англичане смогли согнать защитников со стен и войти в город. Над Сан-Фелиппе взвился белый флаг. Генерал приказал бригадиру Вейду, майору Киллигрю и капитану Маузеру принять капитуляцию. Вейд, войдя в губернаторский дворец, обнаружил пробитую крышу и разбитые окна, а на столе Жонкье дымилось не разорвавшееся британское ядро. В плену оказались 500 французов (в том числе 1 генерал), 500 испанцев, было взято свыше 100 пушек, 3000 бочонков пороха, члены семей военных удвоили число пленных. У союзников было всего-навсего 2400 солдат, не считая добровольцев с кораблей. Операция по взятию Минорки длилась всего 3 недели, англичане потеряли 40 человек убитыми. Людовик XIV был разъярен столь быстрой сдачей острова — он понимал его важнейшее стратегическое положение. Сразу же по прибытии во Францию генерал Жонкье был заключен в Бастилию, были отданы приказы флоту Леванта высадить десанты на Минорке, но эти проекты оказались неосуществленными.

Генерал Стэнхоуп, вернувшись в Англию, так сказал в парламенте: «Англия никогда более не должна расставаться с этим островом, который (через нас. — *Прим. автора*) даст закон Средиземноморью во время войны и мира».

29 сентября Уитакер ушел из Порт-Магона, отправив транспорта с войсками в Каталонию. Захваченная гавань не могла прокормить даже то количество кораблей, которое было под командованием контр-адмирала, те же проблемы ждали англичан и в Неаполе. Решили базировать эскадру на Ливорно, где на борт кораблей должны были загрузиться австрийские войска для действий в Испании. «Дифенс»,

«Йорк» и брандер «Террибл» были отправлены в Пьомбино (Тосканское герцогство) для атаки крепостей, держащих сторону французов. Хотя австрийцы не выделили войск для поддержки этих кораблей, англичане смогли захватить города Орбителло, Лонгоне и Ерколе.

Меж тем 30 октября Уитакер провел военный совет, на котором постановили остаться в Ливорно еще на месяц. В середине ноября войска герцога Савойского были всего лишь в 40 милях от Рима, когда пришли тревожные вести из Испании. Французы на Пиренеях осадили крепость Дения около Валенсии и готовятся уже идти на Аликанте. Из Барселоны пришло паническое письмо от эрцгерцога Карла с приказом срочно идти к Каталонии, иначе, как писал претендент на престол, именно Уитакера *«мы сделаем козлом отпущения!»*. Эскадра срочно отплыла к Каталонии, куда провели 4 транспорта с зерном и пополнение для эрцгерцога. 27 ноября Уитакер пошел обратно в Италию за войсками для Испании. По дороге отделили голландцев, которые отплыли к Майорке за провиантом. На море начался сезон штормов, что послужило концом для активных действий флота в этом году.

Глава 9

Компании на Средиземноморском театре военных действий 1709—1712 годов

После завоевания Гибралтара и Порт-Магона англичане и голландцы достигли всего, что хотели. Теперь главной задачей становилось удержать захваченное. Разделенный на отряды союзный флот (что не представляло опасности ввиду слабости противника на море) помогал сухопутным операциям, поддерживая сообщения между армиями в Италии и в Испании, подвозил им продовольствие и не давал возможности пользоваться морским подвозом французам, однако все попытки союзников утвердиться на французской территории закончились неудачей. В июле 1709 года англоголландцам удалось овладеть портом Цетта (Сетта, Cetta) в Лангедоке, но удержаться здесь они не могли. Вследствие слабости французов на море численность эскадры союзников в Средиземном море все уменьшалась, и они могли оставить большие силы для борьбы с истребителями торговли в Канале и Северном море, после чего успехи французских каперов начали быстро падать, несмотря на их многочисленность, так как французское правительство отдало для этой цели все военные корабли, личный состав и средства портов.

14 октября 1708 года адмирал Бинг прибыл в Лиссабон с португальской королевой. Попутно он должен был встретить бразильский конвой, но тот оказался разбросанным

по морю из-за недавнего шторма, некоторые суда уже атаковали французские корсары. Несмотря на то что многие английские корабли требовали чистки днища и ремонта, Бинг вышел в море искать противника. Новым штормом часть его отряда была отброшена обратно в Лиссабон, а 60-пушечный «Винчестер» напоролся на 60-пушечный и 56-пушечный корсары французов и выдержал жестокий бой. Он смог отбиться, но получил более 30 подводных пробоин, потерял бизань и бушприт.

Бинг отправил домой 3 английских и 3 голландских корабля вместе с транспортами, а сам проследовал к устью Тахо, где его усилили подошедший из метрополии «Бервик» и несколько португальских кораблей, но «бразильский флот» так и не подошел.

В середине ноября, оставив в Лиссабоне 4 линкора и брандеры во главе с Бингом, англичане (16 кораблей) постепенно отсылались в Порт-Магон на зимние квартиры, адмирал же решил дожидаться конвой. Торговые суда появились лишь 1 декабря, но караван прибыл не весь. 2 декабря Бинг опять вышел в море с 6 линкорами, 2 брандерами и 1 госпитальным судном к Паламосу, где его застал страшный шторм. Корабли раскидало по всему западному Средиземноморью, самого Бинга отнесло аж к Сардинии! Адмирал добрался до Менорки, откуда разослал несколько кораблей для поисков пропавших. 12 января нашли 80-пушечный «Бойн», который отнесло к Сицилии, во время шторма линкор потерял две мачты из трех. 60-пушечный «Арроган», плывший со всеми припасами для эскадры, безвестно сгинул в ночь с 5 на 6 января, его искали от Кальяри до Неаполя, но безрезультатно. Бинг оказался в очень тяжелом положении — после потери «Аррогана» он не мог заменить такелаж, рангоут, пополнить провизию, да и сил у него было мало.

14 января в Порт-Магон прибыл генерал Стэнхоуп с 3500 гренадерами. Бинг погрузил войска и с 11 кораблями

пошел к Аликанте, который осаждали союзники. 5 апреля англичане произвели высадку, Стэнхоуп предложил испанскому гарнизону сдаться, но идадьго, только что получившие большие подкрепления, отказались. Потоптавшись у крепости неделю, войска погрузились на корабли, и отряд отплыл к Барселоне, после чего корабли отправили за зерном в Северную Африку.

Оставшиеся в Порт-Магоне «Саффолк», «Хамбер» и «Ипсвич» получили приказ идти в Геную, забрать австрийские войска и доставить их в Каталонию. В начале мая у мыса де Гат два французских фрегата атаковали и захватили 32-пушечный «Фоулей», который шел в Лиссабон с депешами от Евгения Савойского. Обеспокоенные англичане в начале июня решили идти к Тулону, дабы «брать призы и стращать неприятеля». 21-го Бинг с 11 кораблями подошел к Тулону. В этот момент там находилось всего 8 линкоров, а еще один кренговался, все остальные корабли были разружены. Англичане устроили в водах Прованса настоящую охоту на французские транспорты с зерном: «Дифайнс», «Дюнкирк» и «Центурион» захватили 12 судов с пшеницей, но вскоре у них уже не хватало призовых команд, поэтому суда отконвоировали только до Порто-Феррайо (о. Эльба).

Потом начались сицилийские мучения. Эрцгерцог Карл и его министр Гримани решили, что надо захватить Сицилию, поскольку хлеба такой ораве войск, собравшейся в Испании и Италии, катастрофически не хватало. Затея была отложена, так как голландские корабли ушли домой, а английских осталось довольно мало. В результате до осени флот занимался снабжением войск, проводя конвои в Испанию и охотясь на французских торговцев. Всего до конца лета англичане захватили 31 приз, в том числе 22 судна с пшеницей, а голландцы взяли 34 французских транспорта.

Бинг ушел в Лиссабон, оставив в Каталонии Уитакера с 16 кораблями. Осень прошла в бесконечных конвоях и охо-

тах за французскими судами. 1709 и 1710 годы выдались во Франции неурожайными, поэтому у французов всерьез встал вопрос о транспортировке зерна. В свою очередь, англичане, австрийцы и голландцы сумели за 8 лет войны полностью разорить хлебоборонные области Испании и Италии, теперь пшеницу закупали у мавров в Северной Африке или даже в Константинополе.

С 11 ноября по 8 декабря Уитакер блокировал Тулон, однако вскоре по приказу Карла III пошел за зерном в Неаполь. По пути он попытался атаковать французский конвой с зерном, идущий в охранении 6 кораблей, но противники разошлись на контркурсах.

В начале января 1710 года Уитакер пришел в Ливорно, где получил письмо от кэптана Эванса, командовавшего отрядом в составе 48-пушечных «Дифайнс» и «Центурион». Он рассказывал, что недалеко от Альмерии наткнулся на 2 французских корабля, которые сразу же и атаковал. Бой получился на редкость упорным: английские корабли потеряли все мачты, у англичан 40 человек погибли, а 102 — ранены, сами же французы укрылись в Малаге.

Последней операцией Уитакера в Леванте стал поход за зерном в Архипелаг. Эрцгерцог Карл умолял английского адмирала привезти пшеницу в Барселону, иначе «с нами в Каталонии будет покончено». 27 марта 1710 года корабли ушли из Магона, Уитакер с 2 кораблями и роговыми судами отправился в Лиссабон, кэптен Бейкер дошел до Хиоса и сопровождал суда в Барселону. По пути он смог захватить 38-пушечный французский «Гелард».

24 июня Бейкер присоединился к отряду адмирала Норриса в Террагоне. Сэр Джон Норрис прибыл в Левант еще в апреле, и теперь соединенным отрядам Бейкера в Норриса предстояло помешать французам взять верх в Каталонии.

В это время войска Людовика и Филиппа перешли в наступление на всех фронтах, армия Стэнхоупа, хотя и до-

стигла Мадрида, была вынуждена капитулировать в битве при Бриуэге, австрийцев Штарремберга также не избежала сия горькая чаша. В Великобритании Мальборо потерял свое политическое влияние, попав в немилость из-за ссоры его супруги и королевы Анны. Более того, поддерживавших военные действия вигов сменили тори, сторонники мира. Мальборо был отозван в Великобританию в 1711 году и заменен герцогом Ормондом.

Герцог де Турси (участник сражения при Малаге) вышел с галерами из Корсики в Сардинию, прошел заливом Бонифаччо, где захватил 4 фелюки, а потом с 400 солдатами захватил город Терра-Нова. Англичане высадили войска, смогли отбить крепость и погнались за французами, однако те были уже в Аяччо.

9 июня 1710 года Турси уже был в Кальви, в 12 лигах к северу от Аяччо, но Норрис узнал, что около столицы Корсики стоят 7 транспортов с 600 французскими солдатами и припасами. Он предложил голландцам атаковать их, однако те отказались, поскольку Аяччо имел статус нейтрального (генуэзского) порта. Французские экипажи высадились на берег, а Норрис захватил их суда, после чего отправился к Барселоне.

Все дальнейшие действия адмирала Норриса — это рейды за провиантом и подкреплениями, охрана конвоев и охота на приватиоров. До октября 1711 года Ройал Неви пытался захватить Сетту (неудачно), захватил 3 французских судна, потерял в шторм 70-пушечный «Резолюшн», провел 7 конвоев из Италии в Испанию и обратно, но в общем и целом действовал непоследовательно, а к концу октября отправился в Лиссабон. К этому времени войска французского маршала Виллара уже переломили ход компании на Пиренеях в свою пользу.

Глава 10

Крейсерская война в водах Европы

Действия Форбэна в Средиземном море¹

Поскольку Испания и Франция заключили союз, боевые действия начались в Бельгии, Германии и Северной Италии. Если с севера французам, баварцам и испанцам противостоял английский полководец герцог Мальборо, то на юге им пришлось сражаться с австрийком, принцем Евгением Савойским. Одной из важнейших задач, поставленных маршалами Франции, был удар по снабжению армий противника. Именно поэтому в 1702 году из Тулона к Венеции отплыли малый 50-пушечный корабль «Перль» под командованием Клода де Форбэна и 8-пушечная шебека. Ему было приказано нападать на конвои с войсками и боеприпасами, идущие к Евгению Савойскому. На тот момент армия австрийского

¹ Данный раздел составлен преимущественно по мемуарам Клода Форбэна. Некоторые сведения по деятельности Форбэна в Адриатическом море приводятся также в работе хорватского историка Миленко Форетича «*The Ragusan (Dubrovnik) Republic and the Spanish War of Succession (1701—1714)*». Стоит также сказать, что австрийские и немецкие историки XIX века отрицали эффективность действий Форбэна в Средиземном море, но для проверки заявленных побед французского корсара нужно было поднять архивы трех государств — Священной Римской империи, Венецианской и Рагузской республик, что данными исследователями не было сделано.

главнокомандующего находилась в Ломбардии и снабжалась через порты Фиуме, Триеста, Баккарди и Сиены.

Форбэн прибыл к берегам Италии в очень сложный момент — формально часть государств Апеннинского полуострова была нейтральна, однако негласно каждый выбрал чью-то сторону. Уже 1 февраля 1702 года французские войска под командованием герцога Виллеруа потерпели поражение под Кремоной. Виллеруа сменил герцог де Вандом, который, несмотря на удачное августовское сражение при Луццаре и существенное численное преимущество, показал свою неспособность выбить Евгения Савойского из Италии.

Корсар избрал своей базой Бриндизи, принадлежавший тогда Испании, и поднял на своих кораблях флаги Арагона. Клерон, командир шебеки из отряда Форбэна, подошел к острову Кеше, который контролировали венецианцы, и подвергнулся нападению австрийских войск. В результате стычки были убиты 30 имперских солдат, а из команды корабля в живых остались только 6 моряков. Поскольку Венеция ранее объявила нейтралитет, Форбэн был возмущен случившимся — он подает протест дожу Альвизе II ди Мочениго, а также обращается к послу Франции в Венецианской республике графу де Кармону и кардиналу де Эстрэ. Кардинал в приватной беседе ответил корсару, что спустит этот инцидент на тормозах, поскольку в Венеции закупают хлеб не только австрияки, но и французы. Форбэн со свойственной ему горячностью заявил, что в таком случае он будет топить и венецианские суда, поскольку Его Величеством был дан четкий приказ — прервать снабжение войск Евгения Савойского в Ломбардии.

Обещание свое Форбэн выполнил — за два месяца он пустил ко дну 15 торговых судов, схватился с двумя

австрийскими фрегатами, причем один из них взял на abordаж, а второй обратил в бегство. Венецианцы, напуганные таким размахом крейсерской войны у себя под боком — в Адриатическом море, — запретили снабжать корабли Франции, однако Форбэн давно уже кормил и снабжал себя сам, за счет захваченных призов, поэтому ему было плевать на указы и эдикты Серениссима¹. Не удовлетворившись своими действиями, корсар двинулся к Анконе, которая служила одной из главных перевалочных баз Савойского. А дальше случилось немыслимое в военно-морской истории дело — один линейный корабль объявил о блокаде морского порта! Курьез этот так бы и остался курьезом, если бы Форбэн не выполнил своего обещания — он атакует неприятельские суда, причем топит всех имперцев, невзирая на тоннаж и количество пушек, с венецианцами же поступает хитрее, заставляя капитанов выкидывать в воду товар и следовать в Анкону. Тех же, кто пытается выйти из Анконы, пушечные залпы убеждают вернуться обратно в порт. В результате гавань блокированного города была забита порожними судами, в крепости быстро уменьшались запасы продовольствия, испуганный дож под давлением императора Священной Римской империи обрушил шквал протестов на действия Форбэна. Последней каплей послужила для него атака двух венецианских барков, груженных солью, шедших под конвоем имперского фрегата. Корсар взял австрияка на abordаж, а венецианцам приказал выкинуть груз за борт, что им и оставалось выполнить.

Людовик XIV, дабы окончательно не портить отношения с Венецией, выпустил эдикт, порицающий действия «шевалье де Форбэна в водах венецианских», однако

¹ Прозвище правительства Венеции.

в письме каперу выражал восхищение действиями его фрегата.

Окрыленный письмом, корсар теперь уже начал не только опустошать трюмы неприятельских судов, но и сжигать их. Поскольку основные поставки австрийцы перенесли в Триест, он блокировал и этот порт. Терпение Савойского лопнуло. Именно в этот момент он пишет письмо к дожу с просьбой «*splitter aus meinem Hintern aufzugraben*» (убрать эту занозу из моей задницы). Австрийский посол в Венеции нанимает случайно оказавшийся в порту 50-пушечный английский приватир «Тартар» для охоты за наглецом Форбэнном, к нему присоединяется 26-пушечный венецианский фрегат. На тот момент у корсара были 50-пушечный «Перль», 12-пушечный галиот и 10-пушечный тендер. Прознав о силах, выделенных для охоты, Форбэн отошел к Бриндизи и попросил подмоги. Из Тулона на помощь был отправлен 50-пушечный корабль под командованием шевалье Рено де Шиана. После соединения с тулонцем у Мессины Форбэн отослал галиот и тендер к берегам Франции, а сам вернулся к побережью Северной Италии.

Около Баккарди он столкнулся с австрийским караваном из 20 транспортов, доверху груженных пшеницей для войск принца Евгения. Охранение у конвоя отсутствовало, поэтому к вечеру корсар захватил 8 судов, которые отправил в Бриндизи в качестве призов. На следующий день он смог захватить и остальные транспорты, ссадил их команды на шлюпки, а суда сжег. На помощь гибнущему конвою подошел 26-пушечный венецианский фрегат, который был взят на абордаж и также сожжен. Подошедший «Тартар» смог наблюдать только гибнущие корабли. Разъяренный англичанин пообещал, что «отрежет уши этому наглецу».

Ночью Форбэн на двух брандерах атаковал стоящий на рейде Венеции «Тартар». После короткого abordaja он ставит простейшее взрывное устройство в крюйт-камеру корабля и навещает кают-компанию, где напоминает англичанину о его клятве. 27 полусонных моряков вместе с капитаном едва успели отплыть на шлюпке подальше, как на рейде раздался сильный взрыв. Горящие обломки раскидало в радиусе 300 метров, 50-пушечный приватир «Тартар» перестал существовать как боевая единица.

Дальше — больше. Несмотря на шквал протестов, Форбэн продолжил свою миссию «занозы». В сентябре он атаковал очередной венецианский конвой, направленный с продовольствием войскам Савойского, и все суда сжег. Кардинал де Эстрэ был вынужден обратиться с просьбой к корсару воздержаться от таких действий, так как дож пригрозил вступить в войну на стороне Австрии. Тогда Форбэн решил обстрелять Триест, один из главных портов снабжения войск принца Евгения. Ночью его корабли открыли огонь по Триесту и выпустили около 500 ядер, несколько домов было разрушено, пострадали портовые сооружения. На выходе корсара обстреляла небольшая береговая батарея из 14 орудий. Форбэн спустил 2 шлюпки и с 40 матросами атаковал батарею с суши. Пушки были взорваны, канониры — перебиты. После этого он обогнул «сапог» Апеннинского полуострова и подошел к крепости Марсала в устье реки По, где находились продовольственные магазины австрийской армии. В результате скоротечной атаки часть складов была сожжена и уничтожено множество мелких судов, загруженных продовольствием. Поскольку Марсала находилась на территории Папской области, из Рима в Версаль полетели гневные послания римского папы, возмущенного действиями капера.

Но Форбэн был уже далеко — очередной своей целью он поставил Фиуме, через который войскам Савойского поставлялись оружие и боеприпасы. Ночью «Перль» проник в гавань, на берег сошли 300 моряков, которые атаковали крепость Лоренцо. Форбэн не смог или не захотел удержать своих подчиненных, которые после этого предались грабежу. Бургомистр бросился к французскому консулу в Фиуме с просьбой о посредничестве. Форбэн принял делегацию и сказал, что если они хотят избежать бомбардировки города, то жители должны выплатить 10 тысяч экю корсарам, а поскольку граждане Фиуме сотрудничали с эmissарями Савойского, то еще 30 тысяч экю будут платой королю Франции. Переговоры были в полном разгаре, когда в город вошли австрийские войска, которые открыли огонь по французскому кораблю. Форбэн энергично ответил, но был вынужден сняться с якоря и уйти восвояси.

В конце ноября пришел приказ возвращаться во Францию. Действия Форбэна у берегов Италии можно смело назвать выдающимися. Особенно оценил их Филипп Анжуйский, который вручил ему шпагу, осыпанную бриллиантами. Согласно немецким данным, к концу 1702 года армия Евгения Савойского испытывала известные проблемы с продовольствием и порохом, и не последнюю роль в этом сыграл наш герой. Но обольщаться не стоит — как только в Средиземное море пришли регулярные эскадры голландцев и англичан, крейсерская война в этих водах заглохла сама собой.

Действия корсаров в водах Северной Европы

Основные боевые действия линейных флотов развернулись у берегов Испании и в Средиземном море. Поскольку англичане и голландцы активно готовились к высадке войск на Пиренейском полуострове, Хоум Флит был озабочен охраной загружающихся на транспорта войск, а большая

часть Ройал Неви ушла в воды Леванта. Этим не преминули воспользоваться корсары.

Дюгэ-Труэн, выйдя из Бреста на 38-пушечном фрегате «Беллон» вместе с 24-пушечным «Райез», отправился к берегам Шотландии. Недалеко от Глазго он захватил 4 голландских торговых судна, в том числе и 38-пушечный корабль Ост-Индской компании «Синт Якес».

4 июля 1702 года 6 галер, пришедшие в Дюнкерк из Рошфора под командованием капитана Ла Палеттье, атаковали и захватили голландский 56-пушечный линейный корабль «Зеланд» из эскадры вице-адмирала Гелейна Эвертсена. За это командир французов был произведен в начальника эскадры галер.

В это время Ройал Неви пытался подкараулить «серебряный флот», плывший из Гаваны. Это был большой, груженный серебром конвой из испанской Америки, который сопровождал адмирал Шато-Рено с 18 кораблями. Однако робкие, нерешительные действия Рука способствовали тому, что конвой без потерь пришел в Виго 27 сентября 1702 года, а Хоум Флит послал на помощь Руку эскадру вице-адмирала Клаудисли Шовеля, дабы попытаться захватить эти транспорты с серебром, что еще более ослабило соединения Ройал Неви в водах метрополии. В связи с уходом Шовеля к Руку в Канале осталось 35 английских кораблей под командованием вице-адмирала Фэйрборна и 11 голландских линкоров, однако большая часть из них занимались эскортированием конвоев, соответственно, для блокады Сен-Мало, Дюнкерка, Шербура и Бреста кораблей практически не было.

Пользуясь ослаблением Хоум Флита, корсары вышли в море. Дюгэ-Труэн с эскадрой из 58-пушечного «Эклятэна», 56-пушечного «Фюрье» и 30-пушечного «Бьенвеню» (все корабли имели уменьшенное количество артиллерии, но увеличенную команду) вышел из Бреста и отправился Датским проливом к Шпицбергену, где сжег или захватил

голландский китобойный флот из 32 судов. Эскадра шаут-бенахта Ван дер Дуссена с 15 кораблями пыталась защитить китобоев, но Дюгэ-Труэн смог прорваться через заслон, повредив при этом новый, построенный в этом же году 64-пушечный «Зеланд» и 56-пушечный «Оверэйзель».

28 января 1703 года Сен-Поль вышел из Дюнкерка с 3 фрегатами¹. В районе Дувра он соединился с каперами — 40-пушечным «Рейна де Эспанья», 10-пушечным тендером «Нотр-Дам», 16-пушечным «Пальме Коронн» и 20-пушечным «Эсперанс» напал на английский войсковой конвой, идущий в Испанию, и захватил 52-пушечный «Солсбери» и 34-пушечный «Ладлоу» с солдатами на борту, а также торговый 36-пушечный «Московия Мерчант» с грузом провианта.

В июне этого же года Сен-Поль вновь вышел в море с захваченными и переоборудованными в каперы «Солсбери» и «Ладлоу», имея еще два 40-пушечных фрегата. В районе Текселя он захватил и, перегрузив себе все товары, сжег 4 судна голландской Ост-Индской компании: 44-пушечные «Гуден Зон» и «Кастил ван Антверпен», а также 24-пушечный «Вольфсвинкель» и 16-пушечный шлюп. В июле эскадра Сен-Поля взяла на абордаж фрегат «Заамслаг» (30 орудий), а в сентябре, когда к нему присоединился капитан Ла Люзерн из Бреста с 50-пушечным «Эмфитритом», 44-пушечным «Жерсеем» и 36-пушечным «Жье», напал и разгромил богатый голландский караван, груженный пряностями, взяв три судна, а еще 17 — сжег, предварительно сняв груз.

15 июля 1704 года у островов Силли капитан Керр на 70-пушечном «Ривендже» столкнулся с Дюгэ-Труэном на 54-пушечном «Ясоне». После двухчасового боя на помощь французу подошли 54-пушечный «Аугуст», 28-пушечный

¹ «Адроид» (42 пушки, 294 человек), «Милфорд» (28 пушки, 129 человек), «Дриад» (46 пушки, 330 человек).

«Вале», 16-пушечный корвет «Муш» и 2 корсара из Сен-Мало. Испуганный таким поворотом событий, Керр увел свой линейный корабль в Плимут. Дюгэ-Труэн в своих мемуарах обвинил в трусости англичанина, однако суд под председательством Фэйрборна оправдал командира «Ривенджа». Как бы там ни было, но уход Керра оказался роковым — французский корсар всеми силами напал на караван из 12 судов под охраной корабля «Ковентри», идущий из Дувра, и захватил и суда, и эскорт.

20 июля Керр на «Ривендже» вместе с 54-пушечным «Фалмутом» вышел из Плимута с большим караваном торговых судов, идущим в Вирджинию. Через 3 дня при попытке напасть на конвой был взят на абордаж корвет «Муш», а фрегат «Вале» смог сбежать. Керр погнался за фрегатом, однако 27 июля у мыса Лизард встретился с эскадрой Дюгэ-Труэна из 6 кораблей. 3 дня противники стояли друг против друга, но ни французы, ни англичане не решились напасть. Несмотря на очередные обвинения Дюгэ-Труэна в трусости, Керр, по-видимому, поступил правильно — ему нужно было защитить конвой.

Хоум Флит, следуя привычной схеме, пытался блокировать порты корсаров, но неудачно: в апреле Ла Люзерн сумел вырваться из Дюнкерка с 2 линейными кораблями и флейтом. 20 июля Сен-Поль с эскадрой в составе 3 кораблей, 3 фрегатов и нескольких флейтов также прорвал блокаду из 12 линкоров союзников и вышел на охоту.

15 апреля в Атлантике столкнулись нос к носу два конвоя: первый — английский, из Вирджинии, в составе 100 торговых судов с сильным охранением: 64-пушечным «Дредноутом», 50-пушечным «Фолклендом», 50-пушечным «Оксфордом» и 32-пушечным фрегатом «Фоузэй». Второй конвой — французский, в составе 20 судов, под охраной вооруженных флейтов — 36-пушечных «Сэн» и «Луар». После упорного 4-часового боя французский эскорт был

взят на abordаж, причем «Сэн» успешно отбивался от 2 линкоров и одного вооруженного торгового судна, лишь подошедший «Дредноут» подавил сопротивление флейты. Ночью к английскому конвою попытался подойти Сен-Поль, однако был отогнан эскортом. В результате караван из Вирджинии удачно дошел до Англии — 10 судов под прикрытием линейного корабля «Гастингс» были проведены в Плимут, а 90 других — в Даунс. Таким образом, сильный эскорт полностью снял угрозу с конвоя, и англичане запомнили этот урок.

2 августа Дюгэ-Труэно опять вышел из Бреста с 54-пушечным «Ясоном» и 54-пушечным «Аугустом». К нему присоединились корсары на фрегатах «Нимфе» и «Маркиз д'О». В районе Западных подходов он взял на abordаж 3 торговых судна, шедших в Англию с Барбадоса. Обеспокоенные этим англичане прислали в Саундингс кэптана Ламли с 64-пушечными «Модерейтом» и «Глостером». 2 августа он встретился с Керром, однако офицеры разругались, «как извозчики», и разошлись в разные стороны. 4 августа Керр столкнулся с эскадрой Сен-Поля и еле отбился, потеряв 54-пушечный «Фалмут», который 2 фрегата французов просто засыпали картечью и взяли на abordаж. На головном корабле корсаров — 50-пушечном «Эмфитрите» — из всей команды в 350 человек были убиты и ранены 48. Комизм ситуации заключался в том, что во время боя в пределах видимости находился Ламли с двумя 64-пушечниками, однако на помощь Керру он не пошел.

6 августа Сен-Поль вернулся в Брест.

Ламли напал на «Ясон» Дюгэ-Труэна, когда тот брал приз и ссадил со своего корабля уже 60 человек, однако атака была нерешительной, и корсар смог уйти. Причиной этому были вялые действия командира соединения — если кэптен Мидс быстро повел свой «Глостер» на сближение, то вот Ламли на

«Модерейте», напротив, сближаться не стал, и Дюгэ-Труэну удалось оторваться от англичан. После боя оба 64-пушечника пришли в Плимут, также как и соединение Керра.

11 августа из португальского Оporto в Плимут вышло 90 торговых судов под охраной 64-пушечного голландского корабля «Руперт» и 60-пушечного «Хазардуса». Для обеспечения прохода конвоя Керр вышел из Плимута с эскадрой из 4 линкоров (70-пушечный «Ривендж» и 60-пушечные «Медуэй», «Эксетер» и «Мэри»). 6 сентября он захватил два французских корсара, один из которых был переименован в «Медуэй Прайз»¹.

21 сентября в море вышел вице-адмирал Фэйрборн с 6 линкорами, однако шторм загнал его обратно в Торбэй. Рук, в это время возвращавшийся с Леванта, попал в непогоду, и корабли его были сильно повреждены. 28 сентября Фэйрборн опять вышел в море для встречи судов Ост-Индской компании, идущих из Индии в охранении «Кингфишера».

Сен-Поль, пользуясь тем, что основные силы англичан ушли, захватил у Ирландии 4 торговых судна с сукном и спокойно привел призы в Брест. 26 октября корсар опять вышел в море с 3 кораблями («Солсбери», «Эмфитрит» и «Эроэн»), прорвав блокаду. Фэйрборн с 4 линкорами устремился в погоню за Сен-Полем, от которой капер спокойно ушел, прошел мимо Ирландии, далее проследовал Датским проливом и навел шорох у берегов Восточной Англии, захватив 2 линейных корабля, 2 «охотника на рейдеров» и 12 торговых судов. Со всеми призами Сен-Поль благополучно вернулся в Дюнкерк.

¹ Этот корабль имел на службе в Королевском флоте следующее вооружение: десять 12-дюймовых и двадцать восемь 6-дюймовых орудий.

Дюгэ-Труэн в сентябре-октябре караулил у берегов Ирландии богатый конвой с Ямайки, но корсар разминулся с караваном. 12 ноября у островов Силли капер на 54-пушечном «Ясоне» атаковал и заставил сдаться 70-пушечный корабль «Элизабет» под командованием кэптана Кросса. Кросс поднял белый флаг, поскольку из 300 человек экипажа 100 были больными. Второй корабль Дюгэ-Труэна, 54-пушечный «Аугуст» атаковал 50-пушечный «Чатэм», однако тот смог отбиться. Кэптен Кросс был осужден военным трибуналом за сдачу линкора, лишен всех званий и получил пожизненный срок. Часть торговых судов, пришедших с Ямайки, была сразу направлена на Средиземное море, их сопровождали 54-пушечный «Вуллович» и 48-пушечный «Личфилдс Прайз». Английские фрегаты «Блэкуолл» и «Мидфорд» привели караван из Индии в октябре, в сезон штормов, и часть конвоя рассеял шторм. Лишь 6 декабря рассеявшиеся остатки каравана смог привести в Англию контр-адмирал Бинг. Вообще контр-адмирал Бинг в кампанию 1705 года действовал очень удачно — он захватил 44-пушечный фрегат «Тетис» и 12 корсарских кораблей, имевших вооружение от 10 до 36 орудий.

В этом году англичане решили устроить настоящую охоту на корсаров: 5 мая линейный корабль «Уорчестер» атаковал и взял на бордаж 28-пушечный «Вале», а через 10 дней атаковал другого капера с таким же названием. 17 августа Дюгэ-Труэн на «Ясоне» и «Аугуст» обнаружил 50-пушечный «Чатэм» под командованием кэптана Бокинхэма и устремился за ним в погоню, однако англичанин навел корсара на эскадру контр-адмирала Бинга в составе 5 кораблей¹, после чего половина кораблей англичан атаковали «Аугуст», а вторая — «Ясон». Головной корабль Дюгэ-Труэна смог уйти из-за наступившего штиля, а «Аугусту»

¹ «Медуэй» (54 орудия), «Тритон» (48 орудий), «Уорчестер» (54 орудия), «Мэри» (64 орудия) и 24-пушечный фрегат «Куирелл».

не повезло — поврежденное в бою 18 августа судно было взято на abordаж на следующий день. В Англии корабль отремонтировали и включили в состав британского флота под тем же названием, штатно он нес 64 орудия и 365 человек экипажа.

19 мая 1705 года Сен-Поль на 52-пушечном «Солсбери» и Рокфейль на 48-пушечном «Проте» столкнулись с голландской поисково-ударной группой в составе кораблей «Вулверхорст» (50 орудий) и «Раадхус ван Харлем» (44 орудия), однако бой не принес победы ни одной из сторон. А 31 октября произошло последнее сражение Сен-Поля: эскадра корсара — «Солсбери» (52 орудия), «Проте» (48 орудий), «Жерсей» (30 орудий), «Тритон» (50 орудий) и 20-пушечный «Эроэн» (им командовал Франсуа Бар — сын знаменитого Жана Бара), а также 6 корсарских кораблей, имевших от 16 до 30 орудий — атаковала у Догтер-банки идущий из Таллина конвой с лесом, в эскorte которого было 6 английских судов. Флагман французов «Солсбери» смело пошел на abordаж 34-пушечного «Пендениса», и через 30 минут на англичанине взвился флаг с лилиями, однако Сен-Поль был застрелен одним из королевских стрелков. Мателот Сен-Поля «Проте» атаковал и захватил «Блэкуолл», «Жерсей» взял «Сорлингс», вскоре подошел «Тритон», и с его помощью были захвачены остальные английские корабли, а корсары тем временем взяли 10 из 11 торговых судов. Потеря смелого и предприимчивого Сен-Поля была тяжелым ударом для французов, по приходе в Дюнкерк он был с почестями похоронен, а командующим дюнкеркской эскадрой был назначен Форбэн.

Битва при Уэссане

В 1705 году маршал Вобан в своем труде «*Mémoire concernant la capterie*» предложил королю идею неограниченной крейсерской войны, он говорил, что атаки

конвоев надо систематизировать и усилить. Именно торговые караваны должны стать целью флота. Для успешных атак конвоев с сильным охранением предлагалось посылать группы из 4—6 линейных кораблей и 6—8 фрегатов с сильным вооружением и многочисленной командой, постоянные же атаки отдельных приватиоров должны были парализовать прибрежную торговлю Англии. Результатом таких действий, по мысли Вобана, должен был стать выход Англии и Голландии из войны вследствие разорения государства, живущего на привозных товарах и морских перевозках. При этом впервые была озвучена идея, что необязательно захватывать торговые суда противника, их гибель также ослабляет Англию и Голландию и усиливает Францию. Конвойная война должна была вестись по всему миру, дабы распылить силы союзников, заставить их отправить большую часть кораблей подальше от вод метрополии. По мысли Вобана, это, во-первых, гарантировало Францию от вторжения с моря, а во-вторых, развязывало руки частным корсарам. Маршал считал, что через три года после начала неограниченной крейсерской войны Англия и Голландия встанут на колени и будут вынуждены пойти на мировую.

Это предложение начало воплощаться в жизнь, начиная с 1706 года. Многие известные корсары усилили свои эскадры кораблями регулярного флота. По сути, весь флот Океана был поделен между Средиземным морем (где шли основные операции регулярных флотов) и корсарами.

2 октября 1706 года Форбэн, вышедший из Дюнкерка с эскадрой из 3 линейных кораблей, 5 корсаров и 4 фрегатов¹,

¹ Линейные корабли — «Солсбери» (50 орудий, 340 человек команды), «Блэкуолл» (54 пушки, 340 человек), «Марс» (флагман, 54 орудия, 380 человек). Фрегаты — «Драйяд» (44 орудия, 280 человек), «Жерсей» (46 орудий, 300 человек), «Эрозн» (20 орудий, 120 человек), «Сорлинг» (32 орудия, 190 человек). Корсары — «Конкеран» (14 орудий), «Эгль» (10 орудий), «Дрэгон Волаңд» (8 орудий), «Штадт Гамбург» (40 орудий) и «Пелерин де Фли» (18 орудий).

у Доггер-банки столкнулся с голландским конвоем из 60 судов и 6 кораблей охранения: 40-пушечный «Грэйпскерке», 44-пушечные «Эдам», «Рааф», «Гронинген» и «Кампен», а также 50-пушечный «Харденбрек». Бой был очень жарким: Форбэн на флагманском «Марсе» изрешетил ядрами «Гронинген» так, что корабль в конце концов затонул. «Драйяд» вел активный огонь по «Раафу» — после прямого попадания в кюйт-камеру голландец взорвался у всех на глазах. Спаслись только 12 человек. Остальные корабли и суда потеряли волю к сопротивлению и были взяты.

Кроме Форбэна, в Северном море активно действовали вышедшие из Дюнкерка 56-пушечные «Дофин», «Фидель», «Контэн», «Гриффон», 48-пушечный «Меркюр», 40-пушечный «Проте», 16-пушечный «Дриад» и 30-пушечный «Тигр».

Дюгэ-Труэн с отрядом, вооруженным на собственные деньги, прибыл в Кадис, дабы расширить крейсерскую войну. 23 мая он обнаружил «бразильский флот», идущий в Лиссабон с грузом золота из Америки. Эскорт конвоя — 60-пушечный «Сан-Жуау де Диус» и 28-пушечный «Нусса Сеньора ду Кабу» — долго отбивался от приватиров. Сильно избитые корабли выбросились на берег около лиссабонских батарей, однако смогли защитить торговые суда, благополучно пришедшие в порт. Лучшую часть лета Дюгэ-Труэну пришлось ругаться с испанцами, плохо выполнявшими свои обязанности по снабжению экипажей каперов провиантом и боеприпасами. В августе он пошел обратно, в Брест. По пути ему удалось захватить конвой из 12 торговых судов и эскорт — 36-пушечный «Госпорт» и 28-пушечный «Дюк оф Мальборо». По возвращении Дюгэ-Труэн был награжден орденом Святого Людовика и назначен командиром брестской эскадры на следующий год.

В 1707 году на охране прибрежной торговли остался вице-адмирал Джон Лик (наш знакомец по Гибралтару), распределивший свои силы следующим образом: 2 корабля с кэптенем Харди были направлены в Саундингс для защиты проходящих конвоев в прибрежной зоне; 2 линкора под командованием Уитакера были направлены в Дувр с подобной же целью; 12 кораблей было выделено для сопровождения конвоев; 15 фрегатов начали охоту на корсаров в районе Ирландии. Блокаду Дюнкерка осуществляли 7 кораблей и 2 фрегата. Голландский флот, действовавший самостоятельно, отрядил на блокаду Дюнкерка 2 фрегата и 6 «охотников за корсарами», в Северном море на защиту конвоев вышли 11 линейных кораблей и 2 фрегата. В общей сложности англоголландцами в прибрежных водах были задействованы 34 корабля и 21 фрегат.

Однако, несмотря на эти силы, из Дюнкерка и Сен-Мало выходили целые эскадры корсаров. К примеру, капитан Заус прорвался в море с 8 фрегатами, пошел к берегам Голландии и захватил много судов. Кроме того из Дюнкерка вышло на «большую дорогу» и 23 одиночки — небольшие каперские суда, имевшие от 10 до 30 пушек.

24 марта 54-пушечный «Бурбон» атаковал у берегов Португалии голландский караван и его эскорт — 40-пушечный «Нептунус» и 28-пушечный «Конкордиа», однако охранение не только отразило нападение, но и захватило самого корсара, который позже вошел в состав флота Соединенных провинций.

11 мая из Дюнкерка вырвался Форбэн с той же эскадрой, как и в прошлом году, 12 мая к нему присоединился отряд Зауса, а 13 мая соединение корсаров атаковало конвой из 50 транспортов с эскортом под командованием Клементса из 70-пушечных «Хэмптона Корта» (флагман) и «Графтона», а также 76-пушечного «Ройал

Оака». Французский «Блэкуолл» хотел взять на abordаж «Графтон», но промахнулся и прошел за кормой корабля. «Марс» схватился с «Хэмптон Кортон», на англичанина была уже высажена призовая партия, Форбэн с марсов собственноручно застрелил Клементса, но abordажные крюки не выдержали и корабли разошлись. Французы, оставшиеся на «Хэмптон Кортон», были перебиты все до одного. Однако на помощь «Марсу» пришли «Фидель» и «Блэкуолл», и через 2 часа флагман англичан был захвачен. «Дофин» и «Гриффон» тем временем взяли на abordаж «Графтон». «Ройал Оак», хотя и получил ядро ниже ватерлинии, смог сбежать. Ночью он приткнулся к мели, заделал течь, а 14-го вошел в Даунс. Хотя 2 линейных корабля охранения были захвачены, Клементс выполнил главную задачу — прикрыл конвой, и торговые суда смогли уйти от корсаров. Французы потеряли свыше 200 человек ранеными и убитыми, за этот бой Форбэн был произведен в шефы д'эскадрэ.

Вице-адмирал Лик вышел в море с 6 линейными кораблями (в том числе два 90-пушечника) и соединился с эскадрой Стрикленда (3 корабля и 2 фрегата), они встретили 40 торговых судов, идущих из Португалии, а затем отконвоировали около 100 судов с Ямайки в английские порты.

В июне капитан Ричард Хэддок с 54-пушечными «Уорвиком» и «Сваллоу», а также с 3 фрегатами занимался охраной большого угольного конвоя из 70 судов в Архангельск. Узнав о выходе Форбэна, эскорт получил сильное подкрепление — в составе 10 линкоров, 1 фрегата и 3 бригав. Охранение сопровождало караван до самого Архангельска, смогло отбить несколько призов Форбэна, а 11 июля у острова Кильдюин встретило дивизион Форбэна в составе 5 кораблей и 2 призов. Француз благоразумно

скрылся и последовал в отдалении за конвоем, надеясь, что некоторые суда отстанут¹. 16 июля караван вошел в устье Северной Двины, а Форбэну таки удалось захватить 12 отставших транспортов. Двигавшиеся же отдельно голландцы в составе 30 торговых судов и 3 фрегатов смогли избежать столкновения с корсаром и благополучно пришли в Архангельск.

Дюгэ-Труэн вышел из Бреста с 64-пушечными «Ли» и «Ашилем», 54-пушечным «Ясоном», 38-пушечными «Глуаром» и «Амазоном», а также 22-пушечным «Астре», но за месяц рейдерства сумел взять всего 1 приз. Разочарованный, он пошел к берегам Португалии, пытаясь поймать «бразильский флот», но и здесь ему сопутствовала неудача, и в середине августа корсар вернулся в Канал. Дюгэ-Труэн недоумевал: в чем же дело? Меж тем по настоянию Лика все суда, идущие в Англию и из Англии, были сведены в конвой. Тем самым торговым кораблям было обеспечено охранение, и моря сразу опустели, ведь караваны ходили реже, чем одиночные суда, и обнаружить их было тяжелее. Пока Дюгэ-Труэн рыскал по морям, из метрополии были отправлены следующие конвои:

— В Португалию — 30 войсковых транспортов в охранении 2 линейных кораблей и 1 фрегата.

— На Ньюфаундленд — 20 судов с 2 фрегатами эскорта.

— В Новую Англию — 40 судов с охранением из 1 линкора и 2 вооруженных приватиоров.

— В Вест-Индию — порядка 100 судов с эскортом из 1 линкора, 1 фрегата и 1 брандера.

Кэптен Харди, преодолевая штормы, вышел в море с 70-пушечными «Кентом» (флагман), «Нортумберлендом» и «Нассау», 80-пушечным «Девонширом», 64-пушечными

¹ Любители подводных лодок, вам это ничего не напоминает?

«Мэри» и «Кентербери», 54-пушечным «Хэмпширом», 60-пушечным «Аугустом» и 30-пушечным «Тартаром» и проследовал в Саундингс.

27 августа конвой из Ньюфаундленда с «Эдвайсом» (48 орудий) и «Эдвайс прайзом» (18 орудий) под командованием кэптана Керктауна столкнулся с Дюгэ-Труэном, однако в поле зрения появилось соединение Харди, который сразу же повернул на корсара и пошел в бой. Дюгэ-Труэн решил бежать, Харди его не преследовал. За недостаточную агрессивность кэптен предстал перед трибуналом, но был оправдан. Это послужило хорошим уроком командирам английских кораблей — лорды Адмиралтейства были взвинчены, ведь в это время ожидался большой конвой из Вест-Индии с сахаром и серебром.

При адмирале Лике вошло в практику постоянно держать корабли Хоум Флита в море, на подходах к бережью, причем даже в периоды штормов. Так, например, для встречи Вест-Индского конвоя кэптен Эванс вышел с 5 линейными кораблями и 3 фрегатами из Дувра, однако «Берфорд», «Мэри» и «Монк» были очень повреждены в бурю и вынуждены были вернуться. Это соединение сменила эскадра Хозайера из трех 50-пушечных линкоров и одного 36-пушечного фрегата, позже к нему присоединились 54-пушечный «Сауттемington» и 2 фрегата.

Вест-Индский конвой вышел с Барбадоса в июле — он имел более 100 торговых судов с эскортом из 4 линейных кораблей, 4 фрегатов и 1 брандера, но караван попал в сильный шторм, и как следствие — более половины судов потеряли своих конвоиров и были вынуждены добираться до английских портов самостоятельно. В ноябре Эванс с 11 линкорами вышел в море для встречи конвоев из Леванта, Ньюфаундленда и отставших с Барбадоса. В районе Ирландии сначала встретили 54-пушечный «Нонсвич» и 2 фрегата с 30 торговыми судами из Италии. Через два дня подошел

конвой из Крита в составе 8 транспортов и 4 кораблей охранения; к декабрю подошел доблестный 54-пушечный «Норвич», конвоировавший в одиночку четыре торговых судна от мыса Доброй Надежды. Позже появились еще 2 небольших конвоя из Ост-Индии. Наконец 29 февраля 1708 года к Ирландии подошли все отставшие суда барбадосского конвоя с эскортом из 5 линкоров и 3 фрегатов.

В 1707 году произошла самая знаменитая конвойная битва — бой у мыса Лизард (французский вариант — сражение у Уэссана). Английский караван из 100 войсковых транспортов с охранением из 50-пушечного «Руби» и 54-пушечного «Честера» должен был отплыть в Португалию в октябре. С ним решили отправить и 30 торговых купцов из Вирджинии, идущих в Средиземное море с товарами. Таким образом, количество судов достигло 130, а охранение увеличилось на два 80-пушечных, «Кумберленд» и «Девоншир», и один 76-пушечный «Ройал Оак». Командиром эскорта был назначен кэптен Эдвардс. 10 октября конвой был обнаружен эскадрами Дюгэ-Труэна в составе 4 линейных кораблей и 2 фрегатов¹ и Форбэна, насчитывавшей 5 линкоров и 1 фрегат². Дюгэ-Труэн сразу же повел свой «Ли» на флагман конвоя — 80-пушечный «Кумберленд», буквально протаранив его, он схватился с англичанином на бордаж. При этом «Ашиль» был направлен на «Ройал Оак», «Мор» — на «Честер», а «Ясон» — на «Руби». Фрегаты корсар оставил в резерве, надеясь, что 80-пушечный «Девоншир»

¹ Линкоры — 69-пушечный «Ли», экипаж — 631 человек; 50-пушечный «Мор» с экипажем из 377 моряков; 64-пушечный «Ашиль» с командой из 525 человек; 54-пушечный «Ясон» с 426 членами команды. Фрегаты — 38-пушечные «Амазон» и «Глуар».

² «Блэкуолл» (52 орудия, 374 человека), «Солсбери» (флагман, 50 орудий, 353 человека), «Марс» (54 орудия, 431 человек), «Гриффон» (44 орудия, 349 человек), «Проте» (46 орудий, 361 человек), «Дриад» (32 орудия, 102 человека).

возьмет на себя Форбэн. Форбэн, в свою очередь, задержался, приняв колонну английских торговых судов на вторую линию кораблей эскорта. «Ашиль» не смог справиться с «Честером», шальное ядро попало в крюйт-камеру французца, но по счастливой случайности взорвалась только часть пороховых зарядов, хотя от этого взрыва погибли 120 человек. «Кумберленд» смог наконец освободиться от «Ли», хотя уже потерял 100 человек команды, однако вскоре подошли «Блэкуолл» и «Глуар», и на флагмане английского эскорта взвился белый флаг, британские моряки отказались сражаться дальше. «Марс» подошел к «Руби» с другой стороны, и они вместе с «Мором» взяли англичанина на абордаж. «Солсбери», «Гриффон» и «Проте» атаковали «Девоншир», освободившись, подошли также «Ли» и «Марс», но английский корабль в течение часа не допускал абордажа, однако на его корме вспыхнул пожар, и вскоре «Девоншир» горел от киля до клотика. Последовал взрыв крюйт-камеры, и горящие обломки разлетелись в радиусе 300 метров. Спасти удалось только 3 человек. «Ройал Оак» еще в начале боя последовательно отступал, сначала он отошел подальше от «Руби», позже — не оказал помощи «Девонширу» и, наконец просто сбежал с поля боя¹. Оставшиеся корабли эскорта французы взяли на абордаж, а также захватили 10—12 торговых судов. Остальные успели рассеяться благодаря мужеству «Девоншира». Потери французов в людях были велики — к примеру, «Ли» потерял от огня «Девоншира» более 300 человек убитыми и ранеными.

Бой этот во многих случаях показателен. Во-первых, несмотря на более сильное вооружение англичан (они имели 32-фунтовые, 24-фунтовые и 22-фунтовые пушки, тогда как

¹ По возвращении в Англию командира «Ройал Оак» барона Уайлда судили, признали виновным в трусости и небрежении своими обязанностями, он был лишен всех чинов и наград и с позором выгнан со службы.

французы тяжелее 18-фунтовых орудий ничего не имели), они были повержены, волнение на море не дало им возможности использовать тяжелые орудия с нижних деков. Во-вторых, хотя эскорт был полностью уничтожен, суда конвоя успели рассеяться и урон был не так велик.

Победа при Уэссане вызвала во Франции национальный подъем, пленные англичане были с позором проведены по улицам Бреста, а толпа кричала: «Смотрите, вот они, владыки морей!» Дюгэ-Труэн был представлен в Версале королю, который пожаловал ему ежегодный пенсион в 1000 ливров. Эту пенсию корсар тут же отдал своему первому помощнику, раненному в бою у Уэссана, чем привел Людовика в восхищение. Особенно поразил короля тот факт, что Дюгэ-Труэн очень хлопотал о наградах и повышениях своим офицерам. Людовик тотчас же возвел капера в дворянство вместе со всем его потомством.

Если подводить итоги 1707 года, то он окажется явно неудачным для корсаров. Да, бой при Уэссане был выигран Дюгэ-Труэном и Форбэном, однако все основные конвои были прикрыты сильным эскртом и потери торговых судов были минимальны. Во многом это заслуга вице-адмирала Лика, грамотно распределившего силы Хоум Флита.

В 1708 году король попытался помочь Джеймсу Стюарту (сыну Якова II) и приказал Форбэну высадить в Шотландии 6000 человек (12 батальонов), где они вкупе со сторонниками Якова должны были организовать «второй фронт» на территории самой Великобритании. Надо сказать, что затея с самого начала была никчемной — английская Королевская секретная служба под началом герцога Харли и его помощника Даниэля Дефо (известного писателя-публициста) с самого начала была в курсе планов высадки. В марте 1708 года из Дюнкерка вышли 4 линейных корабля (54-пушечные «Марс» и «Огюст», а также 52-пушечные «Блэкуолл» и «Солсбери»)

и 10 фрегатов, насчитывавших от 16 до 46 орудий¹. Эти силы сопровождали 23 войсковых транспорта, на которые загрузились 6500 человек. Англичане были осведомлены своими шпионами за неделю до выхода каравана, поэтому заранее сосредоточили у Дюнкерка и берегов Шотландии свои отряды. Французский капитан Заус сделал попытку выхода на день раньше, англичане сняли блокаду и устремились за ним в погоню, благодаря чему Форбэн без помех вышел из Дюнкерка. В середине марта корсару удалось достичь Шотландии, он бросил якорь недалеко от Эдинбурга, в заливе Ферт-оф-Форт, однако ожидаемые шотландские повстанцы так и не появились (к этому моменту большая часть заговорщиков была арестована, и выступлений якобитов не последовало). Вместо этого на горизонте была обнаружена эскадра адмирала Джорджа Бинга в составе 40 кораблей. Форбэн понял, что высадка уже не состоится. Он отдал приказ кораблям взять курс на Дюнкерк, поставив сзади самые сильные свои корабли — «Блэкуолл», «Марс», «Грифон», «Огюст» и «Солсбери». Бинг ринулся в погоню. На траверзе Ньюкасла часть английской эскадры сумела нагнать французов, первым огонь по замыкающим открыл 64-пушечный «Мидуэй», вскоре его поддержал «Солсбери»², а потом «Антилоуп» и «Леопард». Однако Форбэн сумел уйти. В районе эстуария Хамбера корсара атаковало соединение кэптана Уолкера в составе 66-пушечного «Свифтшура», 70-пушечного «Орфорда», 64-пушечного «Ноттингема», а также 54-пушечных «Сваллоу» и «Уэймута». Форбэн еще раз доказал свое искусство моряка — он сумел перехватить ветер у английской эскадры и скрылся в сумерках. К сожалению, один из его кораблей — «Солсбери» — отбился

¹ «Грифон» (46 орудий), «Проте» (34), «Дриад» (20), «Тигр» (16), «Неад» (22), «Зефир» (16), «Экюрейль» (24), «Сиран» (30), «Реконнессанс» (26), «Контз де Форбэн» (26).

² Не путать с одноименным французским кораблем!

от эскадры и был захвачен противником. В плен вместе с 330 матросами попали командир экспедиционного отряда маркиз де Леви, 4 полковника и 5 рот беарнского полка.

В конце апреля Форбэн вошел в Дюнкерк. Узнав о потере «Солсбери» и провале высадки, король, подзуживаемый главой военной разведки, военным министром Барбезье (сыном Лувуа), был разъярен — он публично выразил корсару свою немилость. Блокаду Дюнкерка осуществляли 10 линейных кораблей, 3 фрегата и 2 флейта, флагманом эскадры был 60-пушечный «Ноттингэм» под командованием контр-адмирала Бейкера.

Дюгэ-Труэну удалось выскользнуть из Бреста в непогоду с 5 линейными кораблями и 6 фрегатами, он устремился к берегам Португалии в надежде перехватить «бразильский флот», но только потерял время.

Форбэн, не сумевший выйти из Дюнкерка, был смещен в конце 1708 года капитаном Турувром, который сумел 16 сентября выйти в море с «Марсом», «Аугустом», «Блэкуоллом», «Проте» и «Гриффоном». Эскадра вышла с неполными экипажами, 17 октября соединение зашло в Брест, где оставили «Гриффон», у которого появились опасные течи в корпусе, а его команду растасовали по другим кораблям. 5 декабря, ничего не обнаружив, Турувр был принужден повернуть обратно, 29 декабря от него отделился «Аугуст», а 2 января — «Проте», которые пошли в Брест. 9 января 1709 года Турувра перехватил Бинг с 9 линейными кораблями, но корсар сумел ускользнуть и прошел в Дюнкерк.

Этим и закончилась для каперов кампания 1708 года. Если подробно разобрать действия на море за этот год, становится ясно, что надежды на корсаров не оправдались, регулярный флот союзников плотно обложил базы привати-ров, свел торговые суда в конвои, исключил по возможности переходы одиночных судов, наладил сильное охранение для

воинских и торговых караванов. Победа при Уэссане не должна вводить в заблуждение: Дюгэ-Труэну и Форбэну повезло — они смогли обнаружить конвой, сильное волнение не дало возможности англичанам ввести в бой свои тяжелые орудия, а бегство «Ройал Оака» довольно сильно уменьшило боевую ценность эскорта.

Триумф системы конвоев

В новый, 1709 год корсары входили с мрачными чувствами — количество призов за последние 2 года сильно уменьшилось, блокады портов усилились, система конвоев у союзников была отлажена и караваны шли с сильным охранением. Однако каперы были полны решимости снова выйти в море и сразиться с врагом.

12 марта 1709 года Дюгэ-Труэн вышел из Бреста с 60-пушечным «Ашилем» и 3 фрегатами. У мыса Лизард он обнаружил конвой из 50 торговых судов, эскортировавшихся 5 линейными кораблями от 50 пушек и выше. Дважды корсар пытался взять на абордаж 66-пушечный «Эйшуренс», но был отбит. Англичанин потерял 25 человек убитыми и 53 — ранеными. Фрегаты француза смогли захватить только 5 торговых судов, 2 из которых были сразу же отбиты подошедшими 50-пушечными «Хэмпширом» и «Ассистенсом».

К Бресту была послана английская эскадра вице-адмирала Дурслей из 10 линкоров и 2 фрегатов. Дурслей отвел на юг «португальский конвой», вернулся к Бресту и 20 апреля столкнулся с Дюгэ-Труэном, который только что с «Ашилем» и «Глуаром» после упорного боя захватил 50-пушечный «Бристоль», в результате абордажа английский корабль потерял 70 человек убитыми и ранеными. Дурслей ринулся в погоню, «Бристоль», получив несколько попаданий под ватерлинию, пошел ко дну, однако англичане сумели спасти большую часть экипажа корабля. «Ашиль» с трудом

отбился от 70-пушечного «Кента», а вот 50-пушечному «Честеру» удалось захватить «Глуар».

Англичане сконцентрировали в Канале большие силы: кроме уже упомянутой эскадры Дурслея, у Дюнкерка находилась эскадра Джона Лика в составе 13 кораблей и 3 фрегатов, соединение Норриса из 10 линкоров обеспечивало проход англо-голландских конвоев в Канале. Эскадра же контр-адмирала Бейкера у Ирландии в составе 7 линкоров и 2 фрегатов встречала и провожала американские и вест-индские конвои.

Все же Дюгэ-Труэн сумел в ноябре выйти из Бреста с 4 кораблями и 1 фрегатом, у мыса Клир взял на бордаж 50-пушечный «Глостер». В этом же месяце корсар захватил 52-пушечный голландский «Харденбрек» и 12-пушечный «Бликенбург», а также охраняемый ими конвой. Дюнкерк же был наглухо заблокирован, попытавшийся, к примеру, прорваться сквозь английскую линию 40-пушечный «Драйяд» был сразу же захвачен 60-пушечным «Плимутом». В лето 1710 года только капитан Заус сумел вырваться из Дюнкерка с 3 кораблями и 3 фрегатами и захватил в районе Текселя богатый корабль голландской Ост-Индской компании, вооруженный 26 орудиями.

Однако англичане нанесли ряд гораздо более чувствительных ударов — 70-пушечный «Бреда» и 66-пушечный «Уорспайт» захватили 60-пушечный «Мор». «Кент», «Йорк» и «Эйшуренс» разгромили французский конвой, идущий в Брест, и взяли его эскорт. «Саффолк» захватил 38-пушечный корсар «Гайар». Тяжесть корсарской войны была перенесена в отдаленные воды — в 1711 году французские каперские отряды отправлялись в Вест-Индию и Левант, к берегам Кубы и в Индийский океан.

Было решено отослать корсарскую эскадру Дюгэ-Труэна к берегам Бразилии, что можно расценивать как поражение рейдеров. Этим самым руководство морского министерства

признало, что воды вокруг метрополии надежно защищены, а крейсерская война переносится с главного театра военных действий на периферию.

Контр-адмирал Харди продолжал блокаду Дюнкерка, однако большая часть из его 12 линкоров была отдана на эскорт конвоев, поэтому Заус сумел вырваться с 70-пушечным «Графтоном», 56-пушечным «Аугустом», 50-пушечным «Блэкуоллом», 48-пушечным «Проте» и двумя 26-пушечными фрегатами. Он направился к берегам Португалии, где 25 августа разгромил голландский конвой из Леванта с грузом пряностей. В Канале кэптен Дуфус на 46-пушечном корабле «Дувр» принудил к бою и уничтожил корсаров, сумевших вырваться из тисков дюнкеркской блокады: 28-пушечные фрегаты «Фидель», «Мютин» и 36-пушечный «Юпитер».

Побед у каперов становилось все меньше, в 1712 году их вообще можно было пересчитать по пальцам. Вообще эта ситуация сильно напоминает то, что пришлось пережить немецким подводникам 230 лет спустя. Списки погибших увеличивались, а число призов очень скоро приблизилось к нулю. Одним из последних у берегов Ирландии был уничтожен вырвавшийся из Сен-Мало 40-пушечный фрегат «Комт де Жиральден», взятый на абордаж 16-пушечным английским «Саламандром», уступавшим французу в численности экипажа в два с лишним раза.

Крейсерская война была проиграна. В море теперь безраздельно господствовали эскадры Ройал Неви и флота Соединенных провинций.

Глава 11

Крейсерские и конвойные операции в Вест-Индии

Корсары и эскадры у берегов Америки

В этой войне ценность атлантических коммуникаций для Франции и Испании возросла несоизмеримо. Дело в том, что для Людовика и Филиппа серебряные шахты Вест-Индии были источником жизни, но все добытое там серебро требовалось им в Европе. Это, в свою очередь вынуждало французов раз за разом отряжать значительные силы в Америку для охраны караванов. Надо сказать, что они с этой задачей справились — из 335 испанских и французских судов, плававших в Америку и обратно в 1700—1715 годах, был потерян только 91 корабль, но при этом захваченных и потопленных в боях было всего 39.

Мы оставили соединение дю Касса после боя у Санта-Марты. Француз доставил солдат в Картахену и находился там до мая 1703 года. В это же время к Вест-Индии подошли английские эскадры кэптана Уолкера из 6 кораблей¹ и 12 транспортов с 4000 гренадерами (4 полка), а также вице-адмирала Грэйдона в составе 3 линкоров. Уолкер, вышедший из Лиссабона еще 7 июня 1702 года,

¹ «Бойн» (80 орудий), «Кумберленд» (80), «Чайчестер» (80), «Берфорд» (70), «Ярмут» (70) и «Экспедишн» (70).

был снесен противными ветрами к островам Зеленого Мыса и прибыл на Барбадос только в январе 1703 года, где к нему присоединились «Эдгар», «Сандерленд» и «Эд-вайс» с войсками и припасами. Грэйдон с «Резолюшн», «Блэкуолл» и «Ширнесс» при поддержке «Монтагью» и «Нонсача», которые сопровождали караван на 50 лиг от побережья Испании, появился в гавани Порт-Ройала в апреле. По пути англичане встретили соединение дю Касса, возвращавшегося во Францию. «Монтагью» атаковал французов, но Грэйдон не поддержал боя, поскольку очень спешил в Вест-Индию. В случае же сражения исход был очевиден — соединение дю Касса было гораздо слабее 5 кораблей англичан, да к тому же линкоры француза имели обросшие днища.

Еще до прибытия обеих эскадр, в феврале 1703 года исполняющий обязанности контр-адмирала Уэтстон 5 недель без успеха ловил французских корсаров у Эспаньолы, затем вернулся на Ямайку. Прибывший Уолкер 18 февраля 1703 года подошел к Антигуа, доставил гарнизону порох, а в конце февраля отплыл к Гваделупе, где бомбардировал укрепления, и высадил десант из 400 моряков. Французы отступили в форт, держались там до 2 апреля, затем взорвали крепость и ушли. Англичане все сожгли на острове, но французы перебросили с Мартиники 900 солдат и атаковали десант. Поскольку стоянка на Гваделупе была признана очень неудобной, англичане забрали войска на корабли и 8 мая подошли к островам Монтсеррат и Невис. Потери британцев составили: убитыми — 9 офицеров и 72 солдата, ранеными — 18 офицеров и 211 солдат. Кроме того, от болезней умерли еще 9 офицеров и 154 солдата, а 12 попали в плен.

23 мая Грэйдон соединился с отрядом Уолкера у Невиса, и силы увеличились до 13 линкоров. На этот момент

эскадра Уолкера представляла собой жалкое зрелище — половина экипажей была больна, закончились провизия и боеприпасы. Распределив запасы, корабли пошли к Ямайке, куда прибыли только в начале июня. Оставив в гавани «Норвич», «Эксперимент» и «Сихорс», отплыли в район Ньюфаундленда, где решили захватить французский городок Плацентия.

Английские корабли на тот момент находились в ужасном состоянии, что послужило поводом для споров и откровенной ругани между Уолкером и Грэйдоном. Около берегов Ньюфаундленда в густом тумане отряд разбросало по морю, собраться смогли лишь 22 августа в Сент-Джоне, где наконец-таки пополнили запасы провизии и воды. Начался период штормов, даже на якорной стоянке многие корабли были повреждены, к примеру, «Дифенс» потерял грот-мачту.

23 августа собрали военный совет, на котором решили, что время для атаки Плацентии потеряно, поэтому надо идти домой, на «зимние квартиры». Часть кораблей прибыла в Даунс, еще часть — сопровождала торговые суда до берегов Португалии, а остальные эскортировали войсковые транспорта с остатками 4 полков к Ирландии. Экспедиция оказалась безрезультатной.

Примерно в это же время, но у побережья Канады довольно удачно действовала эскадра контр-адмирала Лика, назначенного временным губернатором Новой Шотландии¹ и главнокомандующим находящимися в Массачусетсе, Коннектикуте и Мэйне войсками англичан. Еще 24 июня 1702 года Лик получил приказ идти к Нью-

¹ Вся прелесть этого назначения в том, что под Новой Шотландией понималась Новая Франция — то есть колония, английской короне не принадлежащая!

фаундленду. 18 июля он вышел из Портсмута с «Эксетером» (флагман), «Мидузем», «Монтагью», «Личфилдом», «Ассистенсом», «Ло» и флейтом «Чарльз Галлей», а также с караваном из торговых судов. 27 августа он прибыл на Ньюфаундленд, где отослал часть сил с купцами на Барбадос. Сам же адмирал с 3 кораблями отправился в крейсерство к мысу Сен-Пьер, где обыкновенно ловили треску французские рыбаки. 4 сентября у реки Святого Лаврентия к нему присоединились еще 2 линкора, «Чарльз Галлей» и брандер «Файрбрэнд». Лик не в пример Уолкеру или Грэйдону действовал очень активно, захватил 29 французских судов, а 22 транспорта сжег. 11 октября отряд вернулся в Англию с большой добычей.

В 1704 году губернатор французского Плезанса граф д'Оже де Сюберказ сформировал сводный отряд из 100 ополченцев и 350 союзников-индейцев, с которыми осадил английский форт Уильям. Нападавшие довольно легко заняли поселение и вход в бухту, где сожгли все рыболовные баркасы англичан, но саму деревянную крепость взять не смогли. Однако, пока шла осада, небольшой отряд под командованием де Монтиньи прошел по восточному побережью Ньюфаундленда и разорил все английские поселения и рыболовные станции. Было потоплено или уведено до 2000 английских баркасов, взяты в плен около 1000 человек (правда, кормить их было нечем, поэтому большую часть просто разоружили и отпустили по домам), общая сумма убытков английских колонистов составила 4 миллиона ливров.

Вообще беспомощность английских поселенцев в Северной Америке просто поражает — колонисты раз за разом говорили о французской угрозе, требовали от Лондона денег и войск, но сами упорно не желали вме-

шиваться в войну. И это при гигантском перевесе в силах, ведь во всех французских колониях от Ньюфаундленда до Луизианы жили не более 16 тысяч французов, тогда как население английских колоний перевалило за 331 тысячу человек!

В качестве примера — в 1707 году капитан Дегрэ де Сурдеваль с эскадрой из 3 фрегатов выбил англичан с острова Сент-Пьер. На следующий год де Котбель вышел в море с 4 кораблями и 170 ополченцами, подошел к Сент-Джонсу, и захваченные врасплох англичане сдались. Попытку сопротивления сделал только губернатор форта (выбежавший в ночной рубашке, со шпагой из своего дома при первых же выстрелах), но был ранен и сразу согласился подписать капитуляцию.

Но вернемся в Вест-Индию.

В 1705 году в Карибское море отрядили эскадру французского капитана Ибервилля с «Жюстом» (70 орудий), «Принсом» (60), «Фени» (60), «Ковентри» (50), «Эглем» (40) и «Сфэ» (36). Весной 1706 года он прибыл на Мартинику. В это же время между островами Сент-Китс и Невис крейсировал капитан Шавиньяк с 4 кораблями и 2 фрегатами¹. В мае он соединился с Ибервиллем на Мартинике.

В 1705 году у острова Святой Елены (в Атлантике, будущее место ссылки Наполеона) шедший из Франции в Вест-Индию Дезожье столкнулся с кораблями голландской Ост-Индской компании — 54-пушечным «Хохштедтом» и 50-пушечным «Ассендельфтом». Пользуясь значительным перевесом в силах, француз атаковал и захватил эти ценные призы, забитые индийским шелком и золотом. Капитан д'Эйр на 70-пушечном «Эрье» и 60-пушечном «Меркюр» после жаркого боя взял на абордаж суда английской Ост-Индской компании — 26-пушечный «Куин» и 20-пушечный «Дувр» с золотом на

¹ «Глорье» (64), «Аполлон» (60), «Бриллиант» (64), «Фидель» (60), «Ладлоу» (32), «Нимфе» (14).

4 миллиона ливров (2 тонны слитков). Оба боя произошли в один и тот же день на расстоянии 15 миль друг от друга. Оба французских капитана, очень довольные, пошли обратно во Францию.

В это же время английский контр-адмирал Уэтстон пошел в Вест-Индию с 7 кораблями. 6 июля из Бриджтауна он направился на поиски французов, уже 13-го подплыл к стенам Картахены, но недалеко от Санта-Марты 50-пушечный «Бристоль» сел на мель. Эта неприятность оказалась счастливой — снявшись с мели, он обнаружил и захватил французский 46-пушечный корабль компании Асьенто (работоторговцы), но свой ценный груз — негров — французы, как оказалось, уже сгрузили на Мартинике. В начале августа 60-пушечный «Монтагю» и 40-пушечный «Гектор» были посланы к Порто-Белло, где взяли несколько призов. 16-го Уэтстон отплыл из Порт-Ройала к Сан-Доминго, искать испанские галеоны, «Монтагю» напоролся на два французских фрегата, но те, отстреливаясь, смогли скрыться. На «Саффолке», также участвовавшем в атаке, в ходе боя произошел взрыв в скрытой камере, корабль потерял ход, получил большую подводную пробоину, 70 человек были убиты.

В конце марта 1706 года Уэтстон опять вышел к Эспаньоле, где крейсировал всю весну. В начале июня он узнал, что несколько французских судов с товаром пришли в Пти-Гоав, и отправился туда с 7 линкорами и 1 брандером, однако противный ветер помешал контр-адмиралу.

25 июля на Ямайку прибыл коммодор Керр с 8 кораблями и 2 фрегатами, соединился с Уэтстоном, и они оба пошли к Картахене, где стояли 14 галеонов «серебряного флота» без такелажа. Город оказался полностью готов к обороне, поперек входа в бухту была натянута цепь, по англичанам было произведено несколько выстрелов. 18 августа к испанскому губернатору был послан парламентар с предложением признать власть эрцгерцога, но губернатор отклонил предложе-

ние англичан. Поскольку на эскадре не было сколь-нибудь значимых войск, британцы ушли обратно к Ямайке. Там экипажи настигла эпидемия, смертность была очень высока, и об активных действиях уже никто не думал.

2 января 1707 года из Англии в Вест-Индию прибыл контр-адмирал Джон Дженнингс с эскадрой в следующем составе:

Наименование	Количество пушек
Devonshire	80
Cumberland	80
Northumberland	70
Essex	70
Resolution	70
Firm	70
Monk	60
Canterbury	60
Mary	60

А также фрегаты «Гарланд», «Фалькон» и брандер «Хантер». Он соединился с Керром на Ямайке, где увидел печальную картину — множество умерших и больных, полное отсутствие провизии и припасов, по словам Дженнингса, «им надо не менее 9 месяцев, чтобы прийти в себя!». Адмирал оставил «Нортумберленд», где также была эпидемия, в Порт-Ройале, а сам пошел к Картахене, где нашел испанцев в полной боевой готовности. От очередного предложения о сдаче губернатор опять-таки отказался, и Дженнингс, несолоно хлебавши, ушел обратно. 25 февраля он отправился к берегам Англии. Керр, оставшийся в Вест-Индии, узнал, что для сопровождения галеонов подошли отряды дю Касса и Кэтлогона, но из-за нехватки провианта и припасов не смог их атаковать.

Вместо Дженнингса из Англии направлен коммодор Уоджер. 26 апреля 1707 года он прибыл на Мадейру с 7 линейными кораблями и 1 брандером. 5 июля пошел

дальше и 9 июня прибыл на Антигуа. В конце месяца он соединился с Керром на Ямайке, но много времени ушло на беспрестанные военные советы, подготовку кораблей и выздоровление моряков. В августе же Керр отправился домой. Уоджер вышел в море в конце ноября, когда узнал, что дю Касс еще на Мартинике, а галеоны испанцев еще не готовы к отправке. По данным разведки, у французов было 10 кораблей, а с приватирами — все 28! Англичане быстро ретировались в Порт-Ройал, где со страхом ожидали атаки кораблей Людовика, меж тем дю Касс проследовал в Гавану, откуда должен был сопровождать «серебряный флот».

16 февраля 1708 года Уоджер отплыл к Порто-Белло, однако вскоре вернулся на Ямайку. По данным разведки, 19 мая галеоны уже приплыли в Гавану, Уоджер разослал наблюдателей по всем направлениям, и 28 мая англичане обнаружили 12 галеонов, 2 шлюпа, 1 бригантину и 2 французских судна недалеко у Порто-Белло. На закате Уоджер смог нагнать конвой и на всех парусах бросился в атаку. Бой был очень жарким, через полчаса взорвался 64-пушечный «Сан-Хосе», причем горящие обломки чуть не подожгли флагман англичан — «Экспедишн». Позже Уоджер узнал, что на «испанце» было 5 или 6 миллионов песо¹. «Кингстон» атаковал 64-пушечный «Генерал-адмирал», но тот, пользуясь темнотой, смог уйти. В результате британцы смогли захватить только один галеон, на котором оказались всего лишь 13 тысяч песо, 14 слитков серебра и какао. Второй 40-пушечный испанский корабль, «Кингстон» и «Портленд» загнали на берег и сожгли; он также оказался без денег, только с грузом какао.

¹ Скорее всего, меньше, поскольку на эти галеоны, исполнявшие роль приманки, торговцы загрузили только контрабандное серебро.

Позже оказалось, что дю Касс, зная о попытках Уоджера захватить «серебряный флот», решил послать «конвой-приманку», который не вез никаких денег. Английский адмирал клюнул на эту уловку и атаковал караван из Порто-Белло. К чести испанских капитанов надо сказать, что они ничего не сказали Уоджеру, который до конца войны был уверен, что сражался с настоящим *la Flota de Oro*. дю Касс же отплыл из Гаваны в конце июня и через 3 месяца прибыл в Кадис.

В середине лета Уоджер, ставший к тому времени контр-адмиралом, получил приказ отправить 5 кораблей домой («Экспедишн», «Виндзор», «Ассистенс», «Долфин», «Дюнкирк Прайз»), но на помощь к нему из Англии прибыл кэптен Эдвардс с «Монмаутом», «Жерсеем» и «Робаком». По пути в Плимут «Дюнкирк Прайз» недалеко от Кубы налетел на скалу и разбился. Ситуация усугубилась тем, что к месту аварии подошел французский фрегат, который начал обстрел корабля. Однако внезапный штиль сыграл с французом злую шутку — 12 шлюпок устремились к фрегату, и вскоре лейтенант Пэрвис поднял на нем «Юнион Джек». За это дело лейтенант Пэрвис стал флаг-капитаном Уоджера.

1 января 1709 года провели военный совет. Все капитаны высказывались против активных действий, особенно взбудоражил военных слух о том, что вскоре к Ямайке подойдет эскадра Дюгэ-Труэна, которого англичане, несомненно, побаивались. Все же Уоджер решил выделить несколько кораблей в крейсерство у Подветренных островов. Операция оказалась довольно удачной — было захвачено много призов, потерян был только 42-пушечный «Эдвенчер», который капитулировал в бою с французским корсаром, потеряв 100 человек убитыми (в том числе и капитана).

1 апреля у Бастиментос английский корабль «Портленд», шедший с торговыми судами, столкнулся с французскими

приватирами «Ковентри» (50 орудий), «Миньон» (50), одним 36-пушечным фрегатом и 16-пушечным голландским призом. Конвой смог уклониться от боя, но 6-го французы опять нагнали караван. «Портленд» вступил в бой с «Ковентри», смог сбить на нем мачту, но, поскольку на корсаре было много мушкетеров, британец не решился на abordаж. В конце концов «Ковентри» сдался, но корабль оказался в очень плохом состоянии и вскоре был пущен на слом.

21 сентября Уоджер вернулся в Портсмут, оставив на Ямайке кэптана Тревора на «Кингстоне». 20 января в Порт-Ройал прибыл кэптен Спэн с 3 линкорами, но, несмотря на усиление вест-индской эскадры, никаких боевых действий не велось. Поэтому 24 августа 1710 года из Портсмута в Карибское море отплыла эскадра коммодора Литлатона с «Жерсеем», «Веймутом» и «Мидуэй Прайзом», которая прибыла на Ямайку лишь 2 ноября. Литлатон хотел произвести набег на Картахену, но не решился. В январе 1711 года из Плимута прибыл «Фалмут», но и это не сподвигло англичан на активные действия. Только в мае корабли вышли в море. Кэптен Вернон¹ на «Жерсее» смог захватить 30-пушечный французский фрегат. В это время для сопровождения очередного «серебряного флота» пришел дю Касс с 5 линкорами и 2 фрегатами. Литлатон поспешил к Картахене, где грузились испанцы. 14 июля англичане, имевшие 5 кораблей и 1 шлюп, столкнулись с караваном дю Касса. Литлатон, имевший равное с французом количество кораблей, поднял испанские флаги и смог обмануть отставший 24-пушечный галеон с грузом какао и шерсти, который был взят на abordаж. Денег же не оказалось. Из допросов пленных выяснили, что вся звонкая монета находится на 60-пушечном флагмане дю Касса. Литлатон, имевший корабли не более чем на 50 пушек,

¹ Будущий известный адмирал, которого судьба еще приведет к Картахене.

решил уклониться от драки. 25 ноября на Ямайку прибыл французский приз «Тетис», который захватили «Виндзор» и «Веймут».

В январе 1712 года Литтон вышел к Гаити, где блокировал Пти-Гоав до мая, когда до него дошли слухи о перемирии. В целом можно сказать, что английский вест-индский флот, несмотря на большие силы, всю войну занимался откровенной ерундой. Он пропустил все «серебряные флоты», не смог захватить ни одной крепости и понес довольно большие потери как в кораблях, так и в людях.

Одним из самых значительных событий в Вест-Индии стал, конечно же, поход эскадры Кассара. На этом господине мы еще остановимся в Приложениях. В 1712 году с кораблями «Нептун», «Темерер», «Руби», «Парфет», «Весталь», «Медюз», флейтами «Принс де Фриз» и «Алигр», а также и двумя кайками, «Анн» и «Мари», он отплыл к берегам Америки с целью разорить колонии англичан, голландцев и португальцев. Первыми попали под горячую руку Кассара острова Зеленого Мыса — город Сантьяго был взят за 4 часа, и на него была наложена контрибуция в 3 миллиона ливров золотом. Свои требования корсар подкрепил десантом из 1000 моряков.

Получив деньги, Кассар отплыл к Антигуа, где бомбардировал английскую колонию. В результате англичане согласились выплатить около 2,5 миллионна ливров золотым песком и сахаром. Далее он проследовал к Суринаму, потом к острову Святого Евстафия, а также к Кюрасао. Со всех колоний были собраны богатые выкупы, в общей сложности — более 3 миллионов ливров, а также 15 000 голов сахара. В 1713 году Кассар вернулся во Францию, где был произведен в капитаны 1-го ранга и награжден орденом Святого Людовика. Корсар получил от короля свою долю добычи, но — в ассигнациях (625 000 ливров), которые вскоре совершенно обесценились.

Набег на Рио

Взятие Рио-де-Жанейро отрядом Дюгэ-Труэна, безусловно, следует отнести к самым безумным, но успешным предприятиям. Что же понадобилось ему за 5000 лье от Франции, в бразильском Рио-де-Жанейро, которое находилось так далеко от места основных боев?

Причин здесь несколько. Прежде всего бедственное положение знаменитейшего корсара Франции — Рене Дюгэ-Труэна. Дело в том, что для этого человека, не раз рисковавшего своей и чужой жизнью, корсарство было всего лишь бизнесом, который приносил не только почет и уважение, но и неплохие деньги. Вот деньги-то как раз и грозили кончиться. После битвы у Малаги флот Франции прекратил активные действия в Средиземном море, и англичане, перебросив часть эскадр из Леванта, наконец-таки занялись французскими корсарами, так терзавшими британскую торговлю. Уже в 1707 году вице-адмирал Лик организовал систему постоянных конвоев с сильным охранением и заблокировал корсарские порты Франции — Дюнкерк, Сен-Мало и Брест. На следующий год произошла самая великая конвойная битва — сражение при Уэссане, в результате которой эскадрам Дюгэ-Труэна и Форбэна удалось уничтожить или захватить 4 из 5 британских кораблей охранения, значительно более сильных, чем французские корабли. Однако, хотя англичане и получили неприятный щелчок по носу, систему охранения торговых караванов все-таки отладили. Для корсаров это стало началом конца. После введения единой системы конвоев моря опустели, корсары и их «спонсоры» разорялись один за другим, начало сбываться пророчество покойного адмирала Турвилля — английский регулярный флот без труда вымел каперов из вод Европы, а вот французского флота, готового принять вызов, к тому времени уже не было. К 1710 году Дюгэ-Труэн про-

сто был банкротом (о чем он скромно умолчал в своих воспоминаниях). Содержание эскадры из 3 линкоров и 4 фрегатов никогда не обходилось дешево, негоцианты и арматоры, вложившие деньги в его предприятие, также требовали своих процентов, а взять призы в прибрежных районах Англии уже было невозможно. Поэтому рейд на Рио-де-Жанейро был для Дюгэ-Труэна возможностью расплатиться с кредиторами и экипажами кораблей.

Второй причиной, почему рейд на Рио стал жизненно необходим, явилась полоса неудач, в которую попала Франция. После поражения при Мальплаке боевой дух французов был очень низким, и поэтому Дюгэ-Труэн не без основания рассчитывал, что Людовик согласится на такую авантюру, дабы новая победа, пусть даже и в Новом Свете, подняла мораль подданных Короля-Солнца. Сам корсар в своих воспоминаниях называет также одной из причин возможность прославиться в случае успеха данного предприятия. Но давайте обо всем по порядку.

А началось это самое все в 1710 году: 5 кораблей, имевших от 24 до 40 пушек, с 1000 солдатами под командой дю Клерка отплыли из Бреста к берегам Бразилии. В августе этого же года высадившийся рядом с Рио-де-Жанейро французский десант был уничтожен, 400 человек убиты (в том числе и сам дю Клерк), 600 или 700 — взяты в плен. Несмотря на договор о военнопленных, заключенный между Францией и Португалией в 1707 году, захваченные французы содержались в нечеловеческих условиях, и многие из них вскоре просто начали умирать.

Напуганный нападением на такой отдаленный район, португальский король повелел серьезно укрепить город в устье Гуанабары. Из Лиссабона в Рио отправили четыре линейных корабля, имевших от 56 до 74 орудий, три фрегата, вооруженных 36—40 пушками, и 4 войсковых

транспорта с 5 батальонами отборных солдат под командованием Гаспара д'Акосты.

Тем временем накал крейсерской войны в водах Европы начал ослабевать. После величайшей в истории конвойной битвы при Уэссане англичане и голландцы надежно прикрыли свои торговые конвои, упорядочили их движение, серьезно регламентировали порядок и скорость движения караванов. В 1708 году в Англии вышел «Крейсерский и конвойный Акт», в 1709-м — создана должность коммодора конвоя, базы приватиоров надежно заблокированы. Знаменитого Форбэна, попытавшегося высадить 12 батальонов французских гвардейцев в Шотландии, атаковала эскадра адмирала Бинга из 40 кораблей в районе Ферт-оф-Форта, и он был вынужден бежать обратно к Дюнкерку. Взбешенный Людовик XIV, узнав о таком исходе дела, отправил Форбэна в отставку.

Дюгэ-Труэн одним из первых понял, что в водах вокруг Острова «жирные годы» уже закончились, прорваться к торговым судам сквозь сильное охранение становилось уже практически невозможно. Корсар на своей шкуре ощутил возросшие трудности: в ноябре 1710 года около Ирландии он искал индийский конвой¹. В районе Корка 36-пушечный «Ясон» Дюгэ-Труэна обнаружил караван из 24 судов в охране 4 английских фрегатов. Эскорт полностью перекрыл доступ корсара к торговцам. Англичане, отбив все атаки приватира, спокойно дошли до Кинсейла, а разочарованный Дюгэ-Труэн вернулся в Брест.

Именно в этот момент у него в голове созрел план новой экспедиции к берегам Бразилии. «Учитывая все обстоятельства, а также надеясь на очень большие при-

¹ Индийский конвой — ежегодный торговый караван, шедший из Индии в Англию с пряностями, золотом, алмазами, парчой, индийскими тканями, приправами и т.п. Обычно проводился под патронажем английской Ост-Индской компании.

зы, — пишет Дюгэ-Труэн, — но главным образом — из-за великой чести, которую должно было принести данное предприятие, родилось в моем сердце желание захватить эту колонию в наказание вероломным португальцам и во славу Короля».

Поскольку экспедиция требовала значительных средств, знаменитый корсар напрямую обратился к Людовику XIV. В результате была создана торговая компания, куда в качестве пайщиков вошли сам король, герцог Тулузский, мсье Поншартрен (морской министр), а также богатые негоцианты из Сен-Мало: господа де Белиль-Пепин, де Леспин-Даникэн и де Шапелье. Сам Дюгэ-Труэн внес в это предприятие 50 тысяч ливров. После переговоров мсье де Куланг составил соглашение о распределении прибылей участников, и 4 апреля 1711 года корсар отправился в Брест, срочно готовить суда к выходу. В состав экспедиции включили два 74-пушечных линейных корабля, «Ли» и «Маньяэм», три 66-пушечных — «Бриллиант», «Ашиль» и «Глорье», пять фрегатов: 46-пушечный «Аргонот», 36-пушечные «Амазон» и «Беллон» (причем «Беллон» был оснащен двумя крупнокалиберными мортирами), 22-пушечный «Астрэ» и 20-пушечный «Конкорд».

Из Рошфора к эскадре присоединились 60-пушечный «Фидель» под командованием господина де Муанери-Миньяка и 40-пушечный фрегат «Эгль» господина де Мар-Декана, а также два бомбардирских судна. Кроме того, из Дюнкерка пришел 56-пушечный «Марс» во главе с господином Ситэ-Даникэном, прорвавшись через заслоны английских кораблей в Ла-Манше. С родины Дюгэ-Труэна — Сен-Мало — его брат подготовил к выходу еще два фрегата — 40-пушечный «Шансельер» и 30-пушечный «Глорье». В середине мая 1711 года на 6 транспортов были посажены 2000 солдат под командованием мсье де Сен-Жермена, майора морской пехоты из Тулона.

3 июня 1711 года 6 линейных кораблей, 5 фрегатов и 6 транспортов с войсками покинули гавань Бреста. Разведка англичан донесла о готовящейся экспедиции, поэтому 20 линейных кораблей Британии караулили Дюгэ-Труэна неподалеку от Уэссана, однако корсар вопреки данным англичан направился не в Вест-Индию, а повернул на юг, по направлению к Бордо. Эскадра зашла в Ла-Рошель 6 июня, где к ней присоединились «Фидель», пришедший из Рошфора, два бомбардирских судна и два фрегата из Сен-Мало, а уже 9 июня вся экспедиция вышла в море. «Эгль», не успевший еще закончить починку рангоута и такелажа, должен был позже подойти к островам Кабо-Верде, где стороны условились о randevu.

Тем временем англичане, упустившие Дюгэ-Труэна, прознав о цели его экспедиции, отправили пакетбот со срочным письмом королю Португалии. Из-за преступной небрежности канцлера Португальского королевства корвет с извещением о возможном нападении отправился в Рио лишь в середине июля.

21 июня Дюгэ-Труэн уже был на траверзе Лиссабона. Навстречу французской эскадре попалось небольшое торговое судно англичан, которое было сразу же захвачено без какого-либо сопротивления и включено в состав соединения. 2 июля экспедиция прошла мыс Сент-Винсент (Сагреш), а через два дня у Кабо-Верде к ней присоединился «Эгль»; а 19-го корабли прошли остров Ассансьон. Около бухты Всех Святых Дюгэ-Труэн собрал совет: как действовать дальше? Стоит ли совершать нападения на англичан и португальцев по пути следования или, как можно дольше скрывая цели экспедиции, идти прямо к Рио-де-Жанейро? После совещания корсары решили выбрать второй вариант — прежде всего из-за неудовлетворительных запасов воды на кораблях. Эскадра взяла курс на юго-запад и пошла

к берегам Бразилии. Только 9 сентября впередсмотрящие с марсов увидели землю. Оказалось, что Дюгэ-Труэн немного ошибся со счислением и корабли вышли к побережью севернее устья Гуанабары, правда, совсем недалеко. В ночь на 11-е Дюгэ-Труэн подошел к Рио-де-Жанейро.

Надо сказать, что в то время этот город представлял собой подобие южноамериканской Картахены. Рио-де-Жанейро являлся воротами в португальскую Южную Америку. Сюда свозились с континента золото и серебро, алмазы, кофе, сахарный тростник, чай, сандаловое дерево, а также многое другое. Раз в год из устья Гуанабары выходил португальский конвой, являвшийся аналогом знаменитого испанского «серебряного флота». Все ценности под охраной 2 или 3 сильно вооруженных кораблей после четырехмесячного плавания приходили в гавань Лиссабона, а оттуда расходились по миру¹. Рио-де-Жанейро был сильно укреплен: очень узкий вход в гавань прикрывали два редута, в которых было размещено по 10 орудий. Далее справа располагался сильный форт Санта-Круз, где насчитывалось 48 пушек калибром от 18 до 40 фунтов. На противоположном берегу вход в гавань закрывал форт Сан-Жуан, вооруженный 48 большими орудиями. В самом городе бастион Нусса Сеньора дю Кабо, на котором было расположено 16 орудий, калибром от 18 до 24 фунтов, а также форты Виганьон (24 орудия), Сан-Теодоре (16 орудий) и Сан-Себастьян (18 орудий). Внутри бухты на небольшом скалистом островке Кобрас² португальцы построили две батареи, насчитывавшие в общей сложности 14 пушек.

С трех сторон город закрыт горами, на склонах которых были разбросаны монастыри — иезуитов, бенедиктинцев

¹ Чаще всего в Англию, которая имела с Португалией договор о беспощинной торговле и, по сути, являлась крупнейшим перекупщиком португальских товаров.

² Ныне это абсолютно плоский остров, где расположен международный аэропорт имени Антонио Карлоса Жобима.

и епископский замок, — укрепленные рвами, ретраншементами и батареями 8-фунтовых орудий.

Гарнизон Рио-де-Жанейро на тот момент составлял 1500 человек. Кроме того, как уже говорилось, после попытки дю Клерка португальцы послали к Рио дополнительные подкрепления — это 4 линейных корабля, 3 фрегата и 5 батальонов солдат. Корвет, посланный предупредить губернатора Рио-де-Жанейро — Антонио де Альбукерке, — пришел в город лишь 27 августа. Жители и гарнизон лихорадочно стали готовиться к обороне. Женщины и старики были высланы в сельву, в город свезли запасы провизии, по бастионам распределили порох и ядра, португальская эскадра вышла в море для круглосуточного патрулирования входа в гавань.

По всем меркам выходило, что корсары просто не смогут взять столь укрепленный город. Тем не менее отступать Дюгэ-Труэну было уже некуда — позади его ждали кредиторы, а впереди — слава и деньги.

Вечером 11 сентября эскадра подошла ко входу в бухту. Пользуясь туманом и дождем, французы держались на пределе видимости. Разведка, произведенная «Конкордом», показала, что вход в гавань Рио охраняется португальскими военными кораблями. Таким образом, перед Дюгэ-Труэном встала задача уничтожить неприятеля, прежде чем он отойдет под прикрытие батарей. Корсар выстроил линию баталии следующим образом — «Ли» (капитан — шевалье де Курсерак), «Маньяэм» (мессир де Гуайон), «Бриллиант» (мессир де Бовэ), «Ашиль» (Дюгэ-Труэн), «Глорье» (господин Жайль), «Фидель» (господин де Муанери-Миньяк), а далее все фрегаты. Как пишет Дюгэ-Труэн в своих воспоминаниях, при перестройке в кильватерную колонну его корабли *«выполнили этот маневр с такой точностью, что нельзя выразить словами подготовку и отличную выучку экипажей»*. Французы

поставили полные паруса и ринулись на врага. Ошеломленные португальцы были буквально подавлены дерзким нападением — они открыли огонь по стремительно приближающемуся противнику, однако стрельба французов была великолепной: «Ли», проходя вдоль практически неподвижной линии португальских кораблей, сбил две мачты на головном и, обойдя их с наветра, обрушил на противника продольный огонь. Видя, что корсары намереваются взять португальцев на abordаж, Гаспар д'Акоста приказал кораблям выбрасываться на берег, под защиту батарей. К ночи все было кончено — морские силы Рио-де-Жанейро просто перестали существовать. Но это было самым легким препятствием в деле. Гарнизон крепости был достаточно велик, а укрепления города и гавани очень сильны. Тем не менее Дюгэ-Труэн продолжил боевые действия.

Ночью «Беллон» и два бомбардирских бота заняли позиции для обстрела батарей в уости. Шевалье де Гойон отошел от эскадры на 2 шлюпках с 500 солдатами и скрытно высадился на острове Кобрас. Атака батарей острова была столь внезапной, что португальцы не успели ввести в дело ни одно из орудий. Только лишь на третьем редуте защитники оказали хоть какое-то сопротивление, однако с другой стороны их атаковали 50 человек господ де Вореаля и де Сен-Османа, и над батареями взвился белый флаг. Дюгэ-Труэн, пользуясь туманными и дождливыми сумерками, перебросил на остров Кобрас полевые мортиры, взятые с собой на транспортах, и развернул орудия, захваченные Гойоном, в сторону фортов Рио-де-Жанейро. Наутро 12 сентября город подвергся сильной бомбардировке с полевых батарей на острове Кобрас и с мортирных судов. Часть фортов португальцев получили повреждения различной степени тяжести, но моральный эффект оказался гораздо страшнее — несмотря на

сильную позицию при входе в бухту и эскадру кораблей, враг уже в гавани и, играючи, захватил несколько ключевых позиций!

13 сентября Дюгэ-Труэн приказал шевалье де Бовэ погрузить большую часть из войск на фрегаты «Амазон», «Эгль», «Астрэ» и «Конкорд» и захватить четыре португальских торговых судна, замеченных около места предполагаемой высадки. Испытывая сильную нехватку в пресной воде, корсары были заинтересованы как можно быстрее захватить город.

Утром 14 сентября после трехдневной бомбардировки на берег высадились 2200 французских солдат и около 800 моряков. Дюгэ-Труэн решил атаковать город с суши — через укрепления монастыря бенедиктинцев¹. Командовать авангардом корсар поставил де Гойона, арьергардом — де Курсерака, центр оставил под своим командованием, выделив отдельный отряд в 100 человек под началом де Бовэ. У подножия горы разместили полевую батарею из 4 малых мортир и 20 корабельных орудий. Для того чтобы корабельные пушки могли стрелять с большим возвышением, Дюгэ-Труэн воспользовался изобретением де Бовэ, которое представляло собой подобие сундука с прорезями и ступеньками, на которые подкладывались деревянные доски.

При поддержке артиллерии Гойон и Курсерак захватили господствующие над монастырем высоты. После этого совместной атакой монастырь бенедиктинцев был взят, особенно помог французам очень точный огонь кораблей. Войска Дюгэ-Труэна вплотную подошли к городу. Губернатор Рио-де-Жанейро Антонио де Альбукерке был ошарашен: он не ожидал от корсаров такой прыти. Прошло всего 4 дня, а французы уже захватили все предмост-

¹ Монастырь сохранился до сегодняшнего времени. Он находится в историческом центре города.

ные укрепления и готовятся штурмовать город! Потери у португальцев были невелики (на 15 сентября — около 120 человек убитыми и 200 — попавшими в плен), но дух их серьезно пошатнулся. Город уже обстреливался с трех сторон: с кораблей, с батареей острова Кобрас и с высот монастыря бенедиктинцев. Португальцы пытались контратаковать, проведя отряд в 150 человек через лес и болото, расположенные у подножия епископского замка, но были отброшены картечным огнем и контратакой отряда мессира де Бовэ.

16 сентября Дюгэ-Труэн высадил десант на полуострове. Два из трех португальских кораблей, выбросившихся на мель 11-го, французы подожгли калеными ядрами и уничтожили. Напротив форта Санта-Круз была установлена батарея из 10 орудий. Ночью португальцы пытались контратаковать, но добились лишь уничтожения некоторых складов сахарного тростника, пороха и ядер, а кроме того, подожгли свои оставшиеся корабли, дабы они не достались французам.

17 сентября в результате авантюры нормандца дю Букажа корсары смогли освободить четырех матросов из отряда дю Клерка. От них они узнали много нового об обороне города. Тем временем португальцы, похоже, решили всерьез взяться за воинственных пришельцев. С подножия горы защитники города пустили отару овец, при этом в лесу укрылись 50 самых лучших стрелков. Французский сержант и два матроса, побежавшие к скоту, были хладнокровно перестреляны. Португальцы внезапно атаковали пост господина де Лиеста, который понес большие потери (около 30 человек были убиты, а 20 — ранены), но устоял. На помощь де Лиесту подошли отряды де Гойона и Дюгэ-Труэна. 200 гренадеров напали на португальцев с тыла, и все они были перебиты.

Вечером защитники Рио попытались отыгаться — из города вышел практически весь гарнизон, 900 солдат и 600 человек милиции, которые атаковали отряд из 1000 французов под командованием де Гойона. Корсары укрылись за рогатками и ретраншементами, организовав прицельный ружейный огонь. В результате португальцы понесли огромные потери и, не дойдя до французских окопов, обратились в бегство. На поле остались лежать 800 горожан.

19 сентября на острове Кобрас были установлены еще 5 мортир и 20 орудий калибром 24 фунта. Дюгэ-Труэн приказал новой батарее стрелять в стены форта Виганьон и попытаться пробить брешь. Одновременно корсар предпринял попытку дипломатическим путем решить проблему: он отослал де Альбукерке письмо, в котором предлагал почетную сдачу, грозя в противном случае уничтожить город *«в пух и прах»*.

Губернатор ответил, что без приказа короля он не имеет права сдать город, а на упреки в плохом отношении к захваченным в плен корсарам дю Клерка отвечал, что только недостаток хлеба в самом городе создал трудности в их содержании. Но, уточнял губернатор, он не приказал расстрелять этих *«600 пленных пиратов, хотя они приплыли так далеко только лишь из склонности к грабежу и убийству»*.

Дюгэ-Труэн стал готовиться к решающему штурму. «Бриллиант» и «Марс» подошли к форту Сан-Жуан и открыли ураганный огонь по укреплениям португальцев. Ночью ядро, выпущенное самим Дюгэ-Труэном из пушки, расположенной на «Бриллианте», послужило сигналом штурма. 21-го числа отряд Дюгэ-Труэна начал атаку со стороны ворот Консепсьон, Гойон со своими солдатами одновременно выдвинулся от монастыря бенедиктинцев, с моря корсаров поддерживали 5 линейных кораблей, об-

рушившие град ядер на укрепления города. Шевалье де Курсерак пошел в лобовую атаку на монастырь иезуитов и в отчаянной схватке захватил его. Сразу же в бойницах были развернуты легкие пушки, которые начали обстрел укреплений города с суши. Отряды Гойона и Дюгэ-Труэна ворвались в город практически одновременно. Попытки мародерства и реквизиций были сурово пресечены: к примеру, 10 человек были расстреляны на месте только за то, что покинули колонну и попытались ворваться в богато украшенную церковь.

Защитники в полнейшем беспорядке отступили в форты Санта-Крус, Сан-Жуан и Виганьон. Французы заложили мины под стены бастионов, и взрывом обрушило одну из секций. 23 сентября на укреплениях португальцев взвился белый флаг. Одновременно крепости заволокло дымом — португальцы сжигали магазины и склады. Антонио де Альбукерке и Дюгэ-Труэн определяли сумму выкупа. Для устрашения корсар послал в предместья три отряда, которые разграбили и сожгли частные дома. Корсар наложил на губернатора выкуп — 600 тысяч крузейро, которые были подготовлены для отправки в Португалию. На всех торговцев была наложена дань в 1000 крузейро.

11 октября, когда погрузка сокровищ на корабли была в самом разгаре, под Рио-де-Жанейро появился португальский отряд в составе 3 полков ландмилиции (причем половина — конных) и 6000 вооруженных негров, но эти силы встали лагерем перед городом и не делали никаких попыток штурма. Тем временем корсары загрузили на транспорта все запасы сахара и около 600 бочонков рома. Несколько поврежденных судов Дюгэ-Труэн продал португальцам, причем заставил заплатить за них, как за новые. Были полностью ограблены все церкви и монастыри, французы вывезли все столовое серебро, цер-

ковную утварь, из икон были вынуты драгоценные камни. В трюмы кораблей загрузили и «живой» товар — около 3000 негров, использовавшихся на плантациях рядом с Рио. Из тюрем были освобождены 4 офицера и 500 солдат, попавших в плен вместе с дю Клерком¹.

13 октября эскадра вышла из города. Предприятие увенчалось совершеннейшим успехом. Единственное, что беспокоило Дюгэ-Труэна, — это малые запасы продовольствия. К сожалению, в Рио продовольственные склады оказались пусты, а часть их португальцы успели сжечь. Для того чтобы как-то решить эту проблему, фрегат «Эгль» и несколько захваченных португальских транспортов с грузом сахара отправились во Францию через Карибское море с целью пополнить на Мартинике запасы провизии. 20 декабря экспедиция пересекла экватор, а 29 января 1712 года корабли были уже в районе Азорских островов. Переход не был таким уж простым: во время сильного шторма чуть не погиб 74-пушечный «Ли», один из лучших кораблей в эскадре. Буря раскидала корсаров по безбрежному океану — 6 февраля на рейд Бреста вошли «Бриллиант», «Беллон», «Аргонот», «Амазон» и «Астрэ». Через два дня появились потерявшиеся «Ашиль» и «Глорье». «Марс» отнесло к югу, и, совершив заход в Ла-Корунью для неотложного ремонта, он в конце февраля появился на рейде Порт-Луи. «Эгль», также попавший в большой шторм, сумел-таки доползти до Кайены, там товары и пушки были перегружены на одно из транспортных судов, а фрегат пустили на слом. «Маньяэм» и «Фидель» пропали без следа, а с ними 1200 матросов и много отличных офицеров, среди которых стоило бы выделить

¹ Ну и где тут плохое обращение? Судя по этим данным, можно сказать, что португальцы не устроили никакой расправы с военнопленными.

героя штурма Рио шевалье де Курсерака. На эти корабли было загружено 600 тысяч ливров в золотой и серебряной монете, а также 500 ящиков сахара.

Тем не менее рейд увенчался потрясающим успехом: 6139 матросов и солдат на 17 кораблях с 738 орудиями захватили сильно укрепленный город с гарнизоном в 1500 солдат и 3000 человек милиции. Потери португальцев составили 2000 человек убитыми, потери французов — 340 солдат и матросов, не считая погибших при переходе на «Маньяэме» и «Фиделе».

Если бы в этом деле не фигурировала денежная составляющая, можно было бы закончить рассказ о захвате Рио-де-Жанейро и рассыпаться в похвалах военным талантам Рене Дюгэ-Труэна. Однако, поскольку эта экспедиция была в равной степени и коммерческой, и военной, от вопроса о деньгах никуда не деться. По соглашению с пайщиками (в число которых входил и король) инвесторы оплачивали корсару потерю кораблей из своего кармана. Поскольку потерянные линкоры принадлежали Французскому королевству (сиречь — королю), то потерю этих кораблей оплачивать должен был он, Дюгэ-Труэн же только отделался 1 миллионом ливров за фрахт судов и наем команд. Если негоцианты из Сен-Мало, Бреста и Шербура получили по 92 процента прибыли на вложенные деньги (а общая сумма призов оценивалась в 4 миллиона фунтов стерлингов серебром), то королю из этих денег были отчислены жалкие 300 тысяч ливров. При этом каждый матрос, участвовавший в экспедиции, получил по 100 пиастров (это около 3500 ливров). Таким образом, неслыханные богатства, обещанные Дюгэ-Труэном Людовику, оказались мифом. Спас удачливого корсара морской министр Франции — мсье Жером Поншартрен. Дело в том, что семейство Поншартренов было инициатором перехода флота Франции к крейсерской войне. Поскольку в водах Ла-Манша каперы

свою битву проиграли, министру, как воздух, нужна была какая-либо победа корсарских эскадр. Дюгэ-Труэн, взяв Рио-де-Жанейро, укрепил позиции Поншартрена при дворе, и морскому министру было жизненно необходимо возвести корсара в ранг героя нации. В апреле Людовик принял Рене Дюгэ-Труэна в Версале. Поншартрен представил авантюриста в самом выгодном свете, и Луи, столь же честолюбивый, сколь и жадный, был в восхищении от успеха французов в столь опасном предприятии. Дюгэ-Труэну пожаловали пожизненный пенсион в 2000 ливров, а в 1715 году присвоили звание адмирала корсаров Сен-Мало.

Рейд Дюгэ-Труэна на Рио — из разряда немислимых подвигов, невыполнимых заданий. Атаковать сильнейшую морскую крепость, вооруженную более чем 300 крупными орудиями, имеющую сильный гарнизон и флот из 3 линейных кораблей и 4 фрегатов, — «на сие действительно токмо французы способны!» Тем более удивительно, что Дюгэ-Труэн решил эту невыполнимую задачу — уверенно атаковал и всего за 12 дней взял эту твердыню португальской Бразилии.

Заключение

1

В конце 1711 года после падения правительства вигов Англия начала тайные переговоры с Францией о мире. Вскоре к переговорам присоединилась и Голландия. Это объяснялось следующей причиной — после внезапной смерти своего старшего брата, Иосифа претендент на трон Испании эрцгерцог Карл был провозглашен императором Священной Римской империи Карлом VI, и в результате Австрия стала еще одной державой, способной нарушить баланс сил в случае победы в Войне за испанское наследство. Герцог Ормонд вывел британские войска из союзнической армии, и французы под командованием Виллара в 1712 году смогли вернуть многие из утраченных территорий. Переговоры о мире состоялись в 1713 году и завершились подписанием Утрехтского мирного договора, по которому Великобритания и Голландия вышли из войны с Францией. 11 сентября 1714 года после долгой осады Барселона сдалась армии Бурбонов. После этого поражения союзники окончательно утратили позиции в Испании. Военные действия между Францией и Австрией продолжались до конца года, вплоть до подписания Раштаттского и Баденского соглашений. Война за испанское наследство была окончена, хотя Испания до 1720 года формально находилась в состоянии войны с Австрией.

Сказывалась усталость от 10 лет войны: голландский флот превратился, по меткому выражению Лика, «*во флот одной эскадры*» и к окончанию боевых действий не превышал 30 боеготовых кораблей. Английская торговля, понесшая тяжкий урон от французских корсаров, находилась на издыхании, приток денег существенно сократился. Впрочем, это касалось всей Европы — в связи с разорением германских, испанских и итальянских земель практически все участники конфликта были вынуждены закупать хлеб в Северной Африке или в Турции. Тем не менее Ройал Неви завоевал полное господство над морями, и уже не было силы, способной бросить ему вызов. Дорога к этому господству оказалась очень трудной и длинной, не раз британцы терпели обидные поражения, чтобы достичь статуса «*властителей морей*», им пришлось пройти и через «*чатемский позор*» англо-голландских войн¹, и через Бичи-Хэд, и через Барфлер и Уэссан. Королевский флот часто страдал от дурной администрации, от плохого командования, но всегда в английском руководстве находились люди, которые последовательно вели его к победе.

Что же сказать о Франции? К сожалению, в конце войны все военные корабли были отданы на приватирские и конвойные операции, ни флот Леванта, ни флот Океана после 1707 года не могли выставить ни одного линкора.

¹ С 6 по 17 июня 1667 года голландский флот под командованием Михаэля де Рюйтера провел операцию против английских верфей и стоянок судов, находящихся в устье Темзы. В результате этой операции англичане потеряли два корабля I ранга, три корабля II ранга, три корабля III ранга, шесть кораблей IV ранга и один корабль V ранга — всего 8 линкоров, 6 фрегатов и 1 пинас. Ройал Неви лишился четырех из пяти самых сильных своих кораблей. По словам британского историка Эввелина, присутствие голландцев в устье Темзы было «*жутким спектаклем, позор которого никогда не будет смыт*».

Почему же французы, еще 20 лет назад наводившие страх на Ройал Неви, так беззубо сдали борьбу за господство на море?

Главной причиной этого следует считать сухопутный характер войны. В отличие от предыдущего противостояния в гонку за испанское наследство вступила Австрийская империя, сильный сухопутный игрок, имеющий талантливых генералов и мощную армию. Имперцев поддерживали войска Испании, Португалии, немецких княжеств. Англичане, где виги также проповедовали континентальную политику, выставили довольно большую армию, которая объединилась с голландской. Основными театрами боевых действий в Европе стали Испания и Нидерланды. Также важные сражения происходили в Германии и Италии.

В 1702 году принц Евгений Савойский сражался в Италии, где французами командовал герцог де Вильруа, которого принц победил и взял в плен в битве под Кремоной 1 февраля. Вильруа сменил герцог де Вандом, который, несмотря на удачное августовское сражение при Луддаре и существенное численное преимущество, показал свою неспособность выбить Евгения Савойского из Италии.

В то же время Мальборо повел объединенные силы англичан, голландцев и немцев на северные владения Испании и захватил несколько важных крепостей, среди которых был Льеж. На Рейне имперская армия под предводительством Людовика, маркграфа Бадена, в сентябре захватила Ландау, однако угроза Эльзасу уменьшилась после вступления в войну на стороне Франции Максимилиана II, курфюрста Баварии. Людовик был вынужден отступать через Рейн, где его в битве при Фридингене разбила французская армия под командованием маршала де Виллара.

В следующем, 1703 году Мальборо захватил Бонн и вынудил курфюрста Кёльна бежать, но ему не удалось захватить Антверпен, а французы удачно действовали в Германии. Объединенная франко-баварская армия под командовани-

ем Виллара и Максимилиана Баварского разбила имперские армии маркграфа Бадена и Германа Стирума, однако робость баварского курфюрста не позволила осуществить наступление на Вену, что привело к отставке Виллара. Французские победы в южной Германии продолжились и при сменившем Виллара Камилле де Талларе. Французское командование строило серьезные планы, включающие захват австрийской столицы объединенными силами Франции и Баварии уже в следующем году. Однако к концу 1703 года французские союзники, Португалия и Савойя, перешли на сторону антифранцузской коалиции. В то же время Англия, ранее наблюдавшая за попытками Филиппа удержаться на испанском престоле, теперь решила, что ее коммерческие интересы будут в большей безопасности при правлении эрцгерцога Карла.

Катастрофические неудачи при Ауденарде и Лилле 1708 года поставили Францию на грань поражения и вынудили Людовика XIV согласиться на переговоры о мире; он послал своего министра иностранных дел, маркиза де Торси, на встречу с командирами союзников в Гаагу. Людовик согласился отдать Испанию и все ее территории союзникам, за исключением Неаполя. Более того, он готов был финансировать изгнание Филиппа V из Испании. Однако союзники выдвинули еще более унижительные для Франции требования: они хотели, чтобы Людовик использовал свою армию для смещения собственного внука с трона. Отказавшись, Людовик решил продолжать сражаться до конца. Он обратился за помощью к французскому народу, в результате чего его армия пополнилась тысячами новых рекрутов.

В 1709 году союзники попытались осуществить три наступления на Францию, два из которых были незначительными, служившими для отвлечения внимания. Более серьезное наступление организовали Мальборо и Евгений,

продвигавшиеся к Парижу. Они столкнулись с войсками герцога Виллара в битве при Мальплаке, самом кровавом сражении войны. Хотя союзники и нанесли французам поражение, они потеряли двадцать тысяч человек, а их противники лишь десять тысяч. В руках объединенной армии оказался Монс, но развить успех она уже не смогла. Битва стала поворотной точкой войны, поскольку, несмотря на победу, у союзников из-за огромных потерь не осталось сил продолжать наступление.

Естественно, что при таком противостоянии на суше флот был самым последним в очереди на финансирование. Но ни Людовик, ни Поншартрен, ни д'О не поняли главного — лучше иметь небольшую, но хорошо снабженную и обученную эскадру, чем орду разнородных корсарских сил. Почему же это так важно?

Дело в том, что корсарская (крейсерская, рейдерская, подводная) война — это оборонительная стратегия. Она предполагает уход от столкновений с регулярными силами флота противника, а если такие силы в районе присутствуют — отказ от активных военных действий. В результате сменилась концепция использования флота. Нет-нет, адмиралы и моряки остались теми же — учениками и соратниками Дюкена и Турвилля, д'Эстрэ-отца и Шато-Рено, чему доказательство умелые и отважные действия флота Леванта в сражении при Малаге в 1704 году. А вот задачи изменились кардинально. Если раньше флот искал эскадры противника и пытался их разбить, то с приходом в морское министерство семейства Поншартренов стратегия действий на море была переориентирована на поддержку армии и крейсерскую войну. Основной задачей флота, помимо поддержки сухопутных войск, стала погоня «за длинным рублем», причем сама идея «хозрасчетного флота» нагло украдена у Валленштейна.

Помните его афоризм — «Война кормит войну»? С этого момента командиры кораблей настраивались

— на столкновение с заведомо более слабыми в военном отношении судами;

— избегали столкновения с равным или более сильным противником.

В результате флот потерял стратегическую инициативу, теперь не французские адмиралы решали, где, каким образом и с какими силами напасть на врагов, а наоборот, противник чаще всего принуждал их к бою. И сражение уже приходилось принимать там, где враг их застал, и с теми силами, какие были под рукой. Это в конце концов просто сломало психологию победителей. Теперь французы становились вечно догоняющими.

Сама природа крейсерской войны — это борьба слабого против сильного. Каперы не смогли уничтожить морскую торговлю Англии и Голландии. Успехи первых лет не должны обманывать: да, пока союзники не навели порядка со своими торговыми караванами, пока английский флот большей частью сражался в Средиземном море, корсары добились значительных результатов. Но стоило англичанам и голландцам заняться серьезной борьбой с рейдерами, как сразу же потери в торговых судах значительно уменьшились, а потом и вовсе приблизились к нулю.

Не уничтожив торговли противника, корсары также не смогли защитить и свою: в ходе Войны за испанское наследство торговый оборот Франции с обеими Америками и Индией сократился в три раза, было уничтожено и захвачено более 2000 французских судов, крупные торговые порты (Шербур, Дюнкерк, Брест, Сен-Мало, Рошфор) были блокированы. После того как Ройал Неви сосредоточил основные силы в Канале и у побережья Франции, все корсарские набеги затихли сами собой. Вырвавшиеся из блокадных портов каперы безжалостно уничтожались,

все конвои имели сильный эскорт, были налажены взаимоотношения с купцами, появились опытные коммодоры конвоев, которые помогали военным довести караваны торговых судов до пункта назначения.

Почему же идея самостоятельной крейсерской войны не была похоронена? Действительно, весь ход истории показывает, что исключительно рейдерскими действиями войны не выигрываются. Даже корсарские набеги Дрейка или португальская война с мусульманской торговлей в водах Индийского океана закончились генеральными сражениями. В первом случае — это уничтожение Великой армады, во втором — баталии в Красном море в 1508—1509 годах. Наверное, уж очень привлекательной была идея разгрома больших сил малыми силами. Действительно, пусть там себе противник строит плавающих монстров, пусть балуется с дорогими игрушками, пусть тратит немыслимые деньги на поддержание регулярного флота — есть ведь нестандартный ход, который может сделать все его корабли бесполезными. При этом как-то забывалось, что именно наличие значительного числа кораблей, сопоставимого с противником, может связать этого противника по рукам и ногам, заставит большую часть эскадр переместить туда, откуда исходит наибольшая потенциальная угроза, и тем самым не позволит врагу правильно отреагировать на нарастание крейсерской войны.

2

Поворотным пунктом в войне на море, конечно же, стало сражение при Малаге. Французы имели реальный шанс разгромить англо-голландскую эскадру в водах Леванта, что позволило бы не только отбить Гибралтар, но и сильно ослабить Ройал Неви. В этом случае положение дел в Испании было бы куда как более благоприятным для сухопутной армии Филиппа V. Стоит понять, что союзнические силы на Пиренеях держались

только благодаря поставкам, которые обеспечивали англо-голландские эскадры, и в случае их ухода из Средиземного моря положение войск антифранцузской коалиции в Испании и Италии серьезно осложнилось бы. Таким образом, можно утверждать, что флот Леванта упустил реальный шанс изменить стратегическую ситуацию в этом регионе.

Кто же виноват в том, что французы упустили столь значимую для них победу? Мы уже описывали, какой бардак творился во французском военно-морском ведомстве. Жером Поншартрен, ведущий постоянные склоки с графом Тулузским, невежественный и недалекий граф д'О, Людовик XIV, который допустил подобное положение дел в одном из своих ведомств, — вот лишь немногие из тех людей. Но не будем уподобляться тем исследователям, которые говорят, что сражение при Малаге было проиграно французами. Это мнение справедливо лишь отчасти. Тактически флот Леванта выиграл, англичане ушли из Средиземного моря, но стратегически — проиграл, поскольку мог уничтожить крупные силы Ройал Неви, но не сделал этого.

Уже здесь мы видим, как изменилась психология французских адмиралов — даже заслуженные Кэтлогон и Виллетт были против продолжения сражения, а ведь это люди, участвовавшие и в битве при Бичи-Хэд, и при Барфлере, и при разгроме смирнского конвоя в 1693 году. Можно только предполагать, как завершилась бы Малага, командуй флотом Леванта покойный Турвилль, человек, понимавший всю суть войны на море, храбрый, опытный, умный. С годами ситуация в морском ведомстве Франции стала только хуже, терялось столь ценное качество, как «синдром победителей», которым в избытке обладали Турвилль, д'Эстрэ-отец и Дюкен. Иногда просто ужасаешься, читая отчеты французских историков о более поздних войнах: *«заслуга Сюффрена в том, что он всегда искал сражения с врагом»* (Гизо), или *«Латуш-Тревиль обладал очень важным качеством — он не боялся воевать на море»* (Лаперуз-Бонфис). Как же так вышло, что адмиралы, которых

не страшили никакие авторитеты, выродились в осторожных и боязливых людей? За это надо сказать спасибо Поншартренам — именно они смогли произвести столь ужасную метаморфозу. Временная мера, введенная из-за недостатка финансирования флота, привила адмиралам постоянные комплексы и страхи. Это не раз замечали генералы Франции (кстати сказать, напрочь лишённые подобного чувства), и они просто не доверяли флоту задач стратегического уровня, чаще всего используя эскадры в качестве перевозчика войск. Спираль начала раскручиваться по нисходящей — из-за слабости военного флота Франция не обрела и сильного торгового флота, к примеру, перед Семилетней войной товары из богатейших колоний в Вест-Индии и Америке в страну ввозили голландские купцы и охраняли голландские военные корабли.

3

В английском же флоте после неудач войны Аугсбургской лиги к управлению эскадрами пришли новые люди — Лик, Бинг, Норрис, Уитакер, Дилкс, — которые прошли суровую школу англо-французского противостояния на море и умели воевать. Ройал Неви под руководством этих адмиралов нашел противоядие против крейсерской войны, научился брать с моря морские крепости, громить регулярные силы противника. Особенно большой прогресс произошел в десантных операциях. Если Гибралтар, сильнейшую по всем меркам крепость, удалось захватить нахрапом, по чистой случайности, то у Барселоны и в Порт-Магоне флот сыграл ключевую роль. Бомбардирские суда начали комплектоваться мортирами с фугасными зарядами, резко возросли количество и качество морской пехоты, было налажено взаимодействие с сухопутными войсками. У флота появились первые стратегические базы в Средиземном море — Порт-Магон и Гибралтар, базируясь на которые, Ройал Неви отделял *«Францию от Франции, Испанию от Испании»*.

В Адмиралтействе после прихода туда принца Георга Датского и ухода лорда Портленда наконец-таки сумели навести порядок. С подачи супруга королевы Анны и Лика упорядочилось движение конвоев, блокады корсарских портов стали эффективными, целые соединения были выделены в качестве поисково-ударных групп против рейдеров. Это дало ошеломляющие результаты — каперы были просто выметены из вод Европы, крейсерская война была перенесена на периферию. После 1708 года потери союзников постоянно снижались, и к 1712 году приблизились к нулю.

Хотя за время «корсарских баталий» Войны за испанское наследство (1702—1712 гг.) Англия и Голландия потеряли более 6663 торговых судна и около 70 военных кораблей (не считая потерь в линейных сражениях), в то же время эскадры союзников уничтожили и захватили не менее 430 рейдеров, задействованных в каперских действиях.

Потери англичан и их союзников в торговом тоннаже по годам сведены в таблицу¹:

Год	Кол-во захваченных/потопленных судов
1702 (май—декабрь)	162
1703	454
1704	571
1705	587
1706	537
1707	738
1708	607
1709	755
1710	623
1711	831
1712	575
1713 (январь—апрель)	223
ИТОГО	6663

¹ Данные взяты из книги Bromley, J.S. «Corsairs and navies, 1660—1760», London, Hambledon Press, 1987.

Однако, несмотря на рост захватов после 1707 года, совокупный тоннаж призов постоянно уменьшался. Так, в 1704 году среднее захваченное судно имело тоннаж 370 тонн, а в 1711 году — 120 тонн. То есть большее количество захватов в последние годы крейсерской войны происходило за счет мелких судов либо за счет работы корсаров в районах, где конвойные системы не действовали. Также большую роль в провале рейдерств сыграли потери — большинство опытных капитанов к 1711 году были либо на том свете, либо в плену у англичан и голландцев. Заменить их было, по сути, нечем.

Действенным средством против приватиров оказалась ближняя блокада каперских портов. Сосредоточив в Канале большие силы, организовав поисково-ударные группы, англичане в конце концов практически полностью закрыли каперам выход в море. Те же, кто прорывался, иногда месяцами бороздили моря — с повсеместным введением конвоев найти одиночное торговое судно противника было очень нелегко, а все более-менее значимые конвои были прикрыты сильными эскортами из военных кораблей. Хотя некоторые корсары показали великолепные результаты, все это были частные успехи. Симптоматично, что после 1709 года множество французских коммерсантов выходят из каперских корпораций, то есть бизнес также признал поражение «морских волков».

В следующих войнах Франция несколько раз пыталась оспорить у Англии господство на море. Один раз (во время Войны за независимость в США) она была очень к этому близка, но Ройал Неви смог отбить все попытки оспорить его положение в океанах.

*Карл VI, император Священной Римской империи.
Художник И.Г. Ауэрбах*

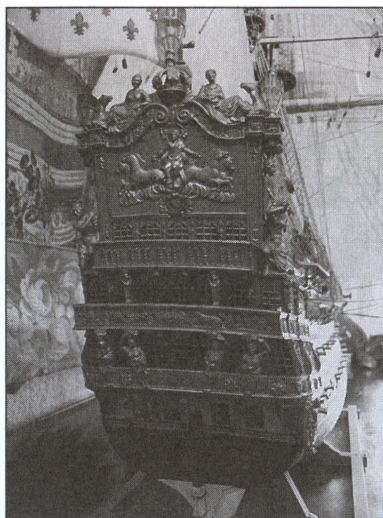
*Анна, королева Великобритании.
Художник Д. Клостерман*

Филипп V Испанский.
Художник Ж. Ранк

Принц Евгений Савойский,
выдающийся полководец Священной Римской империи.
Художник Я. ван Шуттен

*Корма флагмана Флота Леванта «Солейл Руаяль».
Фото модели, выставленной в Парижском музее*

*Пьер Ле Муан д'Ибервиль,
французский моряк, исследователь, «бич Гудзонова залива».
Портрет работы неизвестного художника*

Жак Кассар, известный французский корсар, оказал большие услуги французскому правительству в Войне за испанское наследство.

Гравюра из книги

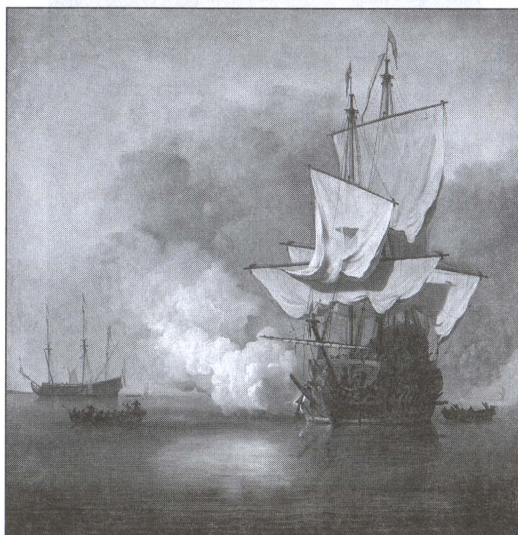

Жан Бар, французский военный моряк и капер, национальный герой Франции.

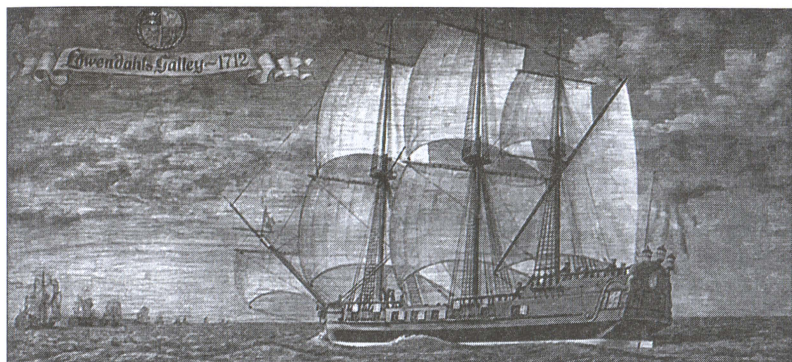
Художник М. Элиа

*Рене Дюгэ-Труэн, один из самых известных французских корсаров.
Картина неизвестного художника*

*Пушечный залп.
Художник В. ван де Вельде*

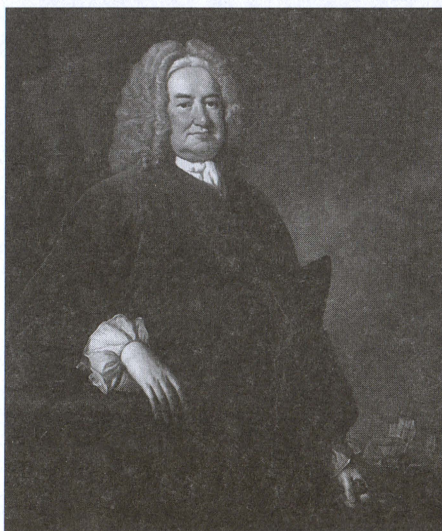
*«Левендалъс Галлей» — 20-пушечный фрегат
датского флотоводца, вице-адмирала Петера Тордениельда.
Книжная иллюстрация*

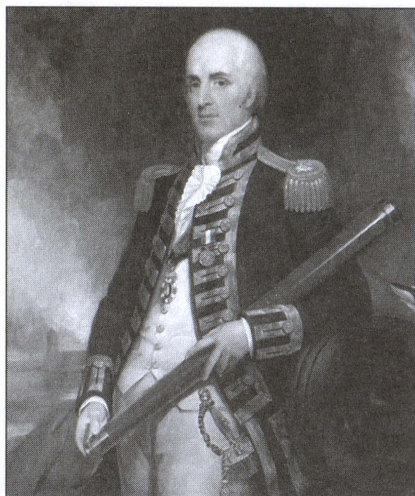
*Сэр Клаудисли Шовель, британский адмирал флота.
Художник М. Дейл*

*Сэр Джордж Рук, британский адмирал флота.
Художник М. Дейл*

*Сэр Джон Норрис, британский адмирал флота.
Художник Д. Нэптон*

*Сэр Александр Джон Болл, 1-й баронет, адмирал флота,
первый британский губернатор Мальты.
Художник Г.В. Пикерсгил*

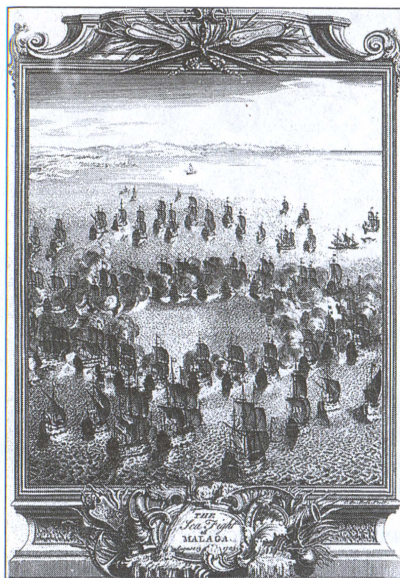
*Джордж Бинг, 1-й виконт Торрингтон,
британский адмирал и государственный деятель.
Художник Дж. Дэвисон*

*Сражение в бухте Виго 23 октября 1702 г.
Художник Л. Бакхёйзен*

*Сражение в бухте Виго.
Картина неизвестного нидерландского художника*

Сражение при Малаге.
Старинная гравюра

Сражение при Малаге 24 августа 1704 г.
Гравюра из старинной книги

Бой у мыса Лизард 21 октября 1707 г.
Художник Т. Гудин

Джеймс Стэнхоуп, 1-й граф Стэнхоуп.
Художник Г. Кнеллер

Подробная карта Испании и Португалии. XVIII в.

Карта Северной Америки и Вест-Индии. XVIII в.

*«Різолюшн» во время шторму.
Художник В. ван де Вельде*

*Высадка Наполеона на Мальте 9 июня 1798 г.
Гравюра из книги*

Мальта. Большая Гавань (Гранд Харбор)

*Абукирское сражение (битва у Нила),
состоявшееся 1—2 августа 1798 г.
Фрагмент картины художника Т. Луни*

Адмирал Ушаков.
Художник П. Бажанов

Захват французского линейного корабля «Гильом Телль».
Художник Р. Дод

Послесловие

Несмотря на поражение каперов Войне за испанское наследство, французское морское министерство думало, что только истощение государства помешало корсарам одержать победу над морской торговлей противника. В последующих столкновениях также был сделан упор на крейсерские действия отдельных приватиров. Цифры выглядели внушительно — в Войне за австрийское наследство корсары захватили и уничтожили около 3300 призов, во времена Французской революции и Империи — 11 000 судов противника. Англичане понесли значительные убытки, но их потери составили не более 2,5 % от общего количества судов торгового флота.

Корсарство сошло на нет после 1815 года. В конце концов в 1856 году на Парижском конгрессе было заключено официальное соглашение о запрете каперства. Эти кондиции подписали почти все страны, кроме Испании, Мексики и США.

Однако идея выиграть противостояние на море с помощью крейсерских операций не была похоронена — уже во время Гражданской войны в Америке конфедераты южных штатов выпустили в море корсаров с целью подорвать морскую торговлю северян. Успехи крейсера «Алабама» заставили некоторых военно-морских теоретиков забыть о том, чем кончаются все рейдерские войны без поддержки регулярного флота, и мысли Вобана образца

1705 года были подняты на щит сначала Российским императорским флотом, а потом и немецким Морским штабом. В Русско-японской войне 1904—1905 годов на коммуникациях Японии успешно действовал Владивостокский отряд крейсеров, а с началом Первой мировой началась беспрецедентная крейсерская война против английской торговли. Почти сразу же после начала военных действий произошло два знаковых события — 21 сентября 1914 года немецкий крейсер «Карлсруэ» захватил голландский пароход «Мария», шедший из Портленда (штат Орегон) в Дублин с грузом пшеницы. 20 октября подводная лодка U-17 под командованием Фельдkirхнера потопила пароход «Глитра» — в дело вступили новые корсары, корсары глубин. Но это совсем уже другая история. Отметим только, что и новая крейсерская война закончилась полным провалом. Существенную роль в этом сыграли конвои, а также блокады немецких портов, то есть способы, отработанные еще в XVII—XVIII веках против каперов короля Людовика.

После Войны за испанское наследство Ройал Неви постоянно громил эскадры французов в море, за исключением, может быть, только времен Войны за независимость в США. Именно тогда французский флот, объединившись с испанцами, несмотря на некоторые неудачи, смог выиграть войну в целом. Наконец во времена Революции Хоу в бою Славного Первого Июня и Нельсон при Абукире и Трафальгаре просто разгромили флот Леванта. Да, после Войны за испанское наследство были и Сюффрен, и Сюркуф, и де Грасс, и д'Эстэн, принешие славу французскому флоту, но любого из них невозможно сравнить с Турвиллем. Эти адмиралы не смогли воспитать такую плеяду талантливых флотоводцев, подобных ученикам победителя при Бичи-Хэд. Кэтлогон, Виллетт, дю Касс, Амфревилль, Ибервилль, Реллинг, Шато-Рено, Инфревилль,

Пуанты — все это соратники и последователи Турвилля. Надо отметить, что и сама система подбора кадров во французском флоте была очень глупой и неэффективной. Дворянский патент и близость к королю были важнейшим условием для продвижения по службе. Вот, к примеру, как получали звания во французском флоте времен Людовика XIV: в компанию 1689 года морской министр Сеньелэ несколько раз выходил в море вместе с прославленным адмиралом Турвиллем, человеком знающим, опытным, лучшим флотоводцем Франции того периода. Узнав о его неважном материальном положении, сын Кольбера сосватал ему свою родственницу, 29-летнюю вдову, очень богатую, знатную и красивую. Римский папа по просьбе короля Людовика прислал Турвиллю освобождение от обета безбрачия (мальтийского рыцаря), и вскоре король подписал брачный контракт. Энергичная маркиза надела на Сеньелэ, а через него — и на короля и добилась того, что в ноябре Турвилль получил чин вице-адмирала Леванта (который долго берегли для Дюкена на случай его перехода в католичество). Тут появился Жан д'Эстрэ, который, кого надо, подмазал, и король сделал его сына Виктора д'Эстрэ вице-адмиралом Океана, к неопишуемой ярости других обойденных моряков. То есть, как мы видим, получали звания и чины не за реальные заслуги, а за близость к трону. Система абсолютно неэффективная, если вспомнить, выходцами из какого сословия были Нельсон, Ушаков, Блэйк, Рюйтер и большинство других прославленных адмиралов. Таким «парням от сохи», как английские «морские генералы» Монк или Монтегью, во Франции ничего не светило, там флот возглавляли исключительно вельможи и многие назначения делались лично морским министром.

Если Турвиллю — этому великому французскому адмиралу — повезло, и он оказался на своем месте, то многие способные моряки, лишенные связей при дворе, всю жизнь

служили в лейтенантском чине. Таким образом, можно сказать, что победа Англии на морях была предрешена не только правильной стратегией, но и правильным подбором кадров. Сила оказалась за более совершенной системой.

Французы же раз за разом пытались оспорить английское господство на море. Часто они терпели поражения, иногда побеждали, однако окончательно все стало ясно только в 1815 году, когда начался золотой век британского флота.

Окончание, которое могло бы стать новым предисловием

1

После Войны за испанское наследство эскадры Людовика XIV представляли грустное зрелище. Во время инспекции Тулона, проведенной 11 марта 1713 года, из состава флота были исключены следующие корабли: 104-пушечный «Фудроян» 1693 года постройки, прославленный 102-пушечный «Солейл Руаяль» (любимый корабль Людовика XIV), 100-пушечный «Террибль», 92-пушечные «Адмирабль» и «Сент-Филипп», 88-пушечный «Фье», 86-пушечные «Манифик» и «Оргилье», а также 74-пушечный «Сент-Эсприт» — то есть 9 кораблей I ранга флота Леванта. С учетом 8 списанных сразу же после осады линкоров французский флот потерял 17 линейных кораблей — больше, чем в любом морском сражении! Согласно спискам от 11 марта 1713 года, на тот момент боеготовыми числились 2 линкора II ранга, 5 линкоров III ранга, один 40-пушечный фрегат, один кайк и два барка. В Бресте ситуация была не лучше — 17 кораблей и фрегатов. Это все, что осталось от некогда великого флота.

Флотское начальство попыталось принять ряд неотложных мер — к тимберовке приготовили 5 кораблей I ранга, 4 корабля II ранга, 5 кораблей III ранга, а также несколько бомбардирских судов, пару галиотов и брандер, однако финансовый кризис не дал в полном объеме выполнить эти работы.

В Бресте ситуация была не лучше — 17 кораблей и фрегатов. В 1714 году на осаду Барселоны (сохранившей верность эрцгерцогу Карлу) были высланы 60-пушечные «Энтрепренан» и «Фурье» под командованием дю Касса, причем вооружены они были на испанские деньги, поскольку французская казна была пуста.

1 сентября 1715 года умер и сам Людовик XIV. Перед смертью «король-солнце» потерял сначала своего сына, Великого дофина, умершего в 1711 году от оспы, потом по той же причине — своего внука, Младшего дофина, а потом и своего правнука — герцога Бретонского, назначенного после смерти внука дофином. Эти несчастья подкосили Людовика. Чтобы в этой ситуации надолго сохранить для династии, находившейся под угрозой, наследование трона, король решился на меру, которая являлась нарушением регулирующего престолонаследие «Основного закона» монархии, так называемого Салического закона. В июле 1714 года он издал распоряжение, что родившиеся от связи с маркизой де Монтеспан, т.е. незаконнорожденные сыновья, герцог Мень и граф Тулузский допускаются к наследованию трона в случае, если больше не останется принцев королевской крови. И хотя этот эдикт, в появлении которого участвовала и мадам де Ментенон, явно нарушал «Основной закон» королевства, парижский парламент зарегистрировал его 2 августа 1714 года.

Завещание, предоставленное в августе 1714 года парижскому парламенту, также мало соответствовало «Основному закону». Этим завещанием король хотел урегулировать будущее регентство для своего правнука, дофина, предусмотрев учреждение регентского совета (в который вошли племянник короля герцог Филипп Орлеанский, а также герцог де Бурбон, герцог дю Мэн, граф Тулузский, канцлер, глава Финансового совета, маршалы Вильруа, Виллар, д'Юкселье, Таллар и д'Аркур, четыре государственных секретаря и,

наконец генеральный контролер финансов), зафиксировав его персональный состав и установив, что решения в этом совете будут приниматься большинством голосов. «На другой день после смерти короля Людовика XIV члены парламента под председательством Жака Антония де Месма собрались в восемь часов утра на заседание. В этом заседании было официальным образом объявлено о кончине Людовика XIV. Королевская власть за малолетством Людовика XV перешла к герцогу Орлеанскому, который с этого времени принял титул регента Франции. Кроме официального объявления о смерти короля, в заседании парламента было в этот день прочитано и обсуждено духовное завещание Людовика XIV; из всех статей этого завещания две только остались ненарушимыми, а именно — что герцогиня Вантадур примет титул наставницы юного короля Людовика XV, а маршал Вильруа — его наставника.

12-го числа парламент собрался вторично на заседание и издал указ, которым подтверждался первый. В этом втором заседании присутствовал король, на руках своей воспитательницы, и произнес своим тоненьким и писклявым голосом речь, не более как в три строчки, заключающуюся в следующих словах: «Господа! Я пришел сюда для того, чтобы доказать вам мое благорасположение. Канцлер мой объявит вам мою волю»¹.

В результате после смерти «короля-солнца» на трон взошел Людовик Анжуйский — сын Младшего дофина и Марии Аделаиды Савойской. Поскольку в год смерти Людовика XIV новому монарху было всего лишь 5 лет, регентом парижский парламент назначил его двоюродного деда Филиппа Орлеанского (сына младшего брата Людовика XIV — тоже Филиппа), человека развратного,

¹ *Дюма Александр.* Людовик XV и его эпоха.

властолюбивого, злопамятного и мелочного. Регент получил в правление Францию полностью разоренной. Нищета во Франции была почти всеобщей: звонкая монета исчезла из обращения и стала редкостью, ее заменили государственные векселя, выпущенные общей стоимостью на 600 миллионов ливров, однако они котиrowались лишь за четверть стоимости. Герцог Орлеанский, понимая озлобление народа, пытался обуздать произвол откупщиков, часть из них выставили к позорному столбу с табличкой «грабитель народа». Кроме того, учредили комиссию под председательством братьев Пари для проверки долговых государственных обязательств. Комиссия эта превратила заемные обязательства в 600 миллионов франков в 4-процентные государственные бумаги на 190 миллионов ливров. Банкротство было отсрочено еще и тем, что уменьшены были проценты с государственных процентных бумаг, понижен размер жалованья и сокращены некоторые должности. Было сделано распоряжение о чеканке новой монеты более низкого внутреннего достоинства. Однако меры эти не дали никакого действия, поскольку окружение регента (также, как и сам Орлеанский) швырялось деньгами без меры. Распутство и мошенничество, бесстыдное торгашество и полнейшая внутренняя пустота — поведение версальского двора лишь еще больше оттеняло нищету Франции.

2

Британия, бюджет которой в то время составлял 4 миллиона фунтов стерлингов, имела внешний долг в 50 миллионов фунтов, то есть проела свой бюджет на 12 лет вперед. К 1710 году истощение от войны достигло предела, в результате цепи политических интриг партия тори во главе с лордом Генри Сент-Джоном виконтом Болингброком и герцогом Робертом Харли сумела отстранить от власти пар-

тию вигов, лидерами которой была чета герцогов Мальборо. После смены правительства Англия предложила Франции подписать мир.

Сразу же после прихода к власти тори выдвинули проект погашения государственного долга страны. Суть состояла в следующем — Харли предлагал включить в мирный договор пункт об асьенто (ввозе чернокожих рабов на территорию испанской Америки) для Англии и о праве на торговлю с испанскими колониями. Эту привилегию должна была получить вновь учреждаемая акционерная компания, которая взамен возьмет на себя ответственность по срочным или уже просроченным долгам правительства на сумму 10 миллионов фунтов стерлингов. Правительство, в свою очередь, должно согласиться выплачивать компании шесть процентов годовых — итого 600 тысяч фунтов в год (точная цифра — 576534 фунта).

В апреле 1713 года в Утрехте был подписан мирный договор. Англия получила асьенто на 30 лет и право на заход — *pavio de permiso* — одного торгового судна в год на ярмарку в Порто-Белло на тихоокеанском побережье Панамы. Ежегодная квота на ввоз рабов составляла 4800 мужчин (единицей исчисления был *pieza de India* — раб-мужчина без физических дефектов, ростом не менее 58 дюймов. Женщина обычно засчитывалась как 0,8 *pieza*). Это было далеко от тех радужных перспектив, какие воображались Роберту Харли. Ему к тому же не удалось учредить банк для обслуживания реструктурированного долга — по уставу Банка Англии он единственный пользовался правом эмиссии. Тем не менее сделка казалась взаимовыгодной. «Компания Южных морей» (так называли новую компанию) выпустила акции, обеспеченные ее соглашением с правительством. К тому же никто не сомневался, что компании удастся наладить

контрабандную торговлю: испанская промышленность, особенно в условиях войны, просто не справлялась со снабжением колоний.

Почти сразу же после основания компании, 27 июня 1714 года герцог Харли был вынужден уйти в отставку. 1 августа скончалась королева Анна, трон Англии перешел к ганноверскому курфюрсту Георгу (об этом мы расскажем чуть позже). К власти опять пришли виги, лордом-казначеем страны стал Роберт Уоллпол. Болингброк и Харли были объявлены государственными изменниками — их подозревали в сепаратном заключении Утрехтского мира в пользу Франции, а также в тайных сношениях с сыном Якова II — Джеймсом Стюартом, или Старшим претендентом¹.

Однако детище тори — «Компания Южных морей» — никуда не исчезло. Первое судно с «живым товаром» отправилось в Порто-Белло лишь в 1717 году. Годом позже англо-испанские отношения испортились, но работоторговля шла весьма успешно. Компания полностью выбирала свою квоту (до этого чаще всего обладатель асьенто не справлялся с подобной задачей из-за высокой смертности «живого товара»). Как свидетельствуют документы, за 25 лет невольничьи корабли компании совершили 96 плаваний через Атлантику и доставили в Новый Свет около 30 тысяч рабов. Смертность в пути была по тогдашним меркам низкой — 11 процентов. Четверть доходов от работоторговли поступала на цивильный лист королевы — эти средства шли на содержание двора. И все же главным бизнесом компании были не реальные торговые операции, а биржевая игра. Как чисто финансовая корпорация,

¹ Болингброк бежал во Францию, а Харли был арестован и препровожден в Тауэр, где и отсидел два года. Позже мы еще остановимся на этом. См. главу «Георг I и якобиты».

компания процветала. Ее бумаги пользовались спросом. Директора искали способ расширить сферу деятельности. В 1719 году компания предложила правительству взять на себя более половины национального долга Британии (30 981 712 фунтов стерлингов) под 5 процентов годовых до 1727 года и 4 процента в последующие годы.

К этому времени «Компания Южных морей» уже была крупнейшим кредитором правительства: из общей суммы долга в 50 миллионов фунтов на ее долю приходилось 11,7 миллиона, 3,4 — на долю Банка Англии и 3,2 — на долю Британской Ост-Индской компании.

Банк Англии вступил в конкуренцию и внес в парламент равноценный проект. Тогда компания повысила свое предложение на 7,5 миллиона фунтов. Еще миллион и 300 тысяч, как утверждалось, пошли на взятки высоким должностным лицам. Энтузиастом предложения компании был, в частности, канцлер Казначейства Джон Айлэби. Но решающую роль сыграло намерение компании обменять срочные и бессрочные долговые обязательства правительства на свои акции. Компания взяла на себя платежи по 85 процентам срочных и 80 бессрочных рент-аннуитетов. Это было расценено как манна небесная, ведь стоимость просроченных бумаг была практически нулевой!

Дебаты в парламенте в феврале 1720 года окончились словесной дуэлью между Джоном Айлэби и Робертом Уоллопом, который поддерживал предложение Английского банка. Чарлз Маккей в своей книге «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» излагает речь Уоллопа так: «Господин Уоллоп сказал, что этот план поощряет “опасную практику биржевых спекуляций и отвлечет нацию от торговли и промышленности. Он вызовет опасный соблазн завлечь и разорить легковверных, принеся их сбережения в жертву перспективе иллюзорного богатства. Основной принцип этого проекта — первостатейное зло; он призван

искусственно повысить цену акций за счет возбуждения и поддержания массового слепого ажиотажа, а также за счет обещаний выплат дивидендов от фондов, недостаточных для этого в принципе". С воодушевлением пророка он добавил, что, если этот план удастся реализовать, директора компании станут в правительстве хозяевами, сформируют в королевстве новую и самовластную аристократию и возьмут под свой контроль решения законодательной власти. Если же он потерпит фиаско, в чем Уоллпол был убежден, страну ожидают массовые беспорядки и разорение».

Как показало время, Уоллпол был полностью прав. Но его трезвый голос потонул в волне эйфории, накрывшей Британские острова. Пока обсуждался закон, председатель правления сэр Джон Блант развернул мощную рекламную компанию. Лондон наполнился самыми фантастическими слухами о грядущем процветании компании. Говорили о готовящемся соглашении о свободной торговле с испанскими колониями, о том, что компания получает концессию на разработку серебряных копий Потоси в Боливии — самого богатого месторождения мира, о привилегии на торговлю кошенилью, даже — о собственной чеканке денег в испанской Америке!

В результате предложение компании было принято, пробила ее звездный час. Акции нового транша стали предметом ажиотажного спроса. 100-фунтовая акция, стоившая в январе 128 фунтов, в феврале продавалась за 175, в марте — за 330, в конце мая — за 550. Рост котировок обеспечивался притоком все новых средств. Это была классическая пирамида.

Но, как и у любой пирамиды, за резким взлетом последовал не менее резкий спад. Все началась с принятия Акта о Королевской бирже, который преследовал цель избавиться от фирм-однодневок путем введения процедуры получения королевского разрешения (хартии) на ведение

бизнеса. У «Компании Южных морей» никаких проблем с получением хартии вроде бы не предвиделось — кто же посмеет сомневаться в ликвидности такого столпа фондового рынка? Однако сомневающиеся нашлись. Некоторые парламентарии стали задавать неудобные вопросы: а как-во, собственно говоря, обеспечение акций компании, если асьенто предусматривает лишь один заход в испанские колонии английского судна водоизмещением не более 500 тонн? Работоторговля? Но ведь ввоз в Америку ограничен 4800 чернокожими в год. Когда стали понемногу разбираться, вышло, что доставка рабов отнюдь не так выгодна, как полагала публика, и даже убыточна. Это был первый звонок акционерам, «Компании Южных морей». Оказывается, ее активы были эфемерны и больше строились на слухах. Директора компании взвинтили цены, однако в сентябре 1720 года цена акций упала до 150 фунтов за штуку (хотя еще в августе колебалась между 750 и 1000 фунтов), после чего толпы народа кинулись к отделениям компании обменивать свои акции на деньги. К октябрю наступил крах.

В декабре, собравшись на очередную сессию, парламент начал расследование. Первым делом был принят закон об аресте имущества директоров компании и запрете им покидать пределы королевства в течение года. Однако казначей компании Найт бежал во Францию вместе с бухгалтерскими книгами. Заседания были бурными. Учитывая негодование публики, нетрудно предположить обвинительный уклон. Секретарь Крэгг, возмущенный обвинениями, заявил, что, если инсинуации не прекратятся, он «готов принять вызов любого или в стенах палаты или за ее пределами». Члены палаты дружно возмутились, и Крэггу пришлось дать задний ход — он объяснил, что не имел в виду дуэль. Драматический характер носил допрос Джона Бланта, который вместе с некоторыми другими директорами и клерками компании был заключен под стражу. В Палату лордов его доставили

под конвоем. Он отказался свидетельствовать против самого себя и членов кабинета. В конце концов Следственный комитет обнаружил в документах компании различные подделки и подчистки, и на этом основании парламент признал руководителей компании виновными в мошенничестве. Уголовному наказанию подвергся лишь канцлер Казначейства Джон Айлэби. Он был признан виновным в коррупции и заточен в Тауэр. Трое директоров, включая Крэгтза, умерли, не дождавшись вердикта. Остальные не совершили по тогдашним законам никакого уголовного преступления. Однако их имущество было почти полностью конфисковано. Один из членов Палаты лордов внес проект резолюции, в которой предлагал поступить с виновными по-древнеримски: зашить их живьем в мешок со змеями и бросить в Темзу.

Однако нет худа без добра — благодаря «Компании Южных морей» правительство сумело обменять большую часть своих долговых обязательств на обесценившиеся бумажки. К 1721 году долг Англии не превышал полумиллиона фунтов. А поскольку Британия была исправным плательщиком, банкирские дома Европы опять открыли ей неограниченный кредит.

3

Внешний долг Франции после Войны за испанское наследство достигал астрономической цифры в 1,8 миллиарда ливров. Из этих денег 1,2 миллиарда (чистый доход за 16 лет) должны были быть выплачены в течение 3 лет. К тому же, поскольку Франция считалась у банков Европы ненадежным партнером, ей давали займы под большие проценты и на небольшие сроки.

Доходы за 1715—1718 годы были израсходованы «на корню» уже в 1713-м, а за 1719—1722 годы — частично израсходованы в 1715-м. Расходы выросли до 146 миллионов ливров, а доходы уменьшились до 69 миллионов ливров.

Между тем начинавшаяся война с Испанией требовала 8 миллионов ливров только на армию. Правительство уже не могло найти кредиторов. Банки повсеместно отказывали Франции в займах. Попытки главы Комитета финансов маршала Ноаля силой вырвать деньги у откупщиков не принесли ощутимых результатов. Откупщики — в большинстве своем евреи — обвинялись в иудаизме и связях с дьяволом, однако умирали во время пыток в страшных мучениях, но не давали денег. Обширному сокращению подверглась даже армия — ее численность снизилась с 400 тысяч пехотинцев до 140 тысяч, что позволило сократить расходы более чем в два раза (с 86 до 36 миллионов ливров). Это было государственное банкротство.

Как и в случае с Англией, во Франции нашелся способ расплатиться с долгами, причем схема оказалась очень похожей. В 1716 году Филипп Орлеанский разрешил шотландскому финансовому авантюристу Джону Лоу (приехавшему в Париж со своей любовницей Кэтрин Сеньер) постепенно вывести из обращения золотые деньги, заменив их государственными казначейскими билетами. Лоу создал Всеобщий банк, который начал выпускать банкноты, по сути, представляющие бессрочные долговые обязательства. Они очень быстро приобрели такую популярность, что вопреки всякой галльской логике показались скуповатым французам предпочтительнее серебряных и золотых монет. Лоу удалось выкупить чудовищные королевские долги Франции. Секрет билетов Всеобщего банка был прост — поначалу его ценные бумаги обеспечивались золотом и серебром. Если клиенту вдруг хотелось обменять бумаги банка на золотые или серебряные деньги, он мог сделать это в любом отделении Банка безо всяких проволочек. Лоу привязал бумажные деньги к золотому стандарту, а обменное на ценные бумаги золото быстро помогло Франции расплатиться с неотложными кредитными обязательствами. Однако вскоре этот принцип

был нарушен, деньги начали печатать без обеспечения золотом и серебром, что сделало всю экономическую реформу Лоу авантюрой.

В августе 1717 г. во Франции была учреждена Миссисипская компания. Ее главой также был Джон Лоу, а обеспечителем — Всеобщий банк. Компания выпустила 200 тысяч акций, по 500 ливров каждая. При этом покупатели могли оплачивать акции, не только монетой и банкнотами, но и государственными обязательствами, которые на рынке котировались ниже номинала. Таким образом, компания становилась кредитором государства. Почти сразу возник лихорадочный спрос на акции Миссисипской компании. На следующий год Лоу от имени руководства компании обещал очень большие дивиденды. Это заявление спровоцировало рост спроса на акции. Компания объявила подписку на дополнительные 50 тысяч акций, на которые в короткое время было подано 300 тысяч заявок. Курс уже выпущенных акций тем временем неуклонно повышался, и компания решила выпустить еще 300 тысяч акций вместо ранее планировавшихся 50 тысяч и продавать их по рыночному курсу. Курс 500-ливровой акции поднялся до 10—15 тысяч ливров, причем его колебания от одного дня к другому были довольно высоки. При этом деньги, которые собирала компания путем эмиссии ценных бумаг, вкладывались в подавляющей части в облигации государственного долга. Эмиссия ценных бумаг во многом поддерживалась эмиссией банкнот Королевского банка. В первой половине 1720 г. вкладчики из числа королевской семьи постепенно начали изымать из банка его ограниченный запас драгоценных металлов. Другие акционеры, глядя на придворных, подумали, что тем известно что-то такое, о чем не известно рядовым акционерам, и также обратились в филиалы компании за золотыми и серебряными деньгами. В феврале 1720 г. был издан указ, запрещавший владение монетами на сумму сверх 500 ливров.

Это стало началом конца. Жителям сегодняшней России, знакомым с аферами «МММ» и «Хопер-Инвеста», не надо рассказывать, что сразу же после введения ограничения на получение наличных отделения компании начали осаждать толпы акционеров. Люди разорялись тысячами, часть обманутых вкладчиков начали охоту на Лоу с целью убийства. У Лувра и на Королевской площади проходили постоянные митинги как в поддержку шотландца, так и против него. Те, кто призывал не трогать Лоу, верили в его финансовый гений и считали, что он выплатит обещанные проценты. К тому же люди не верили, что после конфискации имущества Лоу им что-нибудь перепадет с этого.

Парламент потребовал вздернуть финансиста на виселице или заточить в Бастилию. Однако это никак не устраивало регента. А потому разжалованному финансисту позволили покинуть Францию (только с сыном, но без жены, дочери и брата); его имущество конфисковали. Естественно, деньги Лоу осели в королевской семье. Никто с обманутыми вкладчиками делиться не собирался.

Вместе со Всеобщим банком и Миссисипской компанией ушел в никуда и весь внешний долг Франции. После разорения этих структур держатели внешнего долга королевства имели претензии к компаниям и ее директорам, а не к правительству Франции, что вполне устраивало и герцога Орлеанского, и Людовика XV.

4

При регенте, пользуясь послаблением в налогах и общей слабостью государства, французские коммерсанты развернулись в полную силу. Само собой произошло разделение сфер влияния между крупными торговыми портами Франции, чему немало способствовал утвержденный список королевских портов, откуда «производить дозволено торговлю с французскими американскими островами». Сен-Мало

имел большие позиции в Вест-Индии, согласно отчету контролера финансов, «из 133 французских судов, посетивших Вест-Индию с 1698-го по 1724 год 86 были снаряжены в Сен-Мало»; Марсель полностью узурпировал торговые связи с Турцией и Испанией; Ла-Рошель традиционно специализировалась на коммерции с Канадой и высылке рыбаков к Ньюфаундленду; Бордо, посылавший корабли к Мартинике, еще в 1700 году насчитывал всего 40 тысяч жителей, а уже к 1747 году — 60 тысяч. Правительство по мере сил поощряло развитие торговли, и это принесло свои плоды. — к 1730 году торговый флот Франции составлял 5364 судна и 41 906 моряков. К середине царствования Людовика XV колонисты Вест-Индских островов (Сент-Кристофер, Антигуа, Монсеррат, Доминика, Сент-Винсент, Барбуда, Тобаго, Гренада, Гренадины, Мартиника, Сан-Доминго) сумели совершить экономическое чудо — две трети доходов королевства обеспечивалось именно их товаром. Мартиника и Сан-Доминго стали крупнейшими торговыми площадками в Вест-Индии — иногда в портах разгружалось до 80 кораблей одновременно, а сам товарооборот обеспечивался более чем 1200 судами! Однако большая часть этих кораблей не была французскими — чаще всего арматоры фрахтовали голландские торговые суда. Дело в том, что налоги и таможенные сборы в Голландии были гораздо меньше французских да и сами корабли стоили дешевле. Таким образом, французские купцы финансировали строительство голландского коммерческого флота и в то же время отнимали деньги у своих верфей. В результате возникла беспрецедентная ситуация — выросшая на пустом месте огромная морская торговля обеспечивалась, по сути, кораблями, экипажами и деньгами другого государства и не стимулировала собственной кораблестроительной промышленности! Соответственно, Франция и ее торговля (а равным образом и ее доходы) попадали в зависимость от

Голландии, что заставляло правительство Людовика всегда учитывать этот фактор.

Поскольку размеры собственно французского торгового флота, несмотря на громадное увеличение морской торговли, остались практически неизменными, трудно было убедить общество в строительстве крупного военного флота. Поэтому раз за разом правительство Франции при реализации кораблестроительных программ натывалось на стену непонимания и откровенной вражды крупных промышленников и предпринимателей, которые совершенно не понимали, зачем нужны эти траты.

В политике герцог Орлеанский придерживался осторожности. 15 сентября 1715 года Орлеанский подписал указ, согласно которому, взамен министерств было учреждено шесть советов: военный (президент — маршал де Виллар), морской (президенты — граф Тулузский и вице-адмирал д'Эстрэ), финансовый (президенты — Виллеруа и Ноаль), торговый, иностранных (Гюксель) и внутренних (д'Антен) дел. Кроме президентов, в состав входили несколько секретарей и советников (например, в Военном совете — Сен-Контест и Ле Блан, в Финансовом — Фулье дю Кудрэ и д'Ормессон). Важнейшие вопросы королевства решал Совет регента. Туда входили, кроме принцев крови, президенты советов, а также переменный состав советников, согласно затронутой теме. Однако просуществовали советы недолго — уже 24 сентября 1718 года они были отменены, а первым министром был назначен воспитатель маленького короля — аббат Гийом Дюбуа, верный сторонник регента. Дабы заручиться поддержкой протестантов, новый министр приостановил преследование ясенигов, декларация от 5 июня 1719 года запретила богословам обсуждение буллы Климента XI «Unigenitus», и обратился в Рим с просьбой разъяснить некоторые положения буллы. Папа Климент подтвердил основные тезисы буллы, однако препирательства по этому поводу продолжались аж до 1725 года.

4 января 1717 года Франция подписала с Голландией и Англией договоры о дружбе и взаимопомощи. Регент отказался от поддержки Старшего претендента на трон Великобритании, сына Якова II — Джеймса Стюарта. Правительства Франции и Англии выработали систему сдержек и противовесов, вполне успешно выступая в европейских делах единым фронтом. Такая политика вызывала недовольство в народе, поскольку Англия считалась истинным врагом, постоянно вставляющим палки в колеса. В 1718 году был раскрыт заговор, целью которого была передача власти испанскому королю Филиппу V Бурбону — внуку Людовика XIV. Вообще отношения с Испанией были крайне сложными — брак дочери Филиппа V и Людовика XV распался из-за несовпадения по вопросу буллы Климента XI, и в результате Франция и Испания — две нации под управлением потомков Людовика XIV — оказались по разные стороны баррикад¹. Испания начала искать союза с Австрией (злейшей противницей Франции), а Франция, в свою очередь, — с Англией и Пруссией.

Но, как показало время, дело шло всего лишь к новой войне между Великобританией и Францией. Поднявшаяся с колен морская торговля французов расценивалась как смертельная опасность для интересов Англии.

2008 г.

¹ Филипп V претендовал на опекунство над малолетним Людовиком XV вместо герцога Орлеанского.

Словарь морских терминов и выражений¹

Тактика

Во времена парусного флота возникла линейная тактика ведения боя. Поскольку артиллерийской единицей был корабль, у которого наибольшее количество пушек могло быть размещено вдоль бортов, все флоты в бою старались выстроиться в единую линию с малыми промежутками между кораблями (или с наименьшей дистанцией между мателотами; мателот — это первый корабль за своим передовым в кильватере). Эта линия называлась кильватерной колонной или линией баталии, поэтому корабли, которые могли вести бой в таком построении, называли линейными.

Любой флот, выстроившийся в кильватерную колонну, делился на авангард, центр и арьергард. В разных странах эскадры авангарда, центра или арьергарда несли разные флаги, и чаще всего их стали называть по цвету флага.

В английском флоте авангард нес белый флаг и назывался Белой Эскадрой. Ею командовал вице-адмирал белого флага. Центр называли Красной Эскадрой, ею командовал адмирал красного флага. Арьергард нес синий флаг и назывался Синей Эскадрой. Обычно он находился под командованием контр-адмирала синего флага. Во французском флоте аван-

¹ Словарь намеренно составлен не в алфавитном, а в тематическом порядке, с некоторыми предваряющими и сопутствующими разъяснениями.

гард был под синим флагом, центр — под белым, а арьергард — под бело-синим. Соответственно цветам назывались и эскадры и командиры подразделений.

Корабли открытого моря

Линейный корабль — это трехмачтовое военное судно с прямым парусным вооружением, несущее не менее 40—50 орудий. Обычно его орудия располагались на двух или трех деках (палубах), расположенных друг над другом. На нижнем деке размещали самые тяжелые, крупнокалиберные орудия, на верхнем — легкие пушки.

Фрегат — трехмачтовое военное судно с прямым парусным вооружением, с одной батареей на палубой.

Обычно фрегат — это корабль, предназначенный для дальней разведки или крейсерских действий, вооруженный довольно большим количеством мелких пушек (иногда до 48), с экипажем не менее 200 человек

Шлюп — в британском Королевском флоте XVIII — середины XIX в. корабль, не имеющий ранга, с рейтингом «24-пушечный» или ниже и потому не требующий командира в звании «кэптен». Предназначался для разведывательной, дозорной и посыльной службы.

Британские шлюпы эпохи паруса отличались друг от друга размерами, числом мачт, парусным вооружением, артиллерией и численностью команд. Соответственно, в ходу был ряд уточняющих терминов, из которых ни один не был вполне строгим: корабль-шлюп, бриг-шлюп, вооруженный бриг и т.д. Среди шлюпов в британской службе попадались шнявы, бретонские люгтеры, средиземноморские шебеки и даже арабские доу. Большинство же составляли гладкопалубные шлюпы с батареей на верхней палубе, вооруженные трехмачтовым кораблем или бригом.

Аналоги трехмачтовых шлюпов с корабельным вооружением на верхней палубе во французском флоте назывались корветами. Подобные корабли, захваченные британцами

в ходе англо-французских войн, именовались в английском флоте также, как и во французском, — корветами.

Флейт — трехмачтовое транспортное судно XVI—XVIII вв., имевшее небольшую осадку. Отличительной особенностью флейта были круглая корма и сильно заваленные внутрь борта, делавшие палубу довольно узкой. До начала XVIII в. несли на фок- и грот-мачте прямые, а на бизань-мачте — только косые паруса. Вооружались 4—6 мелкими пушками и могли использоваться в военном флоте в качестве транспортов.

Пинас — небольшое транспортное судно типа несколько уменьшенного флейта, распространенное в странах Северной Европы в XVI—XVII вв. Как и флейт, имело небольшую осадку, но отличалось от него плоской кормой. Несло 2—3 мачты. Пинас мог оснащаться веслами, необходимыми в безветренную погоду при каботажных плаваниях. В военных флотах использовался для разведывательных и транспортных целей.

Тендер — небольшой палубный военный корабль, предназначенный для разведывательной, дозорной и посыльной службы. Оснащался одной мачтой и длинным, горизонтально выступающим бушпритом, который при необходимости можно было втянуть на палубу. Парусное вооружение обычно состояло из косого грота, стакселя и 1—2 кливеров, однако некоторые тендеры несли дополнительно от одного до трех прямых парусов.

Бриг — двухмачтовый парусный корабль с прямым вооружением, имеющий грот-мачту несколько выше фок-мачты. В военном флоте вооружались 10—24 небольшими пушками и использовались для крейсерской, разведочной и посыльной службы.

Шхуна — парусное судно с 2 и более мачтами, вооруженное, в основном, косыми парусами. В военных флотах XVIII—XIX вв. использовались, в основном, как посыльные суда. В Королевском флоте относились к рангу шлюпов.

Англичане относили шхуны, корветы и бриги к классу шлюпов.

Яхта — тип судна, возникший для удовлетворения потребностей в хороших прогулочных и представительских судах. Яхты для перевозки важных персон различались на ранги. К 1-му рангу относились яхты с полным вооружением, которые могли принадлежать только суверену. Двухмачтовые яхты с такелажем кеча использовались для принцев, послов и других высокопоставленных лиц. Прочим же официальным и богатым частным лицам разрешалось иметь только одномачтовые яхты. Предназначенные первоначально только для развлечений и поездок, эти суда вскоре появились и в военных флотах — имея вооружение до 12 мелких пушек, они использовались для разведки и посыльной службы.

Тендер — это малое одномачтовое судно, оснащенное одним прямым (не всегда) и одним косым парусом, а также стакселями. Его отличительной особенностью было наличие всего одного косого паруса перед мачтой (либо стакселя, либо кливера).

Кеч — небольшое двухмачтовое парусное судно. Внешне напоминает трехмачтовое судно, с которого убрали фок-мачту и заменили ее длинным бушпритом с двумя большими косыми парусами. На установленной почти по центру корабля грот-мачте и заметно меньшей по размеру бизань-мачте стояли и прямые, и косые паруса. В военных флотах существовало два вида судов с вооружением кеча: бомбардирские кечи и яхты с такелажем кеча.

Тартана — небольшое одномачтовое судно западного Средиземноморья с одной мачтой и коротким бушпритом. Тартана несла очень большой латинский парус и небольшой кливер. При попутных ветрах вместо латинского паруса могли поднимать прямой на рее. Использовались для рыболовства и торговли, однако морские силы Неаполя имели несколько канонерских лодок с парусным вооружением тартаны.

Хоу (хой) — небольшой парусно-гребной бот, применявшийся преимущественно в Голландии для перевозки пас-

сажиров и грузов с берега на большие суда, а также для каботажного плавания.

Кроме деления по типам, малые корабли могли делиться и по назначению. Например, любая шхуна, пинас, бриг и т.д. могли быть переклассифицированы в такие виды кораблей, как:

Брандер — малое одно- или двухмачтовое каботажное судно с небольшим количеством легких пушек. Часто использовалось в качестве самоходного движущегося взрывного устройства, а также для разведывательной и вспомогательной службы. Нередко брандеры брали на себе те функции, которые в конце XVIII века выполняли легкие фрегаты и корветы.

Авизо — быстроходный корабль небольшого водоизмещения, выполняющий задачи разведки и посыльной службы. Это название сохранилось и в паровом флоте.

Пакетбот — быстроходный корабль для почтовой службы.

Корабли прибрежных флотов

Прам — плоскодонное артиллерийское парусное судно, имеющее как паруса, так и весла. Прамы применялись для действий на мелководье, у берегов и в реках против крепостей и береговых укреплений.

Шнява — небольшое двухмачтовое судно с прямыми парусами и бушпритом. Отличительной ее особенностью являлась шняв-мачта, стоящая непосредственно вплотную за грот-мачтой с небольшим зазором.

Галиот — мелкосидящее двухмачтовое каботажное судно с 8—10 парами весел и двумя мачтами. Чаще всего галиоты использовались на мелководьях, реках и шхерах.

Галера — гребной военный корабль с одним рядом весел (от 16 до 32 пар) и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, которые использовались в качестве дополнительного двигателя.

Полугалера (скампавея) — деревянное гребное одно- или двухмачтовое судно. Имело до 18 пар весел и могло вместить до 200 человек.

Дубель-шлюпка — небольшое парусно-гребное военное судно, предназначенное для действий на реках, в лиманах и вблизи побережья. Дубель-шлюпки были предшественниками канонерских лодок, эти суда были в описываемый момент беспалубными, обладали съемным парусным вооружением (обычно — две небольшие мачты с латинскими парусами), а также 9—15 парами весел.

Ремонт

Тимберовка — капитальный ремонт судна. Многие линейные корабли за свою жизнь побывали и 100-, и 80- и 74-пушечными. Малые корабли, требующие ремонта, чаще всего сразу пускались на слом.

Вообще финансирование Ройал Неви во второй половине XVII — начале XVIII века стало страшным сном для Адмиралтейства. Старые корабли, построенные еще при Карле I на «корабельный налог», физически и морально изнашивались, а парламент и правительства нового короля Карла II, видя дефицит бюджета, денег на постройку новых не выделяли. К концу правления Карла II проблема обновления флота стала во весь рост. И тут тогдашнему секретарю флота Сэмьюэлю Пипсу пришла в голову гениальная мысль — он предложил финансировать не постройку новых кораблей, а перестройку (*rebuilding*) старых судов.

Это предложение устроило всех. Вместо позорных унижений перед парламентом, где адмиралы умоляли о финансировании постройки новых кораблей I ранга, когда существующие были уже попросту не годны к использованию, британское Адмиралтейство теперь выносило в правительство вопрос о перестройке кораблей, что с давних пор проводилось как текущее финансирование флота. Таким образом, издержки включались в расходный бюджет Адмиралтейства, а прове-

ряющие не могли отнести траты на постройку нового судна к расходам правительства. Соответственно, пропадал обычный повод в обвинениях оппозиции о перерасходе бюджетных средств.

Но экономический выверт правительства стал сущим кошмаром для комиссионеров и руководителей флота. При перестройке было необходимо разобрать корабль на части, тщательно проверить их и вновь собрать, используя еще хорошие элементы. Это был долгий, дорогой и нудный процесс. Построить просто новый корабль было дешевле и быстрее. (Как говорил составитель словаря Даль: «При перестройке бери матерьялов вдвое против сметы».) Но из прежних элементов обычно еще годились форштвень и ахтерштвень, благодаря этому стоимость перестройки обычно соответствовала стоимости постройки нового корабля, но не более. На практике выражение «перестройка» было фикцией: обычно корабль заканчивал свою карьеру в качестве блокшива, скажем, в Плимуте, а его «перестройка» начиналась в Чатэме. Разумеется, везти специально для перестройки годные части корабля из Плимута в Чатэм было бы абсурдом, так что «перестроенный» корабль был обычно совершенно новым. Известно только немного таких случаев перевозки частей корабля на небольшие расстояния. В начале XVIII века отмечено несколько случаев, когда «перестройка» начиналась еще до того, как был разобран «перестраиваемый» корабль.

После 1714 г. в состав Ройал Неви входило фиксированное количество названий кораблей, одни из них были в строю, другие — разобраны в процессе «перестройки», третьи — негодные и требующие тимберовки или «полной перестройки».

Вооружение

В XV—XVIII веках использовались бронзовые или чугунные орудия. Бронзовое орудие было лучше чугунного по прочности и легче по весу, но стоило в 6—8 раз дороже. Чаще всего пушки заряжали с дула ядрами, бомбами, картечью или книппелями.

Ядро — это чугунный или каменный шар. Основная его задача в морском бою — проломить борт корабля противника и нанести как можно больше разрушений. Понятно, что обычная болванка могла нанести повреждения врагу только в ограниченном пространстве. Поэтому довольно часто употреблялись бомбы.

Бомба — это пустотелое чугунное ядро. Внутри часто загружались горючие вещества, которые при ударе о препятствие (борт корабля, мачты) разлетались вокруг и поджигали деревянные части корабля. В бомбу вставляли запал, который вызывал взрыв.

Картечный заряд — это могла быть и бомба, начиненная дробью, и простой железный или металлический лом, забитый в дула орудий. Задача картечи — поразить живую силу противника, экипаж корабля.

Книптель — применялся против парусов и снастей вражеского корабля. Он представлял собой две половинки ядра, скрепленные штангой или железной цепью. После выстрела эта вращающаяся «карусель» ломала в щепки реи, рвала паруса и тросы, делая корабль неуправляемым.

Стрельба

Корабли могли стрелять как *последовательно* (каждая пушка стреляет по очереди), так и *побатарейно* (то есть — каждый дек с одного борта) либо *лагом* (то есть — полным бортом). Скорость заряжания орудий зависела от многих факторов, в том числе от обученности комендоров и их помощников, от своевременного пополнения запасов у орудий, от волнения на море, от количества человек, обслуживающих пушки.

По штатам английского флота в 1677 году на одну 42-фунтовую пушку полагалась обслуга в восемь человек, на 32- и 24-фунтовые орудия — пять человек, на 18-фунтовые — пять человек, на 12-фунтовые — четыре человека, на 6- и 4-фунтовые — три человека, на 3-фунтовые пушки на вертлю-

гах — два человека. Отдельно выделялись подносчики и упаковщики пороховых зарядов, они в эти списки не включены.

Поскольку корабль вел бой чаще всего одним бортом, боевые расчеты второго борта помогали в обслуге своим товарищам с противоположного борта. Это позволяло сильно ускорить темп стрельбы.

Кстати, именно поэтому корабль, попавший под огонь вражеских кораблей одновременно с двух бортов, резко снижал интенсивность стрельбы и почти гарантированно проигрывал сражение.

Команды, звания

Кораблем командовал капитан, его помощником был лейтенант, мичман возглавлял вахты. Группа кораблей возглавлялась *адмиралом*. Однако с увеличением количества и усложнением качества военных парусников усложнились и составы начальников. Капитану линейного корабля нельзя было обойтись одним помощником — лейтенантом, появилось звание первого лейтенанта, помощника капитана, к нему прибавились еще несколько лейтенантов — второй, третий и т.д., сколько нужно было для несения штурманской, вахтенной службы, а также для координации действия орудий в бою — стрельбы побатарейно, лагом, последовательно и прочее.

В английском флоте (официальное название с 1660-х — Ройал Неви — Королевский флот) к концу XVII века сложилась следующая система чинопроизводства. На низшей ступеньке стояли *матросы*. Далее следовал *энсэйн*, или *мичман*. Отличие английского энсэйна от мичмана любого другого флота состояло в том, что англичанин в этом звании уже должен был иметь опыт двухлетних плаваний, тогда как, к примеру, в российском флоте звание мичмана давалось гардемаринам Морской школы, не имевшим такого опыта. Следующей ступенькой был *лейтенант*, потом *первый лейтенант*. Это звание на корабле класса «линкор» или «фрегат» чаще всего носили первые помощники кэптана. Наконец, командиром корабля являлся *кэптен*. Если моряк достигал звания кэптана и продолжал

успешно служить, он мог дослужиться до *контр-адмирала*, *вице-адмирала* и, наконец, до *адмирала*. Примерно в это время появилась должность *коммодора*. Изначально это был опытный кэптен, который мог с отрядом кораблей эскортировать торговые суда в пункт назначения (иногда этот пункт был очень далеко от Англии). Позже «коммодор» трансформировалось в звание (чином это стало много позже), которое давалось кэптену либо временно (на кампанию), либо до получения звания контр-адмирала. При этом коммодор командовал не только своим отрядом, но и отдельным кораблем.

Во Франции флот делился на две эскадры — атлантическую (*Флот Океана*) и средиземноморскую (*Флот Леванта*). Этими эскадрами командовали *два вице-адмирала* (аналог английского адмирала). Их действия координировал *адмирал флота Франции* — главнокомандующий морскими силами государства и по совместительству глава морского штаба. Это была высшая должность во французском флоте — она приравнивалась к коннетаблю или маршалу Франции.

Авангардом и арьергардом любой эскадры чаще всего командовали лейтенант-генералы — это тоже адмиральские звания, похожие на английских вице-адмиралов. Кроме того, дивизионами (отрядами) командовали *шефы д'эскадрэ* и *шефы галер* (это аналог контр-адмиралов в Ройал Неви). Командирами кораблей были *капитаны линкоров*, *капитаны фрегатов*, *капитаны корветов* и *лейтенанты* (последние командовали судами от корвета и ниже либо занимали аналогичные английским лейтенантам должности на больших кораблях).

В голландском флоте три из пяти провинций, имевших выход к морю, имели и отдельные адмиралтейства: это Голландия (имевшая два адмиралтейства — северное в Амстердаме и южное — в Роттердаме¹), Фрисландия (восточная — Доккум, западная — Энсхайзен²) и Зеландия (Мидельбург), которые

¹ Последнее иногда называлось Мааским адмиралтейством.

² Иногда называлось Норденкватерским адмиралтейством.

содержали пять отдельных эскадр, возглавляемых лейтенант-адмиралами. Адмиралтейства, хотя и были организованы в различных провинциях, подчинялись напрямую *штатгальтеру* (изначально — главнокомандующий войсками Соединенных Провинций, позже — президент республики) и были в федеральном, а не провинциальном подчинении. Основной задачей этих учреждений был контроль сбора денег на флот, а также вооружение и оснащение своей эскадры. В свою очередь, адмиралтейства по требованию провинциальных штатов осуществляли конвои купеческих судов своей провинции.

Каждое адмиралтейство имело своего *вице-адмирала*, командующего морскими силами провинции. В случае войны амстердамское Адмиралтейство, как самое главное, избирало *лейтенант-адмирала* — главнокомандующего морскими силами Голландии. Дивизионами флота командовали *адмиралы*, или *шаутбенахты* (изначально шаутбенахт — командир ночной дозорной эскадры, потом эта должность переросла в звание). Кораблями в голландском флоте командовали *капитаны*.

Иррегулярные морские силы

Торговые суда английской, голландской и французской Ост-Индских компаний иногда были вооружены гораздо лучше, чем корабли регулярного флота, поэтому сражаться с ними было довольно тяжело, однако и куш в случае победы был соответствующим, ведь они везли либо золото, либо очень дефицитные для Европы товары. Естественно, что на эти корабли часто нападали *пираты* и *корсары*.

Пираты, *буканьеры* или *флибустьеры* — это разбойники, промышляющие грабежом на морях в целях личного обогащения.

Корсары (фр.), *приватеры* (англ.) или *каперы* (голл.) могли нападать на корабли только враждебного государства.

Корсарский корабль снаряжался на деньги частного лица или группы лиц и получал от правительства патент (письмо на корсарство), разрешающий вести боевые действия против недружественных судов, а также защищавший самого корсара при его встрече с дружественным кораблем. Взятую добычу, выкупы за пленников и призы (приз — это корабль противника, захваченный корсаром) полагалось представить на призовой суд, который решал, законен ли был захват, и если да, то определял размеры выплат. В случае неудачи патент давал еще одно преимущество — владелец его считался военнопленным, тогда как любой пират или буканьер был просто разбойником вне закона и мог быть вздернут на рее без суда и следствия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Отчет адмирала Лика о бое у Кабариты

«Писано на борту ЕВК “Хэмптон
Корт”
4 апреля 1705 года.
Вице-адмиралу сэру Клаудислею
Шовелю.

Милорд!

9 марта в полдень с флота был усмотрен мыс Спартель, но, не имея достаточно времени, чтобы достичь Гибралтара до наступления темноты, мы пошли мористее, чтобы нас не обнаружили с испанского берега. До полуночи погода была хорошая, но затем ветер перешел с норд-норд-вест на зюйд-вест, пошел дождь, видимость ухудшилась. В 5.30 утра 10-го с флота, бывшего в 2 милях от мыса Кабарита (Cabareta Point), были усмотрены 5 судов, выходивших из бухты. За ними началась погоня, это были *Magnanime* (74), *Lys* (86), *Ardent* (66), *Arrogant* (60) и *Marquis* (66)¹. Они сперва направились к варварийскому берегу, но затем, увидев, что их настигают, повернули к испанскому берегу. В 9.00 сэра Томас Дилкс с *Revenge*, *Newcastle*, *Antelope* и голландским кораблем подошли на пушечный выстрел к *Arrogant*, который после слабого сопротивления спустил флаг². До

¹ Во французских данных количество пушек отличается.

² После боя он был взят как приз, а 14 марта 1706 года он вошел в боевой состав английского флота.

13.00 Ardent и Marquis были захвачены голландцами (хотя у них было всего 4 корабля), а Magnanime и Lys были выброшены на берег немного западнее Марбельи. Magnanime, на котором Пуанти держал флаг, с такой силой вылетел на берег, что все его мачты свалились за борт. Этот корабль, также, как и Lys, был сожжен французами. После боя мы отошли от берега и 12-го марта пришли на рейд Малаги, где Swallow и Leopard загнали на берег французского купца, сожженного своим экипажем. Ветер несколько дней дул с запада, погода была плохая, флот отнесло к Roquetas, где он простоял на якоре 48 часов. Эскадра не могла вернуться в Гибралтар ранее 31-го. У Малаги 29-го к флоту примкнули Kent, Orford и Eagle. 27-го Expedition и Panther у мыса де Гат загнали на берег и сожгли 30-пушечного французского купца. Assurance и Bedford захватили 2 фелуки. Остальные французские корабли, которые были в Гибралтаре с Пуанти, были сорваны с якорей за несколько дней до моего прибытия и во время боя с Пуанти, вероятно, были на рейде Малаги; там они (по сведениям разведчиков), узнав о поражении, обрубали канаты и ушли в Тулон.

С уважением,
Ваш покорный слуга
Адмирал Джон Лик»

Приложение 2

Отчет кэптана Уитакера о взятии Гибралтара

«Кэптен Эдвард Уитакер
сэру Ричарду Хаддоку.
Писано на ЕВК "Дорсетшир",
29 июля 1704 года,
Гибралтарский залив

*21 июля мы бросили якорь здесь, в заливе и за 4 дня
смогли высадить около 2000 морских пехотинцев,
голландских моряков и немецких наемников. Я командовал*

десантом из 1800 солдат, высаженным на основании северного мола. Приблизительно 40 всадников, выйдя из крепости, пытались атаковать нас, но, как только наши пушки открыли огонь, они отступили обратно в город.

Поскольку мы высадились на оконечности мола, пришлось совершить двухмильный марш-бросок к стенам форта, где мы залегли, поскольку противник вел мушкетный огонь. К концу дня нам доставили 2 пушки, и мы выпустили по бастиону в общей сложности 17 ядер.

Тем временем принц Гессенский, высадившийся на перешейке, немедленно послал парламентаров к губернатору с требованием прекратить сопротивление. Губернатор не отвечал до следующего утра, но затем мы получили ответ, что город будет защищаться до последнего. Адмирал Бинг с отрядом кораблей подошел к Гибралтару и устроил бомбардировку, но, поскольку ветер был слабым и неустойчивым, корабли опасались близко подходить к фортам и стреляли мало.

У старого мола были 3 маленькие испанские фелюки, которые вели по нам беспокоящий огонь. Одна из них, 10-пушечная, всю ночь обстреливала наш лагерь. Я предложил сэру Джорджу¹ ночью уничтожить их, что и было сделано. Мы потеряли всего лишь 1 человека убитым.

23 июля в 4 часа утра адмирал Бинг начал повторную бомбардировку города. Она длилась два часа, после чего я доложил сэру Джорджу, что мои солдаты готовы атаковать форт. Несколько моих людей ворвались в бастион, который вдруг взорвался. Мы потеряли убитыми около 40 или 50 солдат и приблизительно

¹ Адмиралу Руку.

100 ранеными. Я сразу же приказал отступить к кромке берега, поскольку пехотинцев охватила паника. Моим капитанам понадобилось где-то полчаса, чтобы привести части в порядок.

Через разлом в стене форта мы по одному проникли во взорванный форт перед городской крепостью, где захватили батарею из 8 пушек. Атака моих солдат¹ была остановлена курьером адмирала Бинга, который принес известие, что испанцы согласны на капитуляцию (что они, собственно, и подтвердили на следующий день).

Ваш покорный слуга
Эдвард Уитакер»

Приложение 3

Защита Гибралтара

Из мемуаров Мэтью Бишопа, майора морской пехоты.

1704 год

«Утром мы обнаружили, что испанские отряды пытаются пройти по восточному гребню Скалы. Была отдана команда направить 20 уэльских стрелков на ту сторону полуострова для высадки и атаки с тыла. Я был рад, когда меня прикомандировали к этому отряду. Солдаты также знали, что я сведущ в военном деле, поскольку уже участвовал в обороне крепостей. Мы сели в лодку со всей поспешностью, с которой могли. Для поддержания боевого духа нам выдали по двойной порции рома.

Обогнув полуостров, мы увидели там невероятную картину — испанцы подобно рою пчел пытались забраться

¹ Здесь Уитакер полностью опустил подробности захвата монастыря Нуэстра Сеньора де Европа.

на гребень холма, но, обнаружив нас, остановились. Мы теперь могли выбирать цели по своему усмотрению, стреляя с той скоростью, с которой могли. Тем не менее какая-то часть испанского отряда перевалила через холм, но их задержал небольшой горный ручей, который очень трудно перейти вброд. Там их встретили меткие залпы наших товарищей. Идальго пытались пойти в штыковую атаку, и были убиты во множестве, так и не приблизившись к бастиону».

Приложение 4

Ответ Георга Датского на запросы английских купцов, потерпевших убытки от введения системы конвоев и от действий французских приватиоров¹

«Адмиралтейство, 8 января 1708 г.

Палата Лордов решила направить Лорду-Адмиралу отчет Комитета Палаты в соответствии с петицией ряда негоциантов и лондонских торговцев относительно понесенных ими значительных убытков в связи с неэффективностью, задержками и несвоевременным выходом конвоев и недостаточностью крейсерских судов; в этой связи Его Высочество консорт² счел необходимым, чтобы эта жалоба и прочие обстоятельства получили бы соответствующий ответ, который мог бы представить все это дело в более верном освещении, чем это дается в

¹ Приводится с существенными сокращениями.

² Титул, пожалованный мужу королевы Анны — Георгу Датскому — в 1702 году.

документах в распоряжении Их Лордств, использованных для отчета Комитета.

1) Относительно неэффективности конвоев.

Лорд-Адмирал не видит каких-либо случаев, когда торговцы, которые обычно следуют с конвоями, нуждались бы в соответствующей и достаточной силе для их безопасности. И даже в предыдущем году указанные конвои были значительно сильнее, чем прежде. Несчастья, произошедшие с некоторыми конвоями, которые были атакованы превосходящими силами французов, было невозможно каким-либо образом предотвратить, кроме как силами целых эскадр. Но следует отметить, что все случаи, упомянутые в отчете Их Лордств, произошли в последующие годы войны. В первые два года правления Ее Величества было немного кораблей, которые использовались бы в Средиземном море или в его направлении, и даже те корабли отсутствовали недолго, так что, несомненно, имелось гораздо больше кораблей для охраны торговли страны, и это относилось не только к конвоям, но и к крейсерским судам. Между тем в последующие годы правления Ее Величества общественные задачи требовали направления большей части нашего флота в Средиземное море, и хотя некоторые суда возвращались в Англию в более позднее время года, они не были пригодны для какого-либо использования до определенного времени, когда их было необходимо вновь отправлять для заграничной службы, поскольку они были в таком плохом состоянии, что требовали капитальной тимберовки.

2) Относительно купцов, долго ждавших конвоев после наступления обещанного назначенного времени для отплытия.

Многочисленные операции, основные и чрезвычайные, требующие обязательного участия кораблей Королевы, часто оставляют очень небольшой выбор судов для иностранных (дальних) конвоев, но когда приходят заявки купцов, всегда назначаются соответствующие конвои, получающие приказы быть готовыми к требуемому времени, и они не отвлекаются на другие задания, но иногда случается так, что при доковании выясняется, что по причине длительного непрерывного использования состояние кораблей для конвоев гораздо хуже ожидаемого. Необходимость подготовки кораблей для конвоев в различных портах и противные ветры часто мешают им прибыть на рандеву (место встречи), иногда — недостаток экипажей, необходимость перевода их с одного корабля на другой, необходимость выплаты жалованья экипажам могут вызвать задержки в выходе, но при тщательной проверке выясняется также, что задержки часто вызываются самими торговцами, т.к. они редко бывают готовыми к отплытию в одно время и королевским кораблям приходится часто ожидать их, что Их Лордства могут усмотреть из прилагаемого документа, обозначенного (А).

3) Относительно нехватки достаточного количества крейсерских судов в Саундингсе (район юго-западнее Англии) и в Английском Канале.

Ежегодно предусматривается выделение крейсерских судов для Саундингса, Канала и Северного моря, это число никогда не бывает менее 12 для Северного моря и 15 для Саундингса, это столько, сколько допустимо с учетом других необходимых и срочных операций. Но они очень часто отвлекались от крейсерской службы по заявкам самих торговцев — для конвоирования домой их судов по Каналу или отъезда от Ирландии или из других районов для

конвоирования их торговых судов в Архангельск, на Балтику, в Голландию и т.д., и было необходимо удовлетворять их, поскольку иным образом их было бы невозможно обеспечить, если только не будет использована часть кораблей, которые защищают торговлю на побережье, при переходе от одного порта до другого.

4) Относительно жалобы на произвол капитанов кораблей Ее Величества при насильственной вербовке моряков торговых судов в Вест-Индии и при их возвращении в порты Великобритании.

Если это совершалось, то это было в нарушение постоянных и прямых приказов Королевы указанным капитанам, согласно которым, им приказано не забирать людей с торговых судов на плантациях без предоставления заявок и получения согласия губернаторов, и в любом случае не более пятой части экипажа, что превышает то количество, которое забирали во время войны, и если для улучшения комплектации флота Ее Величества каких-либо людей забирают с торговых судов, когда они прибывают сюда, капитанам кораблей Ее Величества строго наказано предоставить вместо них столько же годных моряков, чтобы они смогли привести корабли в предназначенные порты, и послать с ними ответственного офицера, и когда эти моряки закончат свою службу, им причитаются обычные “эскортные” деньги, которые позволили бы им возвратиться на свои прежние суда. Но в таком случае Их Лордствам было бы трудно понять, почему купцы вменяют в вину Лорд-Адмиралу неправомерные действия его офицеров, о которых никогда не было жалоб, оставшихся без должного удовлетворения.

5) Относительно захвата “Госпорта” при переходе в Вест-Индию вместе с несколькими судами под его конвоем в июне 1706 г.

Это — тот случай, который нельзя предвидеть или предотвратить. Эти суда были взяты в море, на расстоянии почти в 300 миль, и королевские офицеры сделали все возможное для защиты торговых судов, так что справедливость и мудрость Их Лордств не позволяют считать такие несчастья криминалом; что касается подробностей, они содержатся в документе (В).

6) Другая жалоба: 7 марта 1707 г. был атакован “Лиссабонский флот” (т.е. конвой, шедший в Лиссабон) под эскортом “Уорспайт” и “Свитишур”, и было захвачено 14 торговых судов (в Саундингсе).

Этот конвой имел несчастье встретиться с 17 кораблями противника, которые шли из Бреста в Вест-Индию, и совершенно невообразимым образом встретились на переходе, подробности этого даны в документе (С).

7) Далее утверждается, что конвой, шедший на Ньюфаундленд, был атакован в апреле, он шел под эскортом “Фолкленд” и “Медуэй Прайз”.

Эти 2 корабля встретили при выходе из Канала 8 приватиоров противника, имевших от 20 до 30 орудий, с которыми они вступили в бой и привели на Барбадос весь конвой, за исключением двух судов, которые отделились от них и по этой причине были захвачены противником.

8) Утверждается, что прибрежный конвой был атакован в апреле у Лэндс Энд.

Возможно, это правда, но это — первое сообщение об этом событии.

9) Другая жалоба: “Хэмптон Корт”, “Ройал Оак” и “Графтон”, вышедшие из Даунса 1 мая 1707 г., на следующий день были атакованы, и около 20 судов было захвачено Дюнкерской эскадрой.

Это правда, суда были действительно атакованы, но в то время не было никаких сведений о Дюнкеркской эскадре, кроме того, что она находилась у побережья Фландрии, несмотря на заверения, данные Дроусоном, который заявил в Адмиралтействе, что будто указанная эскадра ушла на запад; однако самая тщательная проверка всех сообщений и протоколов Адмиралтейства на тот день не выявила никаких сообщений о том, что корабли противника ушли на запад; поэтому эти три корабля — один в 76 и два в 70 пушек были сочтены достаточной защитой для конвоя от Даунса до Спитхеда, и рядом не было никаких судов для оказания им помощи.

10) Также утверждается, что суда, шедшие в Россию в прошлом году, были атакованы противником и было взято 16 торговых судов.

Что касается этого вопроса, просьба к Их Лордствам рассмотреть документ (D), в котором они смогут найти конкретное описание всего этого события, начиная с момента обращения купцов с просьбой о конвое, а также о том, что Уильям Уэтстоун со своей эскадрой действительно довел их до широты в 63 градуса, где передал их соответствующему конвою, и ни одно из торговых судов не было захвачено, за исключением тех, шкиперы которых фактически отделились от указанного конвоя, и не ранее, чем они достигли 70-й широты, через три недели после того, как Уильям Уэтстоун отделился от них.

11) Еще такая жалоба: 10 октября 1707 г. был атакован конвой, с которым перевозились в Лиссабон лошади для короля Португалии и другие товары.

В конвое были “Кумберленд”, “Девоншир”, “Ройал Оак”, “Руби” и “Честер” — два корабля в 80 пушек, один — в 76 и два — в 50; по мнению купцов, считалось, что такие силы

достаточны для конвоя в Лиссабон, но случилось несчастье из-за случайного соединения двух французских эскадр. Но в данном случае королевские корабли сражались настолько хорошо, что было захвачено совсем немного торговых судов; описание этого события — в приложении (Е).

12) Еще одна жалоба купцов: они долго ждали конвоев, что привело к большим убыткам, когда они вернулись из иностранных портов в Темзу из-за отсутствия конвоев.

Это — общая тенденция, и я отсылаю Их Лордства за разъяснениями к началу моего ответа.

13) Следующая жалоба: в июле они получили заказ от короля Португалии закупить для него большое количество зерна, что и было исполнено в августе, но, невзирая на их многочисленные заявки, конвой не был организован до февраля следующего года.

Это представляется несколько экстраординарным, поскольку они говорят, что были готовы отплыть в июле и августе, тогда как в августе были отданы приказы кораблям Ее Величества — “Пэмброку”, “Кентерберри”, “Гринвичу” и “Глостеру” конвоировать торговые суда в Лиссабон, и 6 сентября Уильям Уэтстоун получил приказ проводить их со своей эскадрой на 100 лиз юго-юго-западнее острова Силли, что он и исполнил. А почему суда, готовые (как утверждается в июле и августе) не пошли с конвоем, об этом могут сказать их шкиперы или владельцы. Кроме того, были несколько судов Генеральных Штатов, которые зашли на Спитхед на их пути в Лиссабон, и (как об этом была договоренность в Гааге) они взяли торговые суда под свою охрану. И можно отметить, что хотя оказалось невозможным организовать конвои для проводки торговых судов в Португалию именно в те периоды, на которые купцы

подавали свои заявки, однако за период с апреля 1703 г. до октября прошлого (1707) года между Англией и этим королевством проследовали 29 конвоев, и некоторые из них включали значительную часть флота (торгового) и в ряде случаев также сильные эскадры, особенно в 1706 г., когда в течение 6 месяцев из Англии было направлено 5 конвоев, тогда как голландцы редко посылали более одного конвоя за год, так что крайне маловероятно, чтобы склады и армия короля Португалии получили зерно из Балтики.

14) Также жалуются, что 10 августа из Портсмута пошел большой флот, который не взял под охрану торговые суда.

Это было в 1706 г., когда адмирал флота получил инструкции не предавать огласке свои предстоящие действия, что, соответственно, делало для него невозможным забрать с собой торговые суда.

15) Еще одно возражение: было наложено эмбарго на их торговые суда и конвои.

Можно предположить, что под словом “эмбарго” они имеют в виду небольшую задержку в их операциях до получения более точных разведданных относительно присутствия эскадры противника в Саундингсе, что и было позже установлено (как это можно увидеть) голландскими торговыми судами, шедшими домой из Вест-Индии.

Нельзя предполагать, что эта предосторожность была причиной их ущерба; она была связана с заботой о них, а также с безопасностью кораблей Ее Величества. Между тем у них в составе конвоя были “Норфолк”, “Уорспайт” и “Эксетер”, они утверждают, что “Нассау” не присоединился к ним из-за отсутствия соответствующих приказов, так что флот не смог отплыть до трех часов пополудни, а “Нассау” прибыл на Спитхед до наступления ночи, тогда

как, напротив, “Нассау” прошел Даунс 14 октября 1706 г. и шел на запад столь же далеко, как и “Фолькстоун”, но ветер отошел к юго-западу, и было ясно, что погода испортится, поэтому он повернул 16-го к Даунсу, откуда отплыл 18-го в 6 вечера и прибыл на Спитхед 20-го, т.е. через 2 дня после ухода конвоя. И Их Лордства могут видеть, что голландский конвой вышел в начале января 1706 г. вместе с несколькими судами Ее Величества, что 25 февраля капитан Прайс пошел с 5 военными кораблями, а 27 марта Джордж Бинг пошел туда же с эскадрой, а 18 июня туда пошли другие военные корабли; в июле купцы подали заявку на конвой в августе, который был организован. Причина остановки и подробности всего этого дела даны в документе (F).

16) Далее они заявляют: из-за недостатка сил конвоя несколько торговых судов конвоя были захвачены у Портленда, а затем из-за плохой погоды получившие повреждения “Уорспайт” и “Эксетер” вернулись обратно, а торговые суда, за исключением нескольких, пошли в Лиссабон под эскортом одного только “Норфолка”.

Для этого конвоя было назначено три корабля: один в 80, один в 70 и один в 60 пушек, что считалось достаточной силой; в то время не было кораблей для его усиления и было нельзя предвидеть, что во время перехода два корабля будут повреждены, хотя инциденты такого рода могут случаться часто.

17) Также: значительное количество торговых судов в декабре 1706 г. находилось в Портсмутской гавани, которые были там задержаны из-за отсутствия конвоев, несмотря на то что на Спитхедде было несколько кораблей Ее Величества (указанных в жалобе) и еще несколько пришло с запада и не взяли

их с собой, в частности, указываются “Суффолк” и “Бристоль”.

Все корабли, которые, как считалось в жалобе, находились без дела в Портсмуте, имели конкретные задания, что Их Лордства могут усмотреть из документа (G).

18) Следующая жалоба: в октябре 1706 г. г-да Коуард и Джонс передали свои корабли комиссионерам для погрузки продовольствия на условиях, что затем они должны идти прямо на Ямайку; между тем они были переведены из Даунса в Портсмут, затем оттуда — в Ирландию, после чего — на Барбадос и Антигуа.

Это так, но эти суда были взяты комиссионерами для погрузки продовольствия на условиях помесячного фрахта, и Ее Величество сочло необходимым направить их с губернатором Барбадоса, по пути они забрали войска в Ирландии, и доставили также припасы на Невис и Антигуа; была потребность в судах для конвоя, направленного для этой цели, и не было иных готовых судов для этого; их владельцы получают оплату за то время, когда эти суда использовались для общественных нужд, в соответствии с заключенным соглашением.

19) Свидетельство г-на Палмера: в 1705 г. корабль, совладельцем которого он является, с несколькими другими был переведен из Даунса в Портсмут под конвоем “Личфилд Прайз”, но из-за отсутствия приказов конвоир не мог отвести его в Плимут для присоединения к флоту Шовеля, который должен был идти в Лиссабон.

Их Лордства могут заметить забывчивость этого свидетеля, поскольку “Личфилд Прайз” не появлялся с торговыми судами на Спитхедде до 7 июня, а сэр Клаудисли

Шовель отплыл 23 мая, 25 мая прошел Плимут и 9 июня был уже у Лиссабона, т.е. всего через 2 дня после даты, когда “Личфилд Прайз”, по словам этого джентльмена, мог присоединиться к нему в Плимуте.

20) В качестве дальнейшего свидетельства купцы представили Их Лордствам “Лондон Гэзетт” от 8 мая 1707 г., в которой приведен следующий параграф из Остенде: “Флот из 55 торговых судов, который 5 месяцев стоял в Даунсе, прибыл в Остенде этим вечером, к большому удовлетворению местных жителей”.

Это сообщение было помещено в газете неосновательно и необдуманно, будучи совершенно неверным, поскольку корабли Ее Величества Линн и Дил Касл отплыли в Остенде 7 февраля, и с ними было не более 5 торговых судов. И сэр Эдвард Уитакер отплыл со своей эскадрой 27 апреля и проводил торговые суда до порта и отвел оттуда все суда, что там находились, но у него было не более 15 судов, и как это количество могло вырасти до 55 — довольно странно. Кроме того, судя по всему, с декабря по май в Даунсе было не более 5 судов, собиравшихся идти в Остенде, и тем не менее газета сообщает, что “55 судов прибыли в Остенде из Даунса и что они ожидали там конвоя 5 месяцев”.

21) Общая часть относительно несвоевременного и неудачного (по выбору времени) следования конвоев, особенно в Вест-Индию, Их Лордства отсылаются к тому, что было сказано в начале данного документа.

22) Купцы, торгующие с Вирджинией, заявляют, что в октябре 1705 г. некоторые их суда вышли оттуда под конвоем “Вулвича” и “Эдвайса”, которые получили приказание ждать подкрепления из Англии, и что им

обещали, что “Гринвич” и “Хазардес” должны выйти с первым попутным ветром в январе следующего года, но они не выходили до мая, по каковой причине они достигли Вирджинии только в августе.

“Гринвич” и “Хазардес” получили приказ 26 февраля 1706 г., но они не смогли выйти из Плимута до 24 апреля, и 27-го плохая погода заставила их укрыться в Фалмуте, но “Хазардес” вскоре вышел в море, но “Гринвич” был поврежден и был вынужден идти в Плимут на ремонт. Однако упомянутый “Гринвич” вышел из Плимута 1 июня и прибыл в Вирджинию 11 августа, а 17 сентября пошел оттуда с “Хазардесом”, “Вулвичем” и “Эдвайсом” и 182 торговыми судами и прибыл с ними в Канал в ноябре.

23) Упомянутые вирджинские купцы далее заявляют: прошлой весной, надеясь на конвои отсюда в Вирджинию, многие суда, перевозившие припасы отсюда в Лиссабон и обратно из Лиссабона, оставались здесь до сентября в ожидании конвоев и теперь, в зимний сезон, должны возвращаться без конвоя, и что хотя прошлой весной совет Ее Величества приказал, чтобы конвой был подготовлен в августе, однако указанный конвой остался в Портсмуте.

Задержки и неудачи, случившиеся в тот год с вирджинскими торговцами, в значительной мере вызваны различными интересами и желаниями купцов и плантаторов, связанных с этой торговлей, частыми западными ветрами, которые препятствовали их выходу, и задержками из-за нескольких купцов, которые включили свои суда в португальский конвой для перевозки лошадей в Лиссабон, что подробно объясняется в документе (Н).

24) Далее заявляется: из-за того, что в течение ряда лет ни один фрегат не был выделен для крейсерства

у вирджинских берегов, были захвачены многие суда, прибывавшие туда и уходившие оттуда.

Военные корабли, которые конвоируют вирджинские суда, имеют обычно приказы крейсировать между мысами (The Capes) во время погрузки торговых судов. Такие приказы имел "Стромболи", и "Госпорт", захваченный во время перехода (что послужило основой для этой жалобы), имел такие же приказы, в настоящее время этим занят "Гарланд", и корабли, следующие в Вирджинию, имеют такие же указания.

25) Жалоба Джона Вуда относительно трудностей, с которыми он столкнулся в сентябре 1706 г. и некоторое время позже, в переводе своего судна под названием "Юнион Фригит" в Портсмут.

Этот корабль принимал груз зерна в Шорехэме, одном из наиболее трудных портов побережья относительно выхода из него. Но когда военные корабли получают приказ идти восточнее Портсмута или западнее Даунса, они всегда получают указание зайти в несколько портов по пути своего следования, и некоторые из этих кораблей пытались безуспешно забрать суда из этой гавани.

Тот же Вуд также утверждает: в апреле, мае и июне несколько его судов нагрузились зерном в Шорехэме, но не могли идти на Спитхед из-за приватиров противника, наконец был назначен конвой, но вскоре он бежал, бросив торговые суда после получения сообщения о появлении Дюнкеркской эскадры.

Конвой, о котором идет речь, включал "Чарлз Галлей" и "Госпорт", хотя и несколько других были прежде назначены для вывода этих судов из гавани. Однако эти упомянутые 2 корабля не сделали этого, 19 июня 1707 г. по пути на Спитхед они получили сообщение от мэра Гастингса о том,

что с востока под всеми парусами идут 18 французских военных кораблей; это предупреждение нельзя было игнорировать (хотя оно оказалось ложным). Но что касается будто бы бегства королевских кораблей, бросивших свои торговые суда после получения этого сообщения (как об этом злонамеренно и лживо утверждалось), то они продолжали конвоировать их и привели их в безопасности на Спитхед, как об этом сообщил капитан “Чарлз Галлей” в своем письме от 29 июня 1707 г., а кораблями, вызвавшими это тревожное сообщение, были “Дифайнс” и “Эдвайс” со своим конвоем из Даунса.

26) Г-н Винтер свидетельствует (под присягой): он прибыл от Гибралтара 14 марта прошлого года вместе с галерами “Перл”, “Ганновер” и “Лоддингтон”, и у Бичи-Хэда два из них были взяты французскими приватирами.

Все эти суда были “бегунами” (по крайней мере так назывались, в смысле действовали на свой страх и риск), и если бы они зашли в Портсмут и дождались конвоя, свидетель не пошел бы на риск, и он не мог полагать, что эти суда, которые купцы именуют “галерами”, будучи нагруженными и с неочищенным дном, могут идти гораздо быстрее остальных судов, так не именуемых, и, следовательно, они могут быть подвержены несчастьям из-за отсутствия конвоя. И есть основание полагать, что до того, как в моду вошла торговля с использованием “галер” или “бегунов”, потери были много меньше, и можно надеяться, что к этому удастся вновь вернуться, когда купцы научатся менять характер ведения торговли по мере того, как противник меняет свои методы войны на море.

Остальные части отчета Их Лордств, в основном, относятся к следующему:

1) Наши торговые суда подверглись преследованию приватирами противника у Бичи-Хэда.

2) Преимущества ведения средиземноморской торговли на "галерах", но это связано с риском при возвращении домой из-за нехватки крейсерских судов в Саундинге и Канале.

3) Французский привати́р загнал голландское судно в Плимут 14 ноября, а три уэльских конвоя быстро прошли мимо, не обратив внимания, из-за отсутствия приказов.

4) Список из 1146 потерянных торговых судов далеко не полный.

5) Неудобства, вызванные насильной вербовкой моряков с торговых судов в Вест-Индии и возвращающихся оттуда.

6) Жалоба Бенджамина Уэя: капитан Нортумберленда не позаботился о его судне — "Лондон Галлей", которое отплыло с Ямайки в конце февраля прошлого года.

Что касается пунктов 1, 2, 5, отсылаю Их Лордства к тому, что уже было сказано.

По 3-му пункту, относительно преследования голландского рыболовного судна, это представляется несущественным и имеющим целью просто раздуть жалобы. Но инсинуация следующая: "Три военных корабля не прорезагировали из-за отсутствия приказов". Хорошо известно, что, когда корабли Ее Величества обнаруживают противника, им не требуются особые приказы атаковать их, поскольку общие инструкции, безусловно, уполномочивают их на это. А в ноябре в пять часов вечера произошло то, что три упомянутых корабля повернули к привати́ру, а голландское судно было в безопасности под пушками крепости.

Лорд-Адмирал с озабоченностью воспринимает список из 1146 судов, потерянных за время войны, хотя, возможно,

большую часть их составляют “галеры” и “бегуны” (т.е. суда, плавающие отдельно, на свой страх и риск); определенная часть этих потерь должна считаться неизбежной и быть отнесена на военное время, некоторые из них следует отнести на самонадеянность и небрежность самих шкиперов торговых судов, которые при предоставлении им достаточного конвоирования отказываются от такой защиты и становятся жертвой противника, о чем было много жалоб.

Последнее, по 6-му пункту, жалоба г-на Уэя о том, что не озаботились о его судне из Вест-Индии: Их Лордства отсылаются к 2 письмам (L) и (K), одно — от сэра Джона Дженнинга и другое от капитана Нортумберленда, которые дают конкретное описание этого дела, относительно которого в Адмиралтейство не поступало жалоб, пока оно не было представлено Их Лордствам.

Итак, это все, что можно сказать об отчете комитетов Палаты лордов, основанном на показаниях купцов, сделанных частично на основе их сведений, частично — на основе того, что они узнали от других. Лорд-Адмирал считает необходимым представить Их Лордствам некоторые соображения для того, чтобы объяснить некоторые документы, затребованные Лордами от Адмиралтейства.

1) Несмотря на почти непрерывную деятельность кораблей Ее Величества, потери, понесенные от штормов (особенно от страшного шторма 1703 г.), и несмотря на многочисленные риски, которым они были подвержены во время этой продолжительной войны, число кораблей королевского флота за время после вступления на престол Ее Величества совсем не уменьшилось, более того — оно увеличилось на 10 единиц, хотя парламент за это время не дал и фартинга на строительство новых

кораблей; в предыдущую же войну на эти цели и другие экстраординарные расходы было выделено 4 млн, и тем не менее флот в конце войны был меньше, чем в ее начале, на 20 кораблей линии баталии.

2) Количество военных кораблей Франции, захваченных или уничтоженных, значительно превосходит наши потери, как это показано в документах (L) и (M), и между тем нет данных о французских кораблях, захваченных или уничтоженных кораблями Соединенных провинций.

3) За период нынешней войны было взято 175 французских приватиров, многие из них были значительной силы.

4) В прошлую войну, которая началась 7 мая 1689 г. и закончилась 10 сентября 1697 г., всего было захвачено 1296 судов противника, тогда как в нынешнюю войну, объявленную 4 мая 1702 г. и до 1 декабря 1707 г., было взято 1346 судов противника, разница немаленькая.

5) С 4 мая 1702 г. до 1 декабря 1707 г. кораблями Ее Величества было отбито 108 судов на сумму свыше 82 975 ф.ст., и за тот же период отбиты приватирами суда на 38 054 ф.ст., что в сумме составит 121 030 ф.ст. без таможенных сборов.

6) В прошлую войну торговля нашей страны потеряла почти 4000 судов, в эту же войну они сами дают цифру потерь в 1146, и даже эти потери могли быть предотвращены. И следует иметь в виду, что в прошлую войну мы могли пользоваться портами в Испании и испанской Вест-Индии, в которых наши торговые суда могли всегда иметь убежище не только от противника, но и от непогоды; теперь же наша торговля такой защиты не имеет.

7) Кроме того, в то время как Ее Величество ежегодно вооружает флот для заграничной службы, противник после сражения при Малаге полностью изменил методы ведения войны на море и вместо больших флотов теперь заполняет

моря своими приватирами и эскадрами быстросходных судов, и благодаря этому они отслеживают все возможности наносить ущерб нашей торговле, чему способствует и ситуация в их портах, и тем не менее купцы (разумеется, учитывающие эти опасности) продолжают вести торговлю на своих в значительной степени беззащитных судах, именуемых “бегунами”, и хотя они и обязаны по соглашениям идти в составе конвоев, однако они слишком часто подвергают себя опасности встречи с ожидающим их противником.

И последнее, Лорд-Адмирал желает, чтобы Их Лордства отнесли к нему со всей справедливостью и верили ему, ибо никто так не принимает близко к сердцу потери наших купцов, как он, и он тем более сострадает им, потому что эти джентльмены ведут торговлю на одиночных беззащитных кораблях, учитывая методы противника, когда сам Король и многие его подданные используют так много кораблей и средств исключительно для ведения войны против наших купцов, такие потери будут продолжаться. Однако Его Королевское Высочество искренне надеется, что Их Лордства поверят, что флот Королевы не был бесполезным в этой войне и что война не может продолжаться без поддержки нашего превосходства на море у берегов Португалии, Испании и Италии, во всех местах, где флот Королевы осуществлял обширную деятельность за последние 4 года и предпринял многое для защиты Британии от морских сил Франции».

Приложение 5

Рейд Дюгэ-Труэна к Шпицбергену

В 1703 году Рене Дюгэ-Труэну исполнилось 40 лет. Подвиги этого молодого и бесстрашного моряка из Сен-Мало времен войны Аугсбургской лиги были известны

каждому. Он нанялся на корсарский фрегат в 16 лет, а уже через год получил под командование первый корабль. В 1697 году, перед окончанием войны Аугсбургской лиги, он стал капитаном, но заключенный в том же году мир поставил под вопрос его дальнейшую военную карьеру. В мае 1702 года разгорелся новый конфликт, и он снова занялся каперством, которое больше всего удовлетворяло и его вкусам, и его характеру. Одной из первых целей в начале Войны за испанское наследство стал громадный голландский китобойный флот, находившийся тогда в районе Шпицбергена.

Сам он так рассказывает об этом в своих мемуарах: *«Король предоставил мне линейные корабли “Эклатан” (66 орудий), “Фурье” (62) и вооруженный привати́р “Бьенвеню” (30). Я поднял свой флаг на “Эклатане”, но велел сократить на нем количество пушек до 58, а на “Фурье” — до 56, чтобы сделать их маневреннее. Мой лейтенант Демаре-Эрпен взял на себя командование “Фурье”, а лейтенант Демарк — “Бьенвеню”. Из Сен-Мало ко мне пришли 30-пушечный “Морине” и 28-пушечный “Этоле”. Мы определили своей целью район Шпицбергена, дабы разорить голландский китобойный флот».*

7 июля 1703 года отряд оставил Брест и направился к Датскому проливу. У Оркнейских островов Дюгэ-Труэн столкнулся с 15 кораблями и фрегатами голландского адмирала Ван дер Дуссена. Сильный туман позволил французам уйти от преследования. После этого неприятного инцидента отряд вошел в Датский пролив и взял курс на Шпицберген, где захватил врасплох голландских китобоев. Дюгэ-Труэн писал: *«Мы захватили или сожгли более 40 китобойных судов, но сильный туман спас часть других. По моему мнению, в заливе Грюнхэйв было не менее 200 купцов, занимавшихся промыслом. Как только я приближался к берегу, мой корабль охватывала*

настолько плотная завеса, что иногда мы, стоя в носу корабля, не видели его кормы. Течением нас отнесло на север, к острову Форланд (недалеко от Шпицбергена), мы очутились на 81-м градусе северной широты, таким образом, оказались очень близко от кромки льдов. Постоянное наблюдение за морем и опасение повредить кораблю помешало нам в атаках голландцев. В конце концов задул зюйд-ост, и мы вернулись в Грюнхэйв. У местных охотников мы узнали, что пока нас снесло на север, большое количество китобоев ушло с эскортом из 2 военных кораблей». Несмотря на упорство и боевой задор, Дюгэ-Труэн понимал, что в этих опасных и малоизвестных водах при слепом преследовании бегущего противника он сильно рискует своими кораблями. У него не было также шкипера, знакомого с этими глухими местами, который бы мог провести эскадру через дрейфующие льдины и мелководья, поэтому вынужден был удовлетвориться уже захваченными призами. Дюгэ-Труэн повернул обратно, но около южной оконечности Шпицбергена 8 захваченных китобоев вылетели на скалы, и их пришлось бросить. В сентябре 1703 года отряд взял курс домой. К этому моменту с Дюгэ-Труэном оставалось только 15 купцов, остальные были сожжены из-за плохого состояния. Дело оказалось не слишком прибыльным, по крайней мере каперы из Сен-Мало были разочарованы малым количеством призов. 28 ноября 1706 года Дюгэ-Труэн представил морскому министру Жерому Поншартрену предложение о новой экспедиции в район Шпицбергена, однако в ответе было сказано, что есть более перспективные для славы и прибыли районы. Таким образом, французский корсар не смог еще раз посетить арктические воды, чтобы исправить неудачи своего первого похода.

Более того — это был единственный за все столетие поход французского корабля к архипелагу Шпицбергена.

Приложение 6

«Корсарский» капитан Кассар.

Биография

Знаменитый корсар родился в Нанте 30 сентября 1679 года в семье торговцев. С 14 лет он плавал на торговых судах, принадлежавших его семье, совершил несколько походов на Антильские острова и в Новую Голландию. С началом войны Аугсбургской лиги служил в военном флоте, плавал с дю Кассом. В 1697 году на мортирном судне «Эклатан» он участвовал в набеге на Картахену Индейскую.

25 мая 1700 года Кассар получил звание капитана и был принят на военную службу. В Сен-Мало в 1705 году он вооружил корвет «Сент-Гильом», с которым отправился в крейсерство к берегам Ирландии. 28 августа около Корка он атаковал караван из 12 рыболовных судов и все их захватил. В 1707 году Кассар вышел в море на «Дюшес Анн», в районе Уэссана он обнаружил английский конвой из 13 торговых судов под эскортом 48-пушечного приватира «Жерсей». Корсар атаковал британцев, взял на бордаж «Жерсей» и захватил всех купцов. В 1708 году Кассар на «Дюшес Анн» и переоборудованный в корсарский корабль «Жерсей» отправились к берегам Ирландии, где захватили множество призов. В районе Лондондерри Кассар столкнулся с 38-пушечным английским фрегатом «Эксетер», который вступил в бой, но, получив сильнейшие повреждения, еле ушел к Ливерпулю. На следующий год по личной просьбе Жерома Поншартрена корсар отправился на Средиземное море — помочь провести во Францию караваны с зерном. Дело в том, что осень 1708 года выдалась во Франции очень дождливой, в декабре неожиданно ударили морозы, которые погубили всю пшеницу. В стране начался голод, и Людовик закупил зерно у берберов и турок. Однако эти суда, доверху загруженные пшеницей, не могли дойти до Марселя или Тулона — в Средиземном море го-

сподствовал английский флот и драгоценный груз мог быть легко захвачен.

В начале 1709 года Кассар вышел из Тулона с 66-пушечным «Эклатаном», 58-пушечным «Серье» и 6-пушечным «Дили-жентом». Около острова Табарка он встретил конвой в Марсель из 25 судов, который и взял под охрану. На следующий день вперёдсмотрящие заметили английские корабли, и Кассар пошел в атаку. Хотя противник имел 5 линкоров, но сражался нерешительно, и корсару удалось отбить англичан и провести конвой в Марсель.

Следующим делом стала защита французского смирнского конвоя. В середине декабря из Тулона вышел большой торговый караван — из 84 торговых судов, 4 линкоров и 2 фрегатов¹, на который неподалеку от Сицилии напали 8 английских кораблей. Эскорт смог с большим трудом отбиться от атаки противника, но весь конвой теперь был заблокирован в заливе Хуан. На выручку начальник тулонской эскадры послал отряд Кассара, который вышел с 70-пушечным «Парфетом», 60-пушечным «Серье» и 52-пушечным «Фенни». 29 декабря 1709 года (по старому стилю) отряд Кассара встретил у Сицилии английские 64-пушечный «Пэмброк» и 36-пушечный «Фалькон». Французы подняли английские и голландские флаги и благодаря этой уловке смогли сблизиться с британцами вплотную (Кассара приняли за эскадру вице-адмирала Бейкера). После ожесточенного боя (только на «Пэмброке» 140 убитых, в том числе капитан) англичане были взяты на абордаж — все решило численное преимущество корсаров. За это дело Кассар получил чин капитана фрегата.

В наступившем 1710 году корсар планировал атаковать английские транспорты в бухте Вадо (Каталония),

¹ «Темерер» (60), «Тулуз» (60), «Этандю» (50), «Флерон» (50), «Ирондель» (36), «Весталь» (36).

но, по данным разведки, там оказалось еще и 15 английских линкоров, поэтому Кассар отказался от боя.

В 1711 году по просьбе самого короля корсар согласился на прямо-таки самоубийственную задачу — сопроводить торговые суда в Стамбул, загрузиться там зерном и привести караван в Испанию. Следует понять, что в это время в Средиземном море безраздельно господствовали эскадры англичан и голландцев, поэтому поход в Стамбул был равносителен путешествию по тылам врага. 43 транспорта с эскортом из «Парфета», «Нептюна», «Серье» и «Фенданта» вышли из Тулона в начале апреля. Около Сардинии их обнаружили английские дозорные фрегаты, но в сумерках французам удалось скрыться. Недалеко от Мальты Кассару удалось захватить один голландский транспорт, корсар вспоминал, что атаковал это судно «не по особой надобности, а ради секретности нашего следования». Каперу удалось дойти до Стамбула и вернуться через все море обратно — он оставил торговые корабли в Паламосе, где снабжалась армия Вандома.

О походе Кассара в Вест-Индию мы уже рассказывали. По возвращении с богатой добычей он был принят королем Людовиком. На аудиенции Луи попросил корсара отдать ему все золото и серебро в обмен на ассигнации, поскольку королю нечем было расплачиваться с армией. Кассар согласился, он получил орден Святого Людовика на шею и 625 тысяч ливров бумажками. В 1715 году стоимость ассигнаций упала в четыре раза. Кассар, быстро растратив обесценившиеся деньги, начал бесконечную тяжбу с купцами и правительством. Вскоре он по-настоящему стал нуждаться, хотя ему помогали его друзья-корсары, к примеру, Дюгэ-Труэн, который очень ценил Кассара. В 1736 году Кассар написал очень яростное письмо кардиналу Флери (первый министр Людовика XV), где не стеснялся в выражениях. Письмо заканчивалось так: «Я требую обратно свои 3 мил-

лиона ливров». Флери не стерпел таких оскорблений и настоял на заключении корсара в крепость. Последним прибежищем капера стала тюрьма в крепости Хэм, куда он был препровожден в июле 1736 года. Кассар умер в заключении 21 января 1740 года.

Приложение 7

Действия русского флота против морских крепостей

Предисловие авторов

Чем же отличалось взятие Корфу или Анконы от взятия Гибралтара? Мы взяли на себя смелость включить сюда небольшой рассказ из другой эпохи, который был бы интересен нашему читателю, но в то же время рассматривался в отечественной литературе достаточно односторонне. Речь, конечно, о Средиземноморском походе Ушакова. Пусть же уважаемый читатель сам сравнит действия Рука у Гибралтара или Нельсона у Мальты с действиями русского адмирала и сделает выводы. Мы лишь можем сказать, что нам, русским, можно гордиться взятием Корфу и Анконы.

Средиземноморский поход

ЧАСТЬ I КОРФУ И МАЛЬТА

Первой удачной десантной операцией английского флота стал, как ни странно, пресловутый день «Д» — высадка в Нормандии. Удивительно, но до этого события на память приходят лишь действия Дрейка против Картахены Индейской и Моргана против Панамы! Что же случилось с великими мореплавателями и их мощным

флотом? Не секрет, что после Войны за испанское наследство Ройал Неви полностью установил господство на море, вытеснив оттуда Францию и Голландию. Казалось бы, теперь на первый план должны выйти операции против берега, захват «ключевых точек», базирование на которые помогало бы защитить свою торговлю и в случае необходимости прервать морские коммуникации противника. Конечно же, французский флот раз за разом бросал вызов могуществу Ройал Неви, иногда нанося ему болезненные поражения. Адмиралтейство всегда учитывало этот фактор и побуждало своих адмиралов прежде всего уничтожить противника, поэтому по сумме очных встреч Королевский флот выглядит гораздо предпочтительней французов. Но вот захват сильно укрепленных, готовых к обороне морских крепостей не получался у островитян никак. А как же Гибралтар, Порт-Магон, Мальта, Тулон, спросит неискушенный читатель. При ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь большую роль сыграли не слаженные действия английских адмиралов и генералов, а удачное стечение обстоятельств. Например, захват Гибралтара стал возможным только потому, что морпехи Ройал Неви сумели взять в заложники жен и матерей защитников, укрывшихся в одном из монашеских скитов, и пригрозили в случае продолжения сопротивления убить их. Порт-Магон, приобретенный во время Войны за испанское наследство, просто не имел сколь-нибудь сильного гарнизона и сдался практически без боя. Порто-Белло, атакованный Верноном, защищался милицейскими частями и добровольцами, осаду Мальты Нельсоном даже осадой назвать сложно, а захват Тулона стал возможен только благодаря «пятой колонне» в лице роялистов. Удалась лишь осада сильно укрепленного Бель-Иля и Гаваны во время Семилетней войны. Действия же

Вернона против Картахены или Барклея против Сен-Мало были откровенно слабыми и провальными.

Особенно это заметно на фоне русских и французов. За это же время (1690—1790 гг.) армия и флот Франции смогли захватить такие сильно укрепленные морские крепости, как Картахена Индейская, Порт-Магон (дважды), Барселона (дважды), Алжир, Триполи, Мадрас. Действия французов отличались высоким профессионализмом, четким взаимодействием армии и флота, а также детальным планированием. Русский флот проявил себя в последней четверти XVIII века. Осады Св. Мавры, Корфу и Анконы с военной точки зрения просто великолепны. Другого слова не подберешь. В это же время Нельсон, только что одержавший свою знаменитую победу при Абукире, застрелял под Мальтой всерьез и надолго.

В связи с этим интересно было бы сравнить действия Ушакова и Нельсона, адмиралов, безусловно, умелых и талантливых. Противник у них был одинаковый, укрепления Корфу не слабее бастионов Ла-Валетты, эскадры у соперников были примерно одного состава¹, боевые действия шли в одно и то же время. Попробуем беспристрастно рассмотреть факты.

Прелюдия

Бонапарт

Египетский поход Бонапарта, устроенный французским генералом ради захвата богатств Востока и ограбления этого крупнейшего турецкого пашалыка, привел в действие все потайные пружины европейской и ближневосточной политики. «Восточная армия» еще

¹ Эскадра Нельсона — 14 линейных кораблей, Ушакова — 6 линейных кораблей и 7 фрегатов, из которых один был «линейным», плюс турки — 4 линейных корабля и 6 фрегатов.

только формировалась, но уже 4 февраля 1798 года до российского императора дошли слухи, что большой французский флот вышел из Тулона в неизвестном направлении. Павел I, считая, что Бонапарт идет к Крыму или к берегам Новороссии, приказал срочно выйти в море эскадре вице-адмирала Ушакова в составе 7 линейных кораблей, 5 фрегатов и 4 посыльных судов, дабы, «немедленно сыскав оную, дать решительное сражение».

Тем временем 19 мая того же года из Тулона отплыла французская эскадра в составе 13 линейных кораблей, 6 фрегатов, 10 корветов, 26 вспомогательных судов, а также 309 транспортов, загруженных 23 400 пехотинцами, 4000 кавалеристами с лошадьми, 3000 артиллеристами с пушками и 1000 человек нестроевого состава. 8 июня армада появилась у Мальты. Командующий экспедицией генерал Бонапарт потребовал впустить суда в гавань Ла-Валетты для пополнения запасов воды¹, но капитул Мальтийского ордена отказал ему в просьбе — согласно правилам, одновременно в порт могли зайти не более 4 военных кораблей иностранной державы.

10 июня 15 000 французских солдат высадились на Мальту, легко подавили очаги сопротивления и вплотную подошли к крепостям Ла-Валетта, Брига и Флориана. На тот момент в рядах ордена находились 332 рыцаря (большая часть из них — больные и старики) и 1800 наемников, которые сразу же после высадки дезертировали в стан врага. Часть братьев ордена были против ведения боевых действий, утверждая, что орден создан для борьбы с неверными и убивать христиан — большой грех. Однако гроссмейстер иоаннитов — фон Гомпеш — при-

¹ Стоит отметить, что на тот момент на французской эскадре запасов воды имелось на 40 дней, а еды — на 100 дней. Кроме того, в столице Мальтийского ордена не было источника пресной воды, поэтому повод для открытия военных действий был абсолютно надуман.

звал всех способных носить оружие на стены, и рыцари решили сражаться.

11 июня началась атака Ла-Валетты. Старые рыцари, еще не забывшие грозных битв с мусульманами, и в этот час показали образцы величайшей отваги и высокого военного духа: к примеру, 80-летний бальи де Тинье, у которого ноги не могли ходить, приказал вынести себя на стены, повторяя, что «во время битвы офицер должен быть на поле боя». Тем не менее превосходство французских войск в живой силе и вооружении было настолько велико, что к вечеру орден принудили к почетной капитуляции. На следующий день на борту французского флагмана «Орьян» было заключено соглашение, согласно которому, Мальта и острова Комино и Гоцо переходили под суверенитет Французской республики. Бонапарт бесстыдно разграбил музеи и церкви ордена, на острове остался отряд в 3065 французских гренадеров и 5 артиллерийских полков под командованием генерала Вобуа, а рыцарям-иоаннитам было приказано покинуть Мальту.

Нельсон

1 июля 30-тысячный французский экспедиционный корпус высадился в Египте, в Александрии. 15 июля турецкий султан обратился за помощью к правительствам России и Англии. Эскадра адмирала Горацио Нельсона в составе 14 линейных кораблей срочно направилась от берегов Сицилии к Александрии.

1 августа 1798 года корабли французского адмирала Брюэса были обнаружены стоящими на открытом рейде залива Абукир, в 13 милях к востоку от Александрии. 13 линейных кораблей, 4 фрегата и 4 брига, вытянувшись в линию, расположились в западном углу Абукирской бухты в следующем порядке:

Линейные корабли — «Геррье» (74 орудий), «Конкеран» (74), «Спартыят» (74), «Аквилон» (74), «Пепль Суверьен» (74), «Франклин» (80), «Орьян» (120), «Тоннан» (80), «Эрье» (74), «Меркьюр» (74), «Женерье» (74), «Гильом Телль» (74), «Тимолеон» (74).

Фрегаты — «Артемиз» (36 орудий), «Жустис» (40), «Даян» (40), «Сериез» (36) (около берега за линией кордебаталии).

Бриги — «Аллерт», «Реллер», «Эркюль» и «Саламин» (вне кордебаталии).

Брюэс допустил громадную ошибку, не организовав дозорной службы. Корабли французов стояли с большими интервалами между соседними мателотами (0,75 кабельтова вместо принятых в английском флоте 0,5 кабельта), большая часть из них была развернута носом к подходящей английской эскадре и не делала никаких попыток повернуться бортом. 3000 матросов были отправлены на берег за провиантом и пресной водой.

Сражение началось в 19.00, перед заходом солнца. Нельсон решил выйти в голову французской линии и атаковать двумя колоннами — по одной с каждого борта, поставив противника в два огня. Сильно рискуя, англичане быстро обошли остров Абукир (на мель только сел 74-пушечный «Каллоден» Трубриджа) и устремились на врага.

5 линейных кораблей (74-пушечные «Орион», «Тезеус», «Голиаф», «Одейшес» и «Зилус») под командованием Джеймса Самареза атаковали французскую кордебаталию со стороны берега, а еще 5 под командованием самого Нельсона на «Вэнгарде» — со стороны моря. Нельсон сократил дистанцию между мателотами до полукабелтова, и в результате на каждые 3 французских корабля приходилось 4 английских. Проходя мимо двух головных

французов, британцы поражали их продольными залпами, в результате к моменту подхода Нельсона «Геррье» и «Конкеран» уже не представляли собой никакой боевой ценности. Дивизион Самареца, пройдя вдоль берега, встал на шпринг и открыл беглый огонь по авангарду Брюэса. Поскольку французы так и не снялись с якоря, арьергард и центр не могли помочь авангарду. После подхода 74-пушечных «Вэнгарда», «Минотавра», «Дифенса», «Беллерофона» и «Мажестика» положение головных кораблей французов стало совсем отчаянным. Нельсон продвигался вперед, к флагману эскадры — «Орьяну». Около 20.00 подоспели отставшие корабли англичан — 74-пушечные «Свифтшур» и «Александер», а также 50-пушечный «Линдер». Они прорезали строй французов и обрушили продольные залпы на «Орьян», «Франклин», «Пепль Суверьен» и «Тоннан».

К 22 часам «Геррье», «Конкеран», «Спартыят», «Аквилон» и «Пепль Суверьен», получившие тяжелые повреждения и потерявшие волю к сопротивлению, сдались. В это же время ядро попало в крюйт-камеру 120-пушечного «Орьяна», и корабль взлетел на воздух. Взрыв оказался столь мощным, что 15-тонный киль флагмана подбросило вверх, он бухнулся в воду в 1000 метрах от места катастрофы; кусок мачты упал на палубу «Свифтшура» (позже капитан Халлоуэл сделал из него гроб, который торжественно подарил Нельсону). Вместе с флагманом погиб и командующий эскадрой адмирал Брюэс.

Сильно поврежденный «Тоннан» под командованием Дюпти-Тюара продолжал доблестное сопротивление. Ядрами командиру корабля сначала оторвало ногу, потом вторую, потом руку. Матросы перенесли своего командира в кадку с пшеничными зернами, которая сразу наполнилась кровью. Чувствуя, что умирает, Дюпти-Тюар требовал «взорвать этот чертов сундук, но не сдаваться». Команда обрубала якорный канат, и «Тоннан» снесло к берегу.

«Александр», «Тезеус», «Голиаф» и «Мажестик» атаковали фрегат «Артемиз», подожгли его и заставили выброситься на берег, сдрейфовавшие на мель «Эрье» и «Меркьюр» были бомбардированы и подожжены.

К 6 часам утра 2 августа французский флот представлял из себя жалкое зрелище — «Тоннан», сильно разбитый, стоял, приткнувшись к мели, также как и выбросившийся на побережье «Тимелеон»; «Гильом Телль», «Жустиз», «Женерье» и «Даян» под командой адмирала Вильнева смогли уйти, доблестный «Зилус» пытался их преследовать, оправдывая свое название¹, но быстро отстал, поскольку имел сильно обросшее днище. В конце концов Нельсон отозвал своего преследователя обратно.

Сидевшие на мели полуразбитые «Тоннан», «Тимелеон» и «Франклин» были захвачены 2—3 августа. Французы потеряли 1400 человек убитыми и 600 — ранеными, по воспоминаниям очевидцев, «целый залив был покрыт трупами, частями человеческих тел, ранеными и обожженными, на которых практически не было одежды». Потери англичан оказались небольшими — 213 человек убитыми, 677 — ранеными. В этом бою Нельсон опять был ранен — пуля попала ему в голову, кровь шла очень обильно, боялись даже, что адмирал может умереть. Однако кровотечение удалось остановить, и в конце сражения он опять вышел на капитанский мостик. Но самое главное — англичане уничтожили флот Леванта, теперь армия Бонапарта оказалась отрезанной от метрополии, и египетская авантюра сразу же оказалась обречена на поражение.

Ушаков

После победы Нельсона при Абукире союзники решили полностью выгнать французов из Италии, занять Ионические острова, Мальту и начать вторжение во Францию.

¹ Zealous (англ.) — рьяный.

13 августа 1798 года эскадра вице-адмирала Ушакова вышла в Средиземное море. Состав эскадры был следующим:

Линкоры — «Святой Павел» (84 орудия), «Святой Петр» (74), «Захарий и Елисавет» (74), «Богоявление Господне» (72), «Святая Торица» (72) и «Мария Магдалина» (66).

Фрегаты — «Григорий Великая Армения» (60 орудий), «Михаил» (50), «Богородица Казанская» (46), «Сошествие Святого Духа» (46), «Навархия Вознесение Господне» (46), «Святой Николай» (46) и «Счастливый» (36).

Бриги — «Святая Ирина» (18 орудий), «Красноселье» (14), «Панагия Апотуменгано» (14).

Черноморцы должны были соединиться в Константинополе с турецкими кораблями и проследовать в Средиземное море для борьбы с французскими каперами, а также помощи Нельсону и союзным войскам в Италии. Благодаря усилиям русского посла в Турции Василия Степановича Томары уже 19 августа Блистательная Порта и Российская империя заключили соглашение, согласно которому, Проливы открывались для русских линкоров, и Ушаков мог пройти в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы. 22 августа султан объявил войну Франции. Через два дня эскадра Ушакова прибыла в Константинополь.

Даже опытные дипломаты не могли поверить этому факту — два смертельных врага, Россия и Турция, объединились в военном союзе против революционной Франции! Граф Безбородко, стоявший у руля российской политики, писал послу в Англии графу Воронцову: «Надобно же вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть: союз наш с Портою и переход флота нашего через канал».

Стоянка в Царьграде заняла две недели — Турция спешно строила корабли и вооружалась. Знаменитый французский корабельный инженер Ле Брюн разрабатывал султану Селиму III отличные линкоры, в совершеннейшее восхищение ввел

Ушакова строящийся на стапеле 120-пушечный «Мессудие»¹. Все корабли турков имели медную обшивку днища, развитое парусное вооружение, рациональные обводы корпуса.

8 сентября русские покинули рейд Константинополя и направились к Габа-Топэ, а 9-го в проливе Дарданеллы к русской присоединилась турецкая эскадра из 4 линейных кораблей, 6 фрегатов, 4 корветов² и 14 канонерских лодок под командованием капудан-паши Кадыр-бей³. Первой задачей, стоявшей перед Ушаковым, был захват базы, что позволило бы решить проблемы с ремонтом кораблей, покупкой провианта и вооружения. Для этой цели очень подходили Ионические острова (Корфу, Кефалония, Св. Мавра, Итака, Занте, Цериго, Паксо, Фано, Каламо, Меганисси, Касперо, Цериготто, Антипаксо, группа мелких островков Строфады, или Стривали), протянувшиеся вдоль побережья Эпира и Морей. Населенные греками, дружественными русским, обладающие хорошими гаванями (Занте) и сильными крепостями (Корфу и Св. Мавра) — это было идеальное место для русских кораблей. В свою очередь, Нельсон также хотел захватить Ионические острова, но, будучи прекрасным адмиралом, англичанин был отвратительным дипломатом и сумел настроить Ушакова и турок против себя. Триумфатор Абукира смог немного ослабить союзников-соперников, вытребовав для блокады Александрии отряд капитана 2-го ранга Сорокина в составе 2 русских фрегатов («Богородица Казанская» и «Михаил»), 2 турецких фрегатов и 10 турецких канонерских лодок, но не смог отвадить Кадыр-бей и русских от Ионических островов.

24 сентября 1798 года соединение Ушакова подошло к острову Китира (Цериго).

¹ Ушакову удалось уговорить Ле Брюна переехать в Россию. Благодаря этому французскому инженеру в российском флоте появились добротные 120- и 110-пушечники.

² Список этот приведен в конце книги.

³ По-турецки — «Абдылкадыр бек».

Операции против берега

Нельсон

2 сентября 1798 года Мальта восстала, поскольку коренному населению быстро надоели поборы и издевательства французов. Остров сотрясали голодные бунты, даже французский гарнизон испытывал трудности со снабжением. Созванное 4 сентября Мальтийское собрание решило поднять флаги Неаполитанского королевства и обратиться к королю Фердинанду с просьбой о помощи. Восстание возглавили Мануэль Виталь, граф Мадьюка, маркиз Депиро, граф Тиума и другие знатные мальтийцы. Французский гарнизон маленькой крепости Нотабль (предместья Ла-Валетты) был полностью уничтожен, в считанные дни весь остров был полностью очищен от французов, 2700 солдат Республики укрылись в крепости Ла-Валетты. 14 сентября в гавань мальтийской твердыни прибыли спасшиеся после Абукира 74-пушечный корабль «Гильом Телль», а также 40-пушечные фрегаты «Жустис» и «Даян», которые сразу же усилили оборону крепости с моря. Тем не менее восставшие установили сухопутную блокаду Ла-Валетты, получать провиант и порох французы теперь могли только морем.

Но еще 12 сентября Нельсон, занятый блокадой египетской Александрии, послал к острову небольшую португальскую эскадру из 5 кораблей под командованием маркиза де Низа. Португальцы появились у стен Ла-Валетты только 19-го и (поскольку крепость иоаннитов считалась сильнейшей в мире) ограничились дальней блокадой, которая никак не помешала французам провести в осажденный город конвой с провиантом. 23 сентября у Мальты появилось соединение Джеймса Самареза, идущее с призами, захваченными при Абукире, в Англию. Самарез временно присоединился к маркизу де Низу и послал парламентеров к Вобуа с предложением

сдать крепость. Французский генерал твердо ответил «нет» и 6 октября провел неожиданную вылазку в Нотабль, которая, правда, закончилась ничем. Англичане сгрузили мальтийским инсургентам 1062 мушкета и боеприпасы к ним, после чего отплыли в Гибралтар. Тем временем французский гарнизон, продолжая терпеть очень большую нужду в провианте, начал изгонять из Ла-Валетты коренных мальтийцев, что еще более озлобило восставших.

Ушаков

Еще перед походом граф Безбородко сформулировал задачу эскадре Ушакова. 15 августа он писал Воронцову, что в связи с поражением французов при Абукире русские должны *«овладеть островами венецианскими (т.е. Ионическими)»*, согласовав свои действия с действиями Нельсона, и, *«охраняя берега итальянские, способствовать блокаде Мальты»*. Ушаков разделял эти взгляды, считая, что черноморской эскадре прежде всего нужна база в Адриатике, дабы поддержать действия армии Суворова в Италии и обеспечить бесперебойный ремонт и снабжение кораблей. 24 сентября два русских фрегата — 60-пушечный «Григорий Великия Армении» и 46-пушечный «Сошествие Святого Духа» — под флагом капитан-лейтенанта Ивана Андреевича Шостака подошли к острову Цериге, первому в цепи Ионических островов. Малочисленный гарнизон французов (350 человек) сосредоточился в крепости Капсали, защищенной высокими стенами. 28 сентября Шостак высадил десант (150 человек), который занял предместные укрепления в местечке Айос-Николаос. На следующий день к острову подошла эскадра Ушакова в составе 10 линейных кораблей, 5 фрегатов и 11 вспомогательных судов. 29-го с фрегатов «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» у Капсали был высажен десант из 550 гренадер и установлены две артиллерийские батареи (8 орудий).

Рано утром 1 октября осажденная крепость подверглась сильнейшему обстрелу с суши и моря. Корабли вплотную подходили к стенам Капсали, становились на шпринг и вели мощнейший огонь по укреплениям французов. Французы сначала энергично отвечали, но со временем пушки форта начали замолкать одна за другой. К 12 часам дня осажденные выкинули белые флаги, а к вечеру французский гарнизон подписал капитуляцию, и русские вошли в крепость.

Греческое и итальянское население острова ликовало — Ионические острова, долго принадлежавшие Венецианской республике, не знали сильных притеснений и межконфессиональной резни. Все это началось с появлением французов 27 июля 1797 года, когда генерал Жантильи захватил эти острова. Грабежи, вымогательство, контрибуции — вот неполный перечень деяний тех, кто нес на знаменах слова «Свобода. Равенство. Братство». Ситуация вскоре еще более ухудшилась — французы решили поддержать стремление к самостоятельности пашы Али Янинского, правителя Эпира и Албании, и этот мусульманский изверг устроил грекам и итальянцам настоящую резню: 6000 человек были замучены, обезглавлены, уничтожены за полгода. Православных и католиков сжигали живьем, вешали, отрезали носы и уши, выкалывали глаза, раздробляли руки, ноги, половые органы, женщин насиловали и отрезали груди... Поэтому не стоит удивляться, что Ушаков, установивший на занятой территории подлинно республиканский строй и прекративший насилие над христианами, по сравнению с французами и турками казался островитянам чуть ли не богом.

6 октября русская эскадра взяла курс на следующий большой остров — Занте. Вперед были высланы все те же два фрегата под командованием Шостака, которые вступили в перестрелку с береговыми укреплениями французов. 13 октября к острову подошел Ушаков. Вечером был высажен десант из 350 русских и турецких солдат, небольшая

крепость, в которой засели французы (500 человек), была блокирована. Шостак послал парламентаря к начальнику гарнизона полковнику Люкасу с предложением сдаться, но оно было отклонено. Ушаков наметил штурм на 10 утра 14 октября, однако в 11 часов ночи 13 октября появился парламентар от французов с предложением обсудить условия сдачи. Русские дали согласие на почетную капитуляцию, и в 8 часов утра гарнизон вышел из крепости с развевающимися знаменами, оружием и личными вещами. По условию договора все награбленные французами ценности были оставлены в крепости. Солдатам и матросам Ушакова пришлось защищать французов, на которых очень хотели наброситься разъяренные жители острова. Не повезло тем пленникам, кто попал на суда Кадыр-бей: их сразу же заковали в кандалы и поставили гребцами на галеры, однако по просьбе русского вице-адмирала их вскоре отправили в Константинополь.

15 октября Ушаков высадился на Занте и объявил, что на этом острове подобно Цериго он предлагает всем гражданам избрать себе совет из самых достопочтенных и уважаемых островитян, который бы управлял ими. В ответ толпа начала кричать, что не хочет никакого иного правителя, кроме русского царя. Распоряжение вице-адмирала частично выплачивать островитянам долги французов лишь усилило подобные настроения. С одной стороны, это, конечно, очень порадовало Ушакова, но с другой — такой поворот событий мог вбить большой клин между русскими и турками, поэтому «Ушак-паша» настоял на скорейшем формировании правительства Занте по образцу Цериго.

Победы союзников вызвали цепную реакцию — 13 октября восстали жители Кефалонии. На помощь им был отправлен отряд капитана второго ранга Ивана Степановича Поскочина в составе 72-пушечного корабля «Святая Троица», фрегатов «Сошествие Святого Духа» (46 орудий), «Счастли-

вый» (36 орудий) и одного 44-пушечного турецкого фрегата. 15 октября Поскочин подошел к острову и высадил десант из 56 солдат для овладения городом Аргостолион. Малое количество высаженных не должно вводить в заблуждение — крепость эту уже осаждали около 6000 восставших островитян. На следующий день с кораблей на берег отправили еще 164 человека, на этот раз к крепости Ликсурион. Уже 16 октября французы оставили эти укрепленные позиции и отошли к городам Ассос и Сталамье. Возглавивший оборону Кефалонии полковник Ройе понимал, что его силы в 350 человек просто смехотворны, поэтому 17 октября сдался инсургентам. Обезумевшая толпа хотела разорвать француза заживо, но русские отбили пленных и отправили их на корабли. В Кефалонии черноморцы захватили богатые трофеи, Ушаков писал, что комендант острова *«не заклепал ни одной пушки»*.

Несмотря на резвый старт, русский адмирал понимал, что основные бои еще впереди. Острова Святая Мавра (Санта-Маура) и Корфу были очень сильно укреплены, имели большое количество орудий и сильные гарнизоны. Кроме того, на Корфу присутствовали корабли французов.

Тем временем из Севастополя на помощь Ушакову была послана эскадра капитана 1-го ранга Павла Васильевича Пустошкина в составе 2 линейных кораблей (74-пушечные «Святой Михаил» и «Симеон и Анна»), бригантины «Феникс», использовавшейся как войсковой транспорт, и шхуны № 1, но к Ионическим островам соединение подошло только в конце января.

Корфу — Мальта

Ушаков

Перед штурмом Корфу Ушаков решил выбить французов с острова Святой Мавры, обладавшего довольно сильными укреплениями. Там засели 500 французских гренадеров при

70 пушках, которые решили сражаться, пока не исчерпают для этого все возможности. Еще 16 октября отряд из 74-пушечного корабля «Святой Петр», 46-пушечного фрегата «Навархия Вознесение Господне», а также турецкого линкора и фрегата под общим руководством капитана 1-го ранга Дмитрия Николаевича Сенявина отправился к Санта-Мауре, но вскоре возникли очень опасные обстоятельства. Дело в том, что Али-паша Янинский (формально — союзник России в войне с Францией) вошел в тайный сговор с комендантом острова полковником Миоллетом, предлагая сдать крепость за 30 000 золотых червонцев и свободный выход гарнизона из города в любой порт, принадлежащий Франции. Али просто хотел присоединить этот остров к своему пашалыку и получить стратегическую крепость, ограждавшую его владения от десантов с моря. Это помогло бы ему отделиться от турецкого султана и завоевать самостоятельность, но подобное развитие событий не входило в планы Ушакова.

21 октября на материке, отделенном от острова узким и мелководным проливом, были высажен десант в 160 человек при 12 орудиях, который сразу же начал бомбардировку цитадели. К концу октября количество свезенных на берег орудий достигло 30, а солдат было высажено 674 человека. Ушаков, отрядив большую часть сил на блокаду Корфу, с 4 линейными кораблями («Святой Павел», «Мария Магдалина» и два турецких) и 3 фрегатами («Сошествие Святого Духа», «Счастливый» и турецкий фрегат) поспешил к Святой Мавре. Миоллет, узнавший о столь значительных подкреплениях, пришедших к осаждающим, сообщил, что согласен на почетную сдачу, но Федор Федорович отказал ему в этой просьбе. На 1 ноября был назначен штурм крепости, однако утром над цитаделью взвился белый флаг. Гарнизон в составе 466 солдат

и 46 офицеров сдался на милость победителю, в крепости были захвачены 2 знамени, 59 пушек и провианта на 2 месяца. 3 ноября была подписана капитуляция, пленных погрузили на фрегат «Сочествие Святого Духа», который отплыл к Константинополю. Ушаков же поспешил к Корфу.

Нельсон

24 октября эскадра Нельсона появилась у берегов Мальты. Он обнаружил, что инсургенты полностью блокировали Ла-Валетту, захватили форты Рикасоли, Коррадина, Самра, Заббар, Зейтун и Мануэль. Таким образом, крепости (Валетта, Флориана, Биргу, Санта-Анжело, Сенглея, Сент-Эльмо и Санта-Мargarита), в которых укрылись французы, оказались полностью окружены. Однако в военном деле восставшие были полные младенцы — они даже не смогли сообщить англичанам, пушками каких калибров они располагают. Нельсон отмечал, что мальтийцы, кроме всего прочего, не располагали мортирами и тяжелыми орудиями, столь необходимыми для осады таких сильных укреплений, какими являлись форты Ла-Валетты. В отличие от своего русского коллеги английский адмирал не решился на прямой штурм крепости, вместо этого он решил снабдить восставших боеприпасами и провиантом. Инсургентам были переданы 20 бочек пороха и большой запас провизии. К Вобуа были еще раз посланы парламентареры с предложением сдаться, в чем им повторно было отказано. 28 октября мальтийцы атаковали крепость на острове Гоцо, где в плен были взяты 200 французов, а также захвачены 15 пушек и немного пороха. Однако это был частный успех. Самое примечательное, что инсургенты взяли Гоцо без помощи английской эскадры, которая за все время штурма не истратила ни единого ядра. Вместо этого Нельсон начал писать письма

неаполитанскому королю, призывая его прислать войска, оснащенные осадной техникой.

Можно лишь гадать, с какой тоской и злобой узнавал английский адмирал об успехах маленькой эскадры Ушакова. Ведь после Абукира на первый план перед английским флотом вышли задачи действий против берега, в чем он был традиционно не силен (не в пример русскому флоту, который во всех войнах действовал в тесном контакте с сухопутными силами и подобно французам умел брать крепости с моря). Нельсон и сам понимал, что, хотя о блокаде Мальты было громогласно объявлено еще в середине сентября, назвать действия его эскадры блокадой очень сложно. Они, скорее, походили на бессмысленные крейсирования между Египтом и Италией¹. Страдая «осадной импотенцией», Нельсон тем не менее надеялся, что Ушаков обломает зубы о форты Корфу. Оставив на входе в Большую гавань Ла-Валетты соединение из 3 кораблей под командой кэптана Александра Болла, Нельсон ушел в Неаполь.

Ушаков

Крепость Корфу, построенная венецианцами и усиленная французами, считалась одной из самых мощных в Европе, сравнимой с цитаделями Ла-Валетты. На мысе Сидеро на высоте 64 метров находилась Старая крепость, отделенная от города глубоким каналом, через который был перекинут подъемный мост. С суши город был защищен Новой Крепостью, частью вырубленной в скале, а также тремя фортами — Абраам, Сан-Роке и Сальватор, которые были соединены между собой подземными ходами. С моря

¹ Иногда создается впечатление, что после разгрома французов при Абукире средиземноморская эскадра англичан потеряла цель. Как оказалось — флот, созданный для борьбы с другим флотом, совершенно не умел решать другие задачи!

Корфу прикрывала цитадель, расположенная на маленьком скалистом, господствовавшем над местностью островке Видо, где были устроены 5 батарей и центральный редут, соединенные засеками.

Гарнизон крепости в 3700 солдат (из которых 821 человек под началом генерала Пивра находились на острове Видо) командовал генерал Шабо. Общее количество орудий, размещенных на фортах, составляло 650 единиц, гарнизон был обеспечен полугодовым запасом продовольствия. В гавани Мандракио расположились военные корабли и суда французов, среди которых стоит выделить 74-пушечный «Женерье» (тот самый, который смог убежать от Нельсона при Абукире), 54-пушечный «Леандр» и 32-пушечный «Брюн», один бомбардирский бот и 6 галер.

24 октября 1798 года, в тот же день, когда Нельсон подошел к Ла-Валетте, у крепости Корфу появился русско-турецкий отряд капитана 1-го ранга Ивана Андреевича Селивачева в составе 74-пушечных «Захарий и Елисавет» и «Богоявление Господне», 60-пушечного «Григорий Великия Армении», а также 1 турецкого корабля и 2 фрегатов. Селивачев организовал плотную блокаду Корфу, линейный корабль «Женерье», ввязавшийся в бой 27 октября с «Захарием и Елисавет», был отбит и ушел в пролив между островами. 29 октября «Женерье» столкнулся с «Богоявлением» и меткими выстрелами смог сбить бизань-мачту. Однако ответный огонь русских артиллеристов был не менее точным — у француза отстрелили бушприт, пробили палубу, повредили рангоут¹. В этот же день «Богоявление»

¹ Подготовка черноморских комендоров была великолепной. Дабы стимулировать профессиональные навыки у артиллеристов, Ушаков еще во времена русско-турецкой войны учредил денежные призы за точную и быструю стрельбу. В результате меткость русских комендоров часто была феноменальной. Это очень помогло Ушакову в Средиземноморской экспедиции.

смог захватить 18-пушечную шебеку, груженную вином и провиантом, которая вошла в состав русской эскадры под именем «Святой Макарий».

31 октября на подмогу к Селивачеву подошел Поскочин с линейным кораблем «Святая Троица», двумя турецкими фрегатами и корветом. 9 ноября к Корфу подошел Ушаков с 4 линейными кораблями и 3 фрегатами (отряд Сенявина остался у Св. Мавры). Около Видо отряд Ушакова сбил небольшую 7-орудийную полевую батарею на маленьком островке Лазоретто. Сразу же начались высадка десанта у полуразрушенного города Гуино, покинутого французами, и установка береговых батарей — русский вице-адмирал стремился как можно быстрее взять Корфу, пока у него есть союзники-турки, пока не начались осложнения с Англией, пока французы не получили подкреплений.

А проблем было выше головы. Али-паша вопреки фирману султана не спешил посылать войска к крепости, рассчитывая захватить ее под шумок сам. Кончались провизия и деньги для ее закупки. *«Недостатки наши, — писал русский вице-адмирал, — во всем были беспредельны».* Ушаков вмешался в дела на материке, объявив захваченные албанцами Паргу, Бутринто, Преверзу и Воницу под российским покровительством, дабы прекратить разбой и насилие, развязанные Али-пашой. Меж тем Янинский Али мог выставить до 40 тысяч пехоты и до 10 тысяч конницы, но, по словам Федора Федоровича, *«опасался только бытности моей здесь с российской эскадрой и сил наших соединенных. Под ласковым видом старался мне льстить и обманывать».* К счастью, Ушакова поддержал Кадыр-бей, который с отвращением смотрел на козни и интриги озверелого албанского сатрапа, а поскольку за капудан-пашой стоял Сераль султана Турции, Али был вынужден умерить свои аппетиты. В результате нападения со

стороны албанцев можно было не опасаться, но и помогать Али никому не собирался. Что ж, хоть на этом спасибо.

Ушаков ждал подкреплений. 22 ноября появился Сенявин. 28 ноября из Константинополя вернулся фрегат «Сошествие Святого Духа», который занял позицию на юге острова. 9 декабря вернулся отправленный в сентябре на помощь Нельсону отряд Александра Андреевича Сорокина в составе 46-пушечных фрегатов «Богородица Казанская» и «Михаил», а 30 декабря у берегов Корфу появились 2 линейных корабля и 2 транспорта с войсками и провиантом каперанга Пустошкина. Всеми правдами и неправдами удалось стянуть к Корфу 4000 турок. Ушаков начал готовиться к штурму.

Командир французского «Женерье» Ле Жель решил попытаться вырваться из ловушки. Перекрасив паруса в черный цвет, в ночь с 26 на 27 января 1799 года французы вышли в море, направившись в сторону дозоров турецких кораблей. Проскользнув мимо 74-пушечного турецкого корабля, француз вырвался в открытое море. Вскоре вперёдсмотрящие со «Святого Павла» заметили беглеца, и Ушаков объявил общую погоню, но, к негодованию командующего, корабли, бывшие ближе всех к «Женерье», проигнорировали приказ адмирала¹.

Вообще, хотя численность турецких войск была довольно значительной (около 5000 человек), по словам историка Тарле, *«они, не желая сражаться, во время своего пребывания на Корфу обнаруживали большую энергию в грабежах, буйствах, нападениях на церкви с целью их ограбления и т.д.»*, поэтому помощи от них было мало. Время поджимало, французы осмелели и организовывали дерзкие вылазки, терпеть далее со штурмом было невозможно.

¹ Это были «Богоявление Господне» капитана 1-го ранга Алексиано и «Захарий и Елисавет» капитана 1-го ранга Селивачева.

18 февраля 1799 года в 7 часов утра 11 линейных кораблей, 11 фрегатов, 1 корвет и 5 вспомогательных судов, подойдя к острову Видо, открыли адский огонь. Эскадра расположилась полукругом с северной стороны острова — русские составили первую линию, а турки — вторую. Одновременно батареи Гуино, а также вошедшие в пролив между Видо и Корфу 74-пушечные «Святой Петр», «Богоявление Господне» и 46-пушечный «Навархия Вознесение Господне» начали бомбардировку Новой крепости, имея также задачей не пропустить подкрепления к острову Видо.

54-пушечный «Леандр» и 32-пушечный «Брюн», пытаясь оказать поддержку батареям Видо, ввязались в бой с «Богоявлением», но точная стрельба черноморцев поставила все на свои места. «Брюн» бежал под защиту батарей Корфу, а тяжело поврежденный «Леандр» не смог уйти от русских кораблей и спустил флаг.

К 10 часам утра две из пяти батарей Видо были сбиты, и началась высадка 2172 солдат (из них 750 турок), которые были заранее посажены на шлюпки. Решительным ударом десант занял батареи и, несмотря на упорную оборону французов, направился к центральному редуту. К 12 часам сопротивление гарнизона было сломлено. Выбитые с позиций французские гренадеры пытались переплыть на шлюпках через пролив, но были потоплены огнем с кораблей. Только 150 человек смогли добраться до Корфу, бригадный генерал Пивр, 20 офицеров и 402 солдата сдались на милость победителя. В 14.00 на башне Видо взвился российский флаг¹.

В этот же день, развивая успех, 900 солдат, высаженных с кораблей, захватили форты Сальватор и Абраам, в то время как эскадра продолжала обстрел Старой крепости.

¹ И это было справедливо — в этот момент на Видо не было НИ ОДНОГО турецкого солдата. Высадившиеся 750 турок отказались идти в бой и были вывезены на корабли.

Французы попытались отбить форты, но ожесточенный бой продлился до темноты и не принес им счастья, к вечеру осажденные отступили в Старую крепость. Потери русских в этот день: убитых 52, раненых 155; потери турок: убитых 61, раненых 42.

Утром 19 февраля из ворот Старой крепости появились французские парламентареры. Они отдали следующее письмо Ушакову:

«Господин адмирал!

Мы думаем, что бесполезно жертвовать жизнью многих храбрых воинов российских, турецких и французских для овладения Корфою. Вследствие сего мы предлагаем вам перемирие на сколько времени вы рассудите для постановления условий о сдаче сей крепости. Мы приглашаем вас к сообщению нам по сему намерений ваших для прекращения кровопролития. Если вы сего желаете, то мы составим намериваемые нами предложения, буде вы не предпочтете сами сообщить нам о предложениях ваших».

Стремительная атака русских ошеломила Шабо, взятие «ключа к Корфу» — острова Видо, а также фортов Абраам и Сальватор, по мнению французского генерала, поставила крест на обороне крепости. К вечеру была подписана капитуляция. В плен попали генеральный комиссар Французской республики, три генерала, 2931 человек, 629 орудий, «ружей годных 5495, бомб разного калибра чиненых 545, не чиненых 36 849, гранат чиненых 2116, не чиненых 209, древгаглов 1482, ядер чугунных разных калибров 137 тысяч, книппелей 12 708, пуль свинцовых ружейных 132 тысячи, пороху разных сортов 3060 пудов, пшеницы немолотой в разных магазинах до 2500 четвертей и... морского и сухопутного провианта по числу французского гарнизона месяца на полтора,

также оказалось во многих магазинах по разным должностям припасов и материалов немалое количество». Кроме этого — корабль «Леандр», фрегат «Брюн», бомбардирское судно «Фример», поляка «Экспедисьон», 9 галер, 3 торговых судна и 3 бригантины.

Суворов, прознавший о взятии Корфу, писал Ушакову: «Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: “Природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!..” Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»

Султан Селим III, восхищенный действиями Ушака-паши, пожаловал ему табакерку, осыпанную бриллиантами, бриллиантовое перо (челенг) на головной убор, 1000 червонных, соболью шубу и для раздачи команде 3500 червонных. Павел I произвел его в адмиралы флота

Нельсон

28 октября 1798 года Директория отдала приказание министру флота отыскать возможности для снабжения Мальты. Тайные переговоры с Али-пашой привели к тому, что албанские шебеки, груженные продовольствием, под прикрытием турецкого флага прорывали хлипкую блокадную линию из 3 английских кораблей и разгружались в гавани Ла-Валетты. Консул Бельвилль в Генуе подрядил для поставок продовольствия на Мальту некоего капитана Каватца, который в январе-феврале 1799 года на своей поляке «Галатье» совершил два похода к острову, груженный рисом, вином, водой, лекарствами, досками, одеждой и т.п. Многие пользовались затруднительным положением французов, вынужденных платить за подобные услуги вперед. Так, некто Сиди Осман (албанский купец) обманул французских эmissаров, взяв деньги и исчезнув с ними.

6 декабря 1798 года к Мальте прибыли неаполитанские фрегаты «Сирен» и «Аретьюза», вооруженные, кроме всего прочего, двумя мортирами, с которыми, однако, никто из итальянцев не умел управляться. К 20 декабря из Гибралтара прибыли три бомбардирских судна — английские 8-пушечные «Бульдог», «Персеус» и «Стромболи», вооруженные 13- и 10-дюймовыми мортирами, но эти суда имели с собой в запасе только 46 ядер, что было совершенно недостаточно для бомбардировки такой крепости, как Ла-Валетта. В результате мортирные батареи были развернуты лишь к 29 декабря. Только через два дня началась бомбардировка крепости и рейда. Несколько ядер попало во фрегат «Жустис», находившийся в Большой гавани (Гранд-Харбор). С 9 по 13 января 1799 года бомбардирское судно «Персеус» возобновило бомбардировку города, чтобы прикрыть высадку английских войск на Мальте. Пользуясь тем, что французы были заняты контрбатерейной борьбой, на остров высадились 17 батальонов экспедиционных сил и два полка артиллерии, которыми командовал кэптен Вивон.

19 января бомбардирские суда были отосланы к Сиракузам для пополнения боеприпасов и посадки на борт еще 3 батальонов морской пехоты. Неаполитанские артиллеристы показали свою полнейшую беспомощность — их 9-дюймовые мортиры не раз открывали огонь по своим союзникам. Разозленный кэптен Болл в сердцах однажды заметил: «Если их случайно накроет вражеская батарея, это будет гораздо полезнее для общего дела». Тем не менее канониры Вивона сумели повредить стоявшие в гавани «Гильом Телль», «Жустис» и «Даян», которые были перемещены в гавань Марсамксетт, расположенную с другой стороны крепости Валетта, вне зоны действия огня британских орудий. 9 февраля Болл пишет Нельсону, что он очень удовлетворен тремя артиллерийскими офицерами,

присланными из Мессины, но уже ко 2 марта один из них умер от лихорадки, а двое оказались «опасно больны». В том же письме Болл выражал надежду, что Нельсон поспособствует отправке дополнительного количества 13-дюймовых мортир к Ла-Валетте, поскольку это ускорило бы взятие Мальты.

Нельсон же, занятый шашнями с леди Гамильтон, полностью самоустранился от осадных действий. Действия Ушакова при Корфу оказалось холодным душем для английского адмирала. «Поведение русских не лучше, чем я всегда ожидал, и я считаю возможным, что они своим поведением принудят турок заключить мир с французами вследствие еще большего страха перед русскими», — писал Нельсон 27 декабря 1798 года Спенсеру Смиту. 10 января 1799 года он пишет Боллу: «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к острову (Мальте). Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с Корфу, то адмирал — негодай (he is blackguard)».

Тем временем статс-секретарь по иностранным делам Великобритании В. Гринвил заявлял в декабре 1798 года русскому послу в Лондоне С.Р. Воронцову, что «если Павел пожелает получить Мальту», то Англия «с искренним удовольствием на это согласится». В таком же духе был проинструктирован и английский посол в Петербурге Ч. Уитворт. «Король отрекается за себя от всякой мысли или желания удержать за собой Мальту как британское владение», — писал ему Гринвил в начале 1799 года. 24 декабря 1798 года английский посол официально информировал Безбородко о предложении лондонского кабинета ввести на Мальту военные гарнизоны трех союзных держав — Англии, России и Неаполя. Поскольку Павел I после отречения фон Гомпеша считался гроссмейстером Мальтийского ордена, ни у кого не возника-

ло сомнений, что при таком раскладе после завоевания Мальты она станет еще одной российской провинцией. Взамен Британия просила союзников разрешить ей вернуть Минорку с Порт-Магоном, на что Австрия, Неаполь и Россия сразу же согласились. Нельсон же был одним из наиболее упорных противников идеи Гринвила об установлении совместного с Россией контроля над Мальтой. Он прямо заявлял о том, что обладание Мальтой «даст большое влияние на Левант и на всю южную часть Италии. Из этих соображений я надеюсь, что мы ее никогда не отдадим». Таким образом, становится понятным, что адмирал выступал против собственного правительства! Вот уж действительно отличный пример для будущих поколений!

Нельсон оказался в патовой ситуации — с одной стороны, ему хотелось как можно быстрее взять Мальту, чтобы доказать, что он не хуже Ушакова. С другой стороны, разбить французский гарнизон сейчас — значило подарить Мальту России. Нельсон решил выждать. Он задержал переброску мортир под Ла-Валетту и приказал отвести бомбардирские суда Ройал Неви в Сиракузы. В своих письмах к Боллу он предлагал последнему отказаться от решительных действий и по возможности не помогать инсургентам и неаполитанцам.

ЧАСТЬ II АНКОНА И МАЛЬТА

В первой части мы рассмотрели боевые действия на Средиземном море в период с мая 1798-го по февраль 1799 года. За это время произошло множество событий — Бонапарт сумел захватить Мальту и высадиться в Египте, Нельсон разгромил французский флот при Абукире, Ушаков взял Ионические острова и крепость Корфу. Осада Мальты, начатая Нельсоном еще в сентябре 1798 года, была далека от завершения, более того, блокада острова велась из рук вон

плохо. Чем же в этот момент был занят победитель Абукира? Может быть, у британской средиземноморской эскадры были дела поважнее Ла-Валетты?

Для выяснения всех нюансов сложившейся ситуации вернемся немного назад — в тот самый сентябрь 1798 года, когда корабли английского адмирала появились у берегов Мальты.

Прелюдия

Нельсон

11 сентября 1798 года сэр Горацио Нельсон впервые пришел к берегам Неаполя. Триумфатора Абукира город встретил несмолкаемыми овациями, он был представлен королю Фердинанду и королеве Каролине, на этом же приеме он впервые увидел Эмму Гамильтон — бывшую шлюху ист-эндских кварталов, на которой женился престарелый лорд Гамильтон. Эта женщина разожгла пожар любви в сердце Нельсона, но она же заставила адмирала предать интересы Британии. Интересно, почему никто из многих тысяч исследователей не обратил внимания, что сэр Горацио устранился как от блокады Мальты (оставив сию почетную обязанность Александру Боллу с тремя линейными кораблями), так и от блокады Александрии (там руководил англичанами сэр Сидней Спенсер Смит)? Ведь прямая обязанность Нельсона как главнокомандующего военно-морскими силами в Леванте — это захват и удержание морских крепостей, уничтожение каперов Республики, прерывание торговых путей противника и блокада французской армии в Египте. Не сумев решить большинство этих задач, Нельсон ухитрился еще более усугубить ситуацию для Англии. Не будет большим преувеличением сказать, что именно благодаря сэру Горацио русские моряки появились в Риме и Неаполе, Анконе и Бриндизи.

Нельсон и Эмма Гамильтон спровоцировали начало войны между Королевством обеих Сицилий и Францией. Адмирал напрямую заявил королю Фердинанду, что ему остается «либо идти вперед, доверившись богу и божьему благословению правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть выпшвырнутым (kicked out) из своих владений». В результате 30-тысячное неаполитанское войско под начальством австрийского генерала Мака выдвинулось к Риму, где при первом же столкновении с 15 тысячами французов побежало. Впереди всех (естественно!) драпал сам король, достигший Неаполя намного быстрее, чем его войска. Нельсон смог организовать эвакуацию королевской семьи на Сицилию, а французы в январе 1799 года ворвались в Неаполь, где провозгласили образование новой, «Партенопейской республики».

Эта оплеуха ничего не изменила в действиях английского адмирала — он продолжал оставаться при дворе неаполитанского короля, только теперь уже в Палермо, с Эммой и королевой¹. Более того — он пишет письмо... Ушакову, но не напрямую (ведь сам недавно высокомерно и пренебрежительно отзывался о русском флотоводце), а через английского посла в Петербурге Уитворта: *«Мы ждем с нетерпением прибытия русских войск. Если девять или десять тысяч к нам прибудут, то Неаполь спустя одну неделю будет отвоеван и его императорское величество будет иметь славу восстановления доброго короля и благостной королевы на их троне»*. Эти письма из Петербурга пересылаются Федору Федоровичу, а из Палермо на Корфу едет министр Мишеру, уполномоченный Фердинанда. Оказалось, что без армии Суворова и флота Ушакова воевать с французской армией в Италии некому.

¹ Как писали тогда английские газеты, намекая на поведение Капорины и леди Гамильтон, «в обществе двух развратных женщин».

Ушаков

15 апреля 1799 года из Корфу к Бриндизи вышел отряд капитана 2-го ранга Сорокина в составе 3 русских фрегатов («Григорий Великия Армения», «Святой Николай» и «Михаил»), 3 турецких корветов и 4 канонерских лодок. Уже через 8 дней соединение подошло к итальянскому побережью, был высажен небольшой десант, который занял главную цитадель города. Вот что писал Ф.Ф. Ушаков русскому посланнику в Константинополе В.С. Томаре о взятии Бриндизи (Бриндичи):

«Милостливый государь Василий Степанович!

С удовольствием имею честь уведомить ваше превосходительство, что неаполитанского владения город Бриндичи и крепость при оном отрядами нашими от французов освобожден. С всеподданнейшего рапорта его императорскому величеству и с письма губернатора города Летчи, к неаполитанскому консулу писанного, прилагаю копии, из которых усмотреть изволите, в какой робости находятся теперь французы. Коль скоро увидели они приближающуюся нашу эскадру к Бриндичи, из-за обеда без памяти бежали на суда и ушли; оставили весь прибор свой на столе, собранные в контрибуцию деньги и серебро, ничего из того взять не успели. С таковым добрым предзнаменованием ваше превосходительство поздравить честь имею».

Здесь к отряду Сорокина присоединился и 32-пушечный фрегат «Счастливый» под командованием Григория Григорьевича Белли, которому вскоре суждено было освободить Неаполь. Победы русских шли одна за другой — 9 мая высажен десант (574 солдата при 6 орудиях) в Манфредонии, 25 мая он соединился с ополчением кардинала Руффо, 2 июня — занят город Портичи, начался штурм Неаполя. К 5 июня бои шли уже на улицах города,

а 9-го запертые в цитадели французы прислали парламентариев. Особенно интересно читать сообщения капитана Фута, адресованные Нельсону: *«Вечером 2 июня кардинал, или, скорее, русские, взял форт Виллему и Мадаленский мост»!* К этому моменту русофобия английского адмирала и дорда Гамильтона достигла наивысшей точки.

По договору между капитаном Футом, капитан-лейтенантом Белли, кардиналом Фабрицио Руффо и представителем французского командования в Неаполе 12 июня гарнизон «Партенопейской республики» капитулировал. На следующий день в город пришла эскадра адмирала Нельсона, который объявил условия капитуляции недействительными. Что творилось потом, можно описать одним словом — резня.

Процитируем одного из очевидцев, которого очень трудно назвать пристрастным. Это мисс Элен Уильямс, жена сотрудника английского посольства при Королевстве обеих Сицилий: *«Мы были бы менее удивлены, если бы услышали, что янычары рассуждают о правах человека и правах народов в представительных собраниях в Константинополе, чем мы были удивлены, видя, как английские офицеры сделали исполнителями произвольных и кровожадных приказов итальянского государя, направленных против свободных людей, нарушив договор, подписанный офицером английской нации вместе с представителями других держав».*

Нельсон обвинил в «мягкотелости» одного из главных сторонников Фердинанда — кардинала Руффо. Каролина даже любезно разрешила *«повесить надре Фабрицио, если он будет по-прежнему милосерден к бунтовщикам».* Выполняя обещание мужа леди Гамильтон, сэр Горацио приказал схватить одного из вождей Неаполитанской революции — адмирала Франческо Карачиолло. На борту линейного корабля английской эскадры «Фудруаян» Карачиолло предстал

перед наспех собранным судом из трех неаполитанских офицеров, который возглавлял его враг — капитан Терн¹. Адмирал был обвинен в государственной измене, его просьба передать рассмотрение дела британским офицерам была отклонена, свидетелей от защиты не вызывали *«за ненадобностью и очевидностью»*. Двумя голосами из трех суд постановил, что Карачиолло виновен. Нельсон сразу же предложил, не дожидаясь оглашения приговора, повесить адмирала на рее «Минервы». Просьбу осужденного заменить повешение расстрелом отклонили, и 18 июня Карачиолло был повешен.

Фердинанд и Каролина вместе с Нельсоном и четой Гамильтонов выпекали смертные приговоры, как пирожки, — за письма против монархии была обезглавлена поэтесса и депутат Элеонора де Фонсека; Доменико Чирилло, знаменитый врач, член Законодательного собрания Неаполя, был брошен в трюм линейного корабля «Сан-Себастьян», ему предложили жизнь, если тот *«будет просить о милости у леди Гамильтон и адмирала Нельсона»*. Доменико отказался и был повешен на Рыночной площади 18 октября 1799 года. С ним же повешены и известные адвокаты Марио Пагано и Джигорджо Пильячели. Капитан милиции Неаполя Дженарио Сьерро ди Кассано, сдавшийся войскам роялистов под честное слово кардинала Руффо, уже на следующий день в нарушение всех подписанных договоренностей был обезглавлен около здания Ратуши.

Многие «новорожденные» историки обвиняют и русские войска в репрессиях против неаполитанцев. Это не так. Вот слова посла Мишеру, приближенного короля Фердинанда: *«Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить*

¹ 11 июня Карачиолло на «Санта-Лючия» атаковал фрегат «Минерва» под командованием капитана Терна и нанес этому кораблю существенные повреждения.

такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена». В письме от 24 июня Мишеру в письме Уитворту продолжает: «Не было ни одного солдата, а тем более ни одного офицера, который оказался бы виновным в малейшем насилии или инсубординации или грабеже. Вы могли бы их видеть осыпаемыми ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями. До сих пор они показали себя самыми дисциплинированными солдатами, а в Портичи они обнаружили всю свою доблесть». Ему вторит капитан Неаполитанской гвардии Риккарди: «Согласно подписанным пунктам капитуляции русские выпустили со всеми военными почестями всех людей гарнизона со стороны морского арсенала, где этот гарнизон сложил оружие и был посажен на суда, чтобы быть отвезенным в Тулон». Эти свидетельства убедительно доказывают, что попытки «новоисториков» обвинить русские войска в неаполитанской резне не имеют под собой никаких оснований.

В конце августа на турецких кораблях, стоявших вместе с русскими на рейде Палермо, возникли волнения среди матросов, требовавших возвращения на родину. В результате 1 сентября 1799 года соединение Кадыр-бея самовольно ушло в Дарданеллы. Русские остались одни.

4 сентября Ушаков со своей эскадрой вошел на рейд Неаполя и своими глазами увидел, что озверевшие роялисты буквально залили город кровью своих жертв. Федор Федорович сразу же пишет письмо королю Фердинанду с просьбой прекратить казни: *«Казнь виновных сначала народу весьма желательна, но непрерывное продолжение оной начало приводить многих в содрогательство и в сожаление, которое час от часу умножается. Более, по всей видимости, худых последствий теперь ожидать ни от*

кого нельзя, кроме разве от родственников тех, которые содержатся в тюрьмах и ожидают таковой же злощастной участи, и, конечно, ежели бы не прилежное смотрение караулами, могло бы от отважных людей случиться что-либо для освобождения родственников своих и приятелей... Но, ваше высокопревосходительство, почитаю к отвращению таковых могущих быть дерзких замыслов должно взять надежнейшие меры и самые лучшие могли бы быть высочайшим милосердием его королевского величества и общим прощением впадших в погрешности (кроме только самоважнейших преступников, о которых должно сделать рассмотрение). Не благоугодно ли будет употребить об оном ходатайство ваше его величеству, яко любящему отцу свое отечество и своих подданных, таковое благоденствие восстановит усердие, ревность и повиновение законам и наилучшему исполнению повелениев...» Русские матросы буквально вытащили из петли композитора Чимарозо, написавшего гимн для республиканцев, связав английских часовых около тюрьмы. Нельсон был вне себя от бешенства, но ему пришлось проглотить эту пилюлю, ссориться с Ушаковым было неразумно.

Неаполитанский король и Нельсон решили развить наступление и захватить Рим, зная, что туда уже подходят войска австрийцев под командованием генерала Фрерлиха, однако энергичный командующий французским гарнизоном Гарнье 12 сентября разбил австрийков на подступах к Вечному городу. Ушаков высадил отряд в 1020 человек под командованием полковника Скрипора (командовал солдатами) и лейтенанта Балабина (командовал матросами).

Не желая, чтобы русские овладели Римом, Нельсон послал в Чивитавеккью коммодора Трубриджа на 74-пушечном «Каллодене» (том самом, который сел на мель при Абукире) для тайных переговоров с французами. 16 сентября Трубридж заключил соглашение с гарнизонами

Рима, Чивитавеккьи, Корнето и Тольфы, согласно которому, гарнизоны оставляли крепости и с оружием и знаменами погружались на английские корабли, которые должны были их высадить в Тулоне. Ушаков заявил резкий протест Нельсону и послал в Чивитавеккью фрегат, дабы помешать расхищению ценностей. 30 сентября отряды русских совместно с неаполитанскими войсками вступили в Рим.

Брюи

25 апреля 1799 года лорд Бриджпорт, крейсируя около французского Бреста с 16 кораблями, обнаружил, что из порта выходят 3 линкора. Британцы сразу же организовали преследование этого маленького соединения, которое шло курсом на северо-запад, но это было ошибкой. Вечером того же дня, пользуясь тем, что Бриджпорт неосмотрительно увел в погоню все линкоры, из Бреста вышла эскадра вице-адмирала Брюи в составе 25 кораблей (из них один — 120-пушечный и три — 110-пушечных), 5 фрегатов, 1 флейта, 2 корветов и 2 авизо, которая была под завязку загружена продовольствием и боеприпасами. Помимо этого, на кораблях были размещены 2500 солдат и инженеров. Основной задачей соединения была доставка подкреплений армии Моро, поскольку до Директории дошли сведения о переброске русских войск под командованием Суворова в Северную Италию. Из-за поспешных действий лорда Бриджпорта англичане упустили Брюи и до конца апреля были в неведении относительно движения французов.

Утром 3 мая 32-пушечный фрегат «Саксесс» (капитан — Шадхэм Пид) и 14-пушечный бриг «Чалдерс» (капитан — Джеймс Коутс Кроуфорд) из эскадры вице-адмирала Кейта, патрулировавшие между Кадисом и Титуаном, обнаружили 5 испанских линейных кораблей, вышедших из Фероля. Англичане организовали наблюдение за испанцами и 11 мая обнаружили, что флот идальго на траверзе Порто

соединился с отрядом Брюи. В этот момент «Саксесс» был обнаружен испанскими фрегатами, которые ринулись в погоню за дерзким англичанином, но тот смог уйти, скрывшись в темноте на фоне берега. «Саксесс», пройдя к Кадису, отрапортовал Кейту о случившемся, и 15 британских кораблей сразу же взяли курс на северо-запад. На следующий день в 8.30 утра Кейт обнаружил огромную вражескую эскадру из 33 (реально их было 30) линейных кораблей под прикрытием довольно большого числа фрегатов,двигающуюся на юго-запад. Французы прошли всего в 5—6 милях от англичан, мателот британского флагмана — 98-пушечный «Барфлер» — был ближе всех к союзникам и постарался сесть на хвост врагу, однако густой туман, опустившийся над морем, вскоре скрыл франко-испанский флот от Кейта.

Меж тем Брюи задрейфовал неподалеку от Кадиса — он ждал выхода остальных испанских кораблей, но ветер не благоприятствовал идальго. 5-го числа французы миновали Гибралтар и вошли в Средиземное море. Кейт, узнавший, что французы и испанцы имеют в линии не менее 40 кораблей, ограничил свои действия тем, что спустился на траверз Гибралтара, преследовать лишь 15 линкорами такую силу было очень опасно. Всего к Брюи смогло присоединиться 15 испанских кораблей (из них четыре — 112-пушечные) под командованием лейтенант-генерала Массаредо. 21 мая союзный флот беспрепятственно прошел в Геную, где снабдил армию Моро припасами и солдатами. Через десять дней, приняв раненых, республиканцы взяли курс на родину. В это время англичане, напуганные численностью кораблей Брюи, концентрировали свои силы в Неаполе. Кейт и Нельсон считали, что задачей, поставленной перед таким крупным соединением, были деблокада Мальты и эвакуация армии Бонапарта из Египта, поэтому призывали в Неаполь даже русско-турецкую эскадру адмирала Ушакова (Ушаков решил все же базироваться на Корфу). Меж тем

сами французы были уверены, что победа над русскими и австрийцами в Северной Италии делает блокаду Мальты британцами очень затруднительной, ведь в этом случае Нельсон и Кейт могли использовать в качестве полноценной базы только Гибралтар.

После выполнения поставленной задачи французская эскадра Брюи отправилась в Тулон, а Массаредо — в испанскую Картахену. Ни Кейт, ни Нельсон не преследовали союзников.

Нельсон

В апреле 1799 года на Мальте начался настоящий голод. Только за месяц умерли более 1000 человек, кэптен Болл выделил провизию для восставших из запасов эскадры, но этого было недостаточно. Французы увеличили поставки продовольствия на Мальту, и Болл прервать их не смог. Однако французы были в таком же положении, как и осаждавшие, поэтому не смогли организовать вылазки против неприятеля, хотя это могло бы полностью дезорганизовать восставших.

В конце месяца на острове ждали прибытия 30-го и 89-го полков с Менорки, но в это время Нельсон был извещен, что французский флот вырвался из Бреста, и их отправка была приостановлена. 26 линейных кораблей флота Океана под командованием адмирала Брюи сумели выйти из Бретани и направились в Средиземное море. На траверзе Кадиса к ним присоединилась испанская эскадра в составе 17 линейных кораблей. Англичане были в панике: они считали, что основной задачей Брюи были деблокада Мальты, захват Корфу, прорыв к Александрии и эвакуация в Италию армии Бонапарта. 5 мая французы и испанцы вошли в Средиземное море. В погоню вышла эскадра Кейта из 15 кораблей. Блокада с Мальты была

снята (13 мая соединение Болла отозвали), в то время как русские силы начали собираться на Корфу.

Таким образом, с 13 мая по 18 июля (когда Болл возвратился под стены Ла-Валетты) блокада с Мальты была снята. Все это время оставшимися у Ла-Валетты английскими частями командовал кэптен Вивон. 31 мая он пишет письмо Нельсону, в котором сообщает, что после отхода Болла французы стали полными хозяевами положения. Вобуа сразу же заблокировал гавани Св. Павла и Марса-Сирокко, находившиеся под контролем англичан. Французы послали 6 поляк, 3 галеры и несколько тендеров к берегам Сицилии за хлебом, а еще 3 галеры и 6 тендеров начали курсировать вокруг Мальты, блокируя подвоз продовольствия восставшим. 10 дней Вивон убеждал мальтийцев также вооружить несколько поляк и дать бой неприятелю. В конце концов только 3 корабля вышли в море. У восставших были большие проблемы с порохом — его осталось только 20 бочек, кремниевые замки мушкетов от дождей вышли из строя, начался голод. Люди начали роптать. Прибывший в начале июня неаполитанский фрегат «Талия» немного поднял воинский дух, однако уже через неделю он покинул гавань Св. Павла. К середине июня ситуация достигла предела. Вивон скрывал, что Болл находится в Неаполе¹, в английских частях, уже два месяца не получавших жалованья, начались волнения. Более того, 25 июня Вивон раскрыл заговор: часть повстанцев хотела ночью перерезать своих руководителей, поскольку, по их словам, «они являются якобинцами и пособниками французов». Срочно нужны были подкрепления, провизия и порох.

¹ Из письма Вивона Нельсону от 19 июня 1799 года: «Каждодневно я отвечаю, что кэптен Болл с "Голмафом" держится на несколько лиг северо-западнее острова Гоцо».

1 июля из Мессины на остров прибыла поляка с тремя мальтийскими рыцарями, два из которых были бальи, а один носил ранг командора. Они привезли продовольствие и деньги. Рыцари смогли поднять дух восставших. Они сообщили, что завтра-послезавтра французы попытаются сделать вылазку, дабы разрушить осадные батареи, это подстегнуло мальтийцев, и дисциплина на время была восстановлена. Вивон, пользуясь восстановившимся порядком, провел две или три лжеатаки на форты Ла-Валетты (для настоящих атак банально не хватало пороха), на этом боевые действия и ограничились.

17 июля, когда выяснилась судьба франко-испанской эскадры, к Мальте подошел кэптен Болл с кораблями «Голиаф», «Лайон» и «Саксесс». Он привел с собой два бомбардирских судна, вооруженных 13-дюймовыми мортирами, а также транспорта с провизией, порохом и отрядами английской и португальской морской пехоты. Через два дня выгрузились еще два батальона с Минорки под командованием полковника Грэма. Общая численность регулярных английских войск на острове достигла 5000 человек, в то время как французский гарнизон уменьшился до 1800—2200 солдат.

Анкона

Пустошкин

После падения Корфу важнейшей французской морской крепостью в Италии стала Анкона. Это был хорошо защищенный порт в западной части Адриатического моря. Гавань Анконы была сознательно расширена за счет вынесенных в море северного и южного молов, причем оба они защищались бастионами. Гарнизон города насчитывал 2500 человек при 270 орудиях, большая часть из которых смотрела в сторону моря. 5 мая 1799 года фельдмаршал Суворов пишет письмо Ушакову:

«Милостивый государь мой Федор Федорович!

Здешний чрезвычайный и полномочный посол пишет ко мне письмо, из которого ваше превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды вашей на высоте Анконы; как сие для общего блага, то о сем ваше превосходительство извещаю, отдаю вашему суждению по собранию правил, вам данных, и пребуду с совершенным почтением.

Милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшей слуга

гр. А. Суворов-Рымникский».

Однако еще 1 мая Ушаков отправил к Анконе отряд контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина в составе трех линейных кораблей (74-пушечные «Симеон и Анна», «Святой Михаил» и 1 турецкий корабль) и 4 фрегатов («Богородица Казанская», «Навархия Вознесение Господне» и двух турецких), 1 турецкого корвета, бригантины «Макарий» и нескольких мелких судов. По пути наши фрегаты отделились для захода в Триест и вернулись к Анконе 12 мая.

7 мая Пустошкин подошел к крепости и произвел первую бомбардировку, в результате которой по бастионам было выпущено 400 ядер. Взять город было необходимо, поскольку Анкона была гнездом французских каперов, которые постоянно атаковали торговые суда союзников. Уже 14 мая бригантина «Макарий» под командованием лейтенанта Ратманова атаковала и захватила 2-пушечную французскую шебеку с грузом пороха. Канонерки, выпедшие с Анконской гавани, были отогнаны плотным огнем. Однако еще 12 мая отряд Пустошкина отошел к берегам Истрии за водой и провиантом. Блокада возобновилась 27 мая. Русско-турецкий десант в 450 человек под командованием майора Гамена высадился у города Фано и без боя захватил его, французский гарнизон (100 солдат) отошел к Сенигаллии. Вечером 7 июня русские пошли на штурм Сенигаллии и к

утру следующего дня захватили ее. 20 июня в связи с информацией об эскадре Брюи Пустошкин отошел к Корфу, куда Ушаков стягивал все свои корабли. Пользуясь этим обстоятельством, французы вернули обратно Фано и Сенигаллию, где расположили сильный гарнизон в 800 солдат.

Войнович

Осада Анконы возобновилась 12 июля, когда отряд капитана 2-го ранга графа Войновича из 4 фрегатов, 1 корвета и 1 вспомогательного судна¹ подошел к крепости. 14 июля с кораблей высадился десант (430 человек при 5 орудиях), который повторно осадил Фано (гарнизон — 800 солдат). Еще 150 человек высадили между Фано и Сенигаллией, дабы гарнизон не смог уйти, как в прошлый раз. Из Анконы на помощь вышел французский отряд в составе 1000 солдат, однако комендант Фано уже капитулировал², поэтому отряд вернулся в Анкону. После этого русские атаковали Сенигаллию, которая была взята 24 июля. Из Фермо подошли 2800 солдат итальянского ополчения под командованием генерала Лагоца (La Hoz), бывшего якобинца, перешедшего на сторону австрийцев. 1 августа Анкона оказалась в окружении. Итальянцы и русские приступили к осадным работам. Вокруг города было возведено 7 батарей из 30 корабельных орудий. Постоянные обстрелы города привели к чудовищным разрушениям — гарнизон Анконы был выведен из казарм в биваки. Французы попытались организовать вылазку к итальянскому лагерю, но их атаковал отряд капитана 2-го ранга Мессера (800 человек, 7 орудий), который полностью уничтожил

¹ 46-пушечный «Навархия Вознесение Господне», 44-пушечные «Сошествие Святого Духа», «Богородица Казанская» и 50-пушечный турецкий «Шехбер-и-Зафер», 1 турецкий корвет и 8-пушечная бригантина «Новокупленная».

² Потери гарнизона Фано были неслыханно велики — из 800 солдат погибли 653 человека.

французское соединение. В помощь осаждающим Войнович высадил еще один десант из 100 морских артиллеристов Ратманова для упорядочения и усиления огня по крепости. Бунт турецких моряков отсрочил падение Анконы, тем не менее у французов осталось не более 1000 солдат, в городе начался голод. Из письма Войновича полковнику Скипору: *«Батареи наши со всех сторон построены на картечных выстрелах, канонада производится непрерывно со всех сторон, и с моря отчасти фрегатами и по большей части вооруженными мной требокулами и лодками, на которых поставлены большого калибра пушки. Неприятель неоднократно покушался делать великие вылазки, но прогоняем был с немалым уроном»*. Огнем русской артиллерии на рейде осажденной крепости был потоплен 64-пушечный «Штенгель», когда-то захваченный французами у венецианцев.

3 октября к Анконе подошел австрийский генерал Фрерлих с 8-тысячным корпусом, тот самый, который потерпел поражение у Рима от генерала Гарнье. Новый «союзничек» не нашел ничего лучше, чем поссориться с Войновичем и Лагоцем. Австрияк вовсю страдал от уязвленного самолюбия — после подписания секретных кондиций между Трубриджем и Гарнье он решил еще раз атаковать французский гарнизон, уходивший из Рима, надеясь, что застанет французов врасплох, однако гренадеры Гарнье в классической штыковой повторно напододали наглецу и обратили австрийков в бегство. Под Анконой Фрерлих надеялся загладить свои римские неудачи¹. Австрийский генерал тайно вошел в переговоры с комендантом Анконы — генералом Монье и пообещал французам выпустить гарнизон с оружием и воинскими поче-

¹ Из письма графа Войновича Ушакову (17 октября 1799 г.): *«Австрийцы, сожалея, что не могли иметь чести в Риме, всеми мерами и происками стараются получить верх при взятии Анконы»*.

стями. Войнович, прознавший об этом, предложил Фрерлиху окончить дело штурмом, но тот отказался. Ночью 2 ноября 1799 года французский гарнизон сдался лично генералу Фрерлиху. Австрияки оцепили гавань, не допуская туда итальянцев и русских, пока французы спешно грузились на корабли. Разгневанный Войнович требовал пропустить его к «подлецу Фрерлиху», но австрийцы не допустили русского командующего к генералу. Что произошло далее, очень хорошо отражено в отчете Ушакова Павлу I: *«По таковых последствиях граф Войнович послал флотилию в Анконскую гавань и приказал поднять флаг вашего императорского величества на моле и на всех пленных кораблях и прочих судах, которые после ночного времени при рассвете и подняты (прежде нежели были какие другие) по праву блокирования эскадрою оную гавань и удержания их от вывода из оной, также приказал командующему десантными войсками войти в крепость и поднять флаг вашего императорского величества вместе с флагами австрийскими, а сие также исполнено. Вторым письмом граф Войнович доносит, что дал он повеление флота капитану Мессеру и лейтенанту и кавалеру Ратманову с назначенными к ним офицерами сего ноября 4-го дня описать все состоящие в Анконе суда и гавань, но генерал-лейтенант Фрерлих к тому оных не допускает; флаги российские на всех судах и в гавани подняты и караулы поставлены, но он требовал, чтобы везде спустить поднятые везде флаги, и уведомляет, что послал к своему двору эстафет и до получения на оной ответа ни к чему допустить не намерен»*. Скандал был велик! Дошло до того, что император Павел I обратился с письмом к австрийскому двору, требуя объяснений. Одновременно русский царь обратился и к англичанам, требуя

допустить русский контингент в составе 2400 солдат на Мальту. В Петербурге нарастало раздражение эгоизмом союзников, тем более что русская армия была движущей силой коалиции. В свою очередь, англичане и австрийцы, уже получившие все мыслимые и немыслимые бонусы от союза, были склонны заключить мир с Францией, сознательно похоронив идею реставрации Бурбонов. Союз против революционной Франции дал глубокую трещину.

24 августа 1799 года Бонапарт на фрегате «Мюиرون» покинул Египет и, проскочив через все английские заслоны, высадился в Тулоне. Встреченный как спаситель нации, генерал спешил в Париж, к славе и власти.

Мальта

Нельсон

9 ноября 1799 года во Франции произошел государственный переворот, установивший военную диктатуру Бонапарта. Будущий император Наполеон рассматривал войска, оставшиеся на Мальте и в Египте, как обузу, которая пожирала и без того скудные ресурсы. Он сразу же отписал письмо Вобуа, что если его положение будет критическим, то он будет не против, если Ла-Валетта согласится на капитуляцию, однако, поскольку все возможности обороны еще не были исчерпаны, Вобуа решил продолжить сопротивление.

В конце ноября к Мальте подошли новые подкрепления англичан — транспорт «Нью-Провиденс» подвез порох и провизию, а также несколько полевых орудий. 10 декабря под Ла-Валетту наконец-таки были переброшены 30-й и 86-й полки, обещанные еще в апреле. Вместе с ними к острову подошли 74-пушечные «Каллоден» и «Фудруаян».

27 декабря — линейные корабли «Бульдог», «Персеус» (не путать с бомбардирским судном!) и «Нортумберленд», загруженные 13 батареями тяжелой артиллерии и 10 батальонами морской пехоты. Английские войска заняли ключевые позиции перед городом. Французы, заметившие перегруппировку войск, внезапно атаковали батарею Самра, нанесли двум батальонам королевской морской пехоты существенные потери, заклепали 8 орудий и отошли в крепость.

Британцы построили перед стенами Ла-Валетты целую сеть батарей — Сан-Рок, Бори, Коррадино, вооруженных двумя 13-дюймовыми мортирами, двумя 10-дюймовыми мортирами, одной 68-фунтовой тяжелой пушкой, восьмью 32-фунтовыми орудиями, двадцатью 18-фунтовыми, девятью 12-дюймовыми, и тридцатью полевыми пушками. В качестве советников на этих батареях присутствовали 2 английских офицера и 27 канониров, что, конечно же, было очень мало. До конца года генерал Фокс отправил на Мальту два плавучих госпиталя и полк королевских саперов.

В феврале 1800 года французы решили отправить на Мальту подкрепления. К Ла-Валетте были отправлены линейный корабль «Женерье» (наш старый знакомец по Абукиру и Корфу), транспорт «Марсель», фрегаты «Бадин» и «Фовет», а также корвет «Санс-Парейль». Экспедиция была плохо подготовлена, и о ней стало известно англичанам. 18 февраля 1800 года около Мальты караван попал в засаду, «Женерье» был атакован с двух бортов и взят на абордаж.

Тем временем Вобуа решил спасти единственный оставшийся на Мальте линейный корабль «Гильюм Телль», который ночью с 29 на 30 марта вышел из Гранд Харбор и устремился к берегам Франции. В погоню за

ним пустились английские 74-пушечники «Пенелоуп», «Винсенс», «Лайон» и «Фудруаян», которые после долгой гонки поймали беглеца. После жаркого 9-часового боя у «Гильйома Телля» были сбиты все мачты, он спустил флаг и сдался.

На Мальту продолжали прибывать английские войска — 5 апреля из Гибралтара подошли еще 20 батальонов морской пехоты и 12 батарей средней и полевой артиллерии. Положение французов становилось все отчаяннее, гарнизон уже голодал. Ситуацию немного поправил французский бриг «Маргэрит», в мае прорвавшийся к Ла-Валетте из Марселя. Он подвез большое количество продовольствия, что отсрочило падение Мальты еще на три месяца. Дабы уменьшить количество едоков, французы выгнали из крепости всех жителей, однако английский генерал Грэм отказался принять беженцев. Вобуа заявил, что привяжет их к пушкам и оставит без еды, на что Грэм ответил, что француз может поступать *«с этими ублюдками, как ему заблагорассудится»*¹.

6 июня под стены Ла-Валетты на корабле «Сихорс» прибыл генерал Ральф Аберкромбл, который был назначен командовать войсками в Леванте. 22 июня англичане смогли подвести мину под склад боеприпасов, в результате взрыва погибли 70 французских солдат и было уничтожено примерно 1800 ядер, но стена крепости выдержала удар и не обрушилась. Все лето на Мальту везли подкрепления — к августу численность британских войск на острове достигла 11 тысяч человек при 1100 орудиях, тем не менее Аберкромбл почему-то воздерживался от штурма.

В ночь на 25 августа последние крупные корабли французов — фрегаты «Жустиз» и «Даян» попытались

¹ Пример англосаксонского отношения к своим союзникам!

выйти из Гранд Харбор. 74-пушечный «Саксес» сумел сбить на «Даян» грот-мачту и захватил его, «Жустиз» же смог убежать и дойти до Тулона. Провизия у гарнизона Ла-Валетты практически закончилась. 4 сентября Вобуа послал парламентариев обсудить условия сдачи острова. Англичане согласились на почетную капитуляцию, гарнизон с оружием и знаменами был перевезен в Марсель, но взяли слово, что никто в течение полугода не будет участвовать в военных действиях.

Осада Мальты длилась 2 года и 2 дня. Потери французов составили 1280 человек, англичане потеряли около 1000 солдат, инсургенты — около 5000 только убитыми и умершими от голода. Англия смогла захватить столь важный остров. Первым военным губернатором Мальты стал Александр Болл.

Итоги

К тому времени, когда Ла-Валетта капитулировала, эскадра Ушакова уже шла в Севастополь. Павел I, уязвленный до глубины души, официально объявил о выходе России из второй коалиции и заключил оборонительные союзы с Данией, Швецией и Пруссией. Вскоре нормализовались и его отношения с Бонапартом.

Немедленно по получении известий о капитуляции иностранным посольствам в Петербурге дипломатической нотой от 21 ноября 1800 г. было объявлено о наложении эмбарго на английские суда, находившиеся в русских портах (число их доходило до 300). Эта мера мотивировалась нарушением Великобританией заключенного в русской столице 30 декабря 1798 г. соглашения о совместных действиях на Мальте.

С политической точки зрения победы Ушакова и Суворова не принесли России ничего. Но речь в нашей статье не о политике, а о военном деле.

Давайте попробуем задаться вопросом: почему действия Нельсона так медлительны и робки? Если его нерешительность в 1798 году можно оправдать неопределенным (по мнению самого Нельсона) статусом Мальты, то вот 1799 год расставляет все точки над «і». Группировка английских войск на острове возросла с 5000 до 11 000 человек, превосходство на море было подавляющим, тем не менее вплоть до мая Ройал Неви не смог полностью блокировать Мальту. Поражает, что при полном качественном и количественном превосходстве Болл и Аберкромбл так и не решились на штурм. В действиях же русского флота мы, напротив, видим стремление как можно быстрее атаковать противника и решительным штурмом покончить с ним. Почему же подход к решению одинаковых проблем у англичан и русских был совершенно разным?

Наверное, здесь стоит вернуться немного назад, к русско-турецким войнам времен Екатерины Великой. Уже тогда Суворов, Репнин, Долгорукий, Румянцев и многие другие писали, что потери при штурме крепостей гораздо меньше, чем при правильной осаде. Дело в том, что медицина в то время не могла эффективно лечить вирусные и инфекционные заболевания, поэтому болезни, неизбежные при большом скоплении людей, косили войска гораздо быстрее, чем противник. Как ни странно, но штурм неприступного Измаила стоил Суворову в два раза меньших потерь (1,9 тысячи убитыми), чем осадное сидение Потемкина под Очаковом (4 тысячи убитыми и умершими от болезней). Именно во время русско-турецких войн нашими военачальниками и был сделан вывод о том, что только решительный штурм сильно укрепленной крепости приносит быструю и наименее безболезненную победу.

А что же генералы и адмиралы Британской империи? С сожалением приходится констатировать, что они к концу XVIII века пользовались тактическими приемами конца XVII века, разработанными французским военным теоретиком Вобаном. Но вот в чем проблема — если в свое время Вобан действительно предложил новую и интересную концепцию штурма сильно укрепленных городов, то через 100 лет во многом были разработаны контридеи, которые помогали осажденным держаться как можно дольше. Сами же англичане продемонстрировали несостоятельность идей Вобана во время Великой осады Гибралтара (1779—1782 гг.), когда гарнизон Скалы три года успешно оборонялся против французов и испанцев.

Из этого кризиса Англия не смогла выползти и в XIX веке, продемонстрировав отсталость своих тактических идей под тем же Севастополем. Вместо того чтобы провести работу над ошибками, британское Адмиралтейство начало заниматься химерами: в 1807 году эскадра адмирала Дакуорта из 7 линейных кораблей должна была прорваться в Мраморное море, без поддержки пехоты взять Константинополь и заставить капитулировать султана. Естественно, что Дакуорт, прорвавшись через батареи Дарданелл, никого этим не напугал и вынужден был возвратиться, понеся большие потери в личном составе при повторном прорыве сквозь форты Габа-Топэ.

Вот так. Ни больше ни меньше. Наверное, именно это и называется «кризис военной мысли».

Тем не менее хотелось бы напомнить читателю, что взятие морской крепости — это только наполовину дело флота, немалая роль здесь остается и за армией. А поскольку на тот момент русская и французская армия считались лучшими в мире, то сравнение не в пользу британцев — все же закономерность.

В свою очередь при Абукире Ройал Неви в очередной раз доказал, что к главной своей цели — уничтожению любого вражеского флота на море — он «всегда готов» и сможет это доказать в любой момент. Только вот противников на море с каждым годом у англичан становилось все меньше. После всплеска крейсерской войны в 1802—1814 гг. для Туманного Альбиона настанет эра благоденствия, когда порядком забудутся «Навигационные акты» и конвои, и только в Первой мировой войне найдется сила, способная бросить им вызов и поставить под вопрос само существование Британии.

Тем не менее даже сравнивая штурм Корфу и осаду Анконы со взятием Измаила, нельзя не восхититься четкостью и слаженностью действий эскадры Ушакова. Эти операции заслуженно вошли во все учебники по тактическому искусству как новое слово во взятии с моря сильных, подготовленных к обороне крепостей.

Состав эскадры Кадыр-бея, попавшей с Ушаковым

В турецком флоте флагман обозначался как *капудание*, вице-адмиральский — как *патрона*, а контр-адмиральский — как *рийале*.

Тип корабля	Название	Экипаж, чел.	Кол-во орудий	Прим.	Год постр.
ЛК	Капудание	?	?		1796
ЛК	Патрона	?	?		1798
ЛК	Рийале-Бешаретнюма	850	76	Bodrum	1796
ЛК	Шехбах-и Бахри	850	74	Bodrum	1793
Фрегат	Шехпер-и-Зафер	450	50	Rodos	1793
Фрегат	Шахин-и-Дерья	375	40	Rodos	1793
Фрегат	Хюма-йы-Зафер	375	40	Kemer	1798
Фрегат	Бюльхевес	275	40	Kalas	1797
Корвет	Селабет-Нюма	160	26	İstanbul	1795

Остальные корабли назывались по именам капитанов.

Списочный состав турецкого флота на 1798—1799 годы

Тип корабля	Название	Экипаж, чел.	Кол-во орудий	Место постр.	Год постр.
ЛК	Selimiye	1200	62	İstanbul	1796
ЛК	Tavusubahri	900	82	İstanbul	1798
ЛК	Heybetendaz	850	76	Bodrum	1796
ЛК	Besaretnuma	850	76	Bodrum	1796
ЛК	Bediînusret	900	82	İstanbul	1797
ЛК	Arslanubahri	850	76	İstanbul	1794
ЛК	Şehbazubahri	850	74	Bodrum	1793
ЛК	Sayyadubahri	850	74	Çanakkale	1793
ЛК	Ejderibahri	850	74	Gemlik	1793
ЛК	Ziveribahri	700	68	Midilli	1796
ЛК	Pernevinusret	700	68	Sinop	1793
ЛК	Asarınusret	800	74	İstanbul	1793
ЛК	Kaplanubahri	800	76	Rodos	1799
ЛК	Seddülbahir	850	76	İstanbul	-
ЛК	Fatihibahri	550	60	Sinop	1791
ЛК	Bahrizafer	750	72	İstanbul	1789
ЛК	Fevzihüda	650	72	Sinop	1789
ЛК	Hilalizafer	650	66	Bodrum	1790
Фрегат	Merkenigazi	450	50	İstanbul	1796
Фрегат	Şahiniderya	450	50	K.Deniz Ereğli	1797
Фрегат	Bedrizafer	450	50	Ereğli	1799
Фрегат	Hümayızafer	450	50	İstanbul	1793
Фрегат	Şehperizafer	450	50	Rodos	1796
Фрегат	Şevketnüma	450	50	Limni	1796
Фрегат	Şiarınusret	450	50	Rodos	1793
Фрегат	Nesimizafer	375	40	Rodos	1793
Фрегат	Gazailibahri	375	40	Kemer	1798
Фрегат	Bülheves	275	40	Kalas	1797
Фрегат	Hediyetülmülk	200	46	Sinop	1797
Фрегат	Tizhareket	200	32	Rodos	1797
Фрегат	Ferahnüma	150	24	Fransa	-

Тип корабля	Название	Экипаж, чел.	Кол-во орудий	Место постр.	Год постр.
Фрегат	Küşadubahri	250	40	Fransa	-
Корвет	Zaferküşa	200	26	İstanbul	1796
Корвет	Cengaver	200	26	İstanbul	1797
Корвет	Sucaibahri	200	26	İstanbul	1797
Корвет	Saika	175	26	İstanbul	1798
Корвет	Ateşfeşan	175	26	İstanbul	1798
Корвет	Selabetnûma	160	26	İstanbul	1795
Корвет	Rehberinüsret	200	26	Rodos	1796
Корвет	Meserretibahri	150	22	Rodos	1799
Корвет	Rüzganbahri	120	22	-	1796
Корвет	Hediye-i Hakimi Fas	24	22	Fas Sultaninin Hediyesi	-

Состав французской эскадры Брюи

Название корабля	Кол-во пушек	Командир
Océan	120	Captain Alain- Adélaïde-Marie Bruilhac.
Invincible	110	Commod. Louis L'Héritier.
Terrible	110	Commod. Yves-Mar.-G.-P. Le Coat St. Haouen.
Républicain	110	Captain Charles Berrenger.
Formidable	80	Commod. Pierre-Julien Thréouart.
Indomptable	80	Captain ————— Chambon.
Jemmappes	74	Commod. Julien-Marie Cosmao-Kerjulien.
Mont-Blanc	74	Commod. Esprit-Tranquille Maistrat.
Tyrannicide	74	Commod. Zacharie-Jac.-Théodore Allemand.
Batave	74	Commod. Franz.-Hen.-Eugène Daugier.
Constitution	74	Commod. Julien Le Ray.
Duquesne	74	Commod. Pierre-Maurice; Julien Querangal
Fougueux	74	Commod. Pierre-Marie Bescond.
Censeur	74	Commod. Ant; Jean-Baptiste Faye.
Zélé	74	Commod. ————— Dufoy.
Redoutable	74	Commod. ————— Moncousu.

Название корабля	Кол-во пушек	Командир
Wattigny	74	Captain Antoine-Louis Gourdon.
Tourville	74	Captain Jean-Baptiste Henry.
Cisalpin	74	Captain Mathieu-Charles Bergevin.
Jean-Bart	74	Captain François-Jacques Meynne.
Gaulois	74	Captain Gabriel Siméon.
Convention	74	Captain Charles Lebozec.
Revolution	74	Captain Pierre-Nicolas Rolland.
Rousseau	74	Captain Julien-Gabriel Bigot.
Dix-Août	74	Captain Jacques Bergeret.

Фрегаты: «Romaine» (44), «Créole» (40), «Bravoure» (36), «Cocarde» (36) и «Fraternité» (36).

Флейт — «Fidelle».

Корветы — «Berceau» и «Tactique».

Авизо — «Biche» и «Découverte».

Состав испанской эскадры Массаредо

Название корабля	Кол-во пушек	Примечания
Concepcion	112	LG Массаредо
Conde-de-Regla	112	
Principe-de-Asturias	112	LG Гравина
Reyna-Louisa	112	
Neptuno	80	
Bahama	74	
Conquistador	74	
Soberano	74	
Guerrero	74	
Pelayo	74	
San-Francisco-de-Asis	74	
San-Francisco-de-Paulo	74	
San-Joaquin	74	

Название корабля	Кол-во пушек	Примечания
San-Pablo	74	
San-Telmo	74	

Фрегаты: «Atocha», «Perla», «Carmen», «Matilde», «Soledad».

Бригантины: «Vigilante», «Descubridor», «Vivo».

Состав эскадры вице-адмирала Кейта

Название корабля	Кол-во пушек	Примечания
Ville-de-Paris	112	Captain Walter Bathurst.
Barfleur	98	Vice-admiral (r.) Lord Keith, К.В. Captain George Barker
Prince George	98	Vice-adm. (w.) Sir William Parker, bart, Captain William Bowen
London	98	Captain John Child Purvis
Princess-Royal	98	Captain John William Taylor Dixon
Namur	90	Captain William Luke
Foudroyant	80	Captain William Brown
Gibraltar	80	Captain William Kelly
Montague	74	Captain John Knight
Northumberland	74	Captain George Martin
Marlborough	74	Captain Thomas Sotheby
Warrior	74	Captain Charles Tyler
Hector	74	Captain John Elphinstone
Defense	74	Captain Lord Henry Paulet
Majestic	74	Captain Robert Cuthbert

Фрегат «Success» (32), бриг «Childers» (14).

Приложение 8

История осад британского Гибралтара

Надеюсь, что история этой британской колонии вызвала интерес у наших читателей. Мы бы хотели немного проследить ее судьбу, благо осада 1704—1705 годов — это была не последняя осада Гибралтара.

1

Выдержавший осаду 1704—1705 годов, Гибралтар был очень зависим от поставок продовольствия и боеприпасов, снабжение же через Португалию в связи с начавшимися боевыми действиями на Пиренейском полуострове стало нерегулярным и скудным. Оставленный в качестве временного главы города английский генерал-майор Джон Шримптон решил наладить торговые отношения с султаном Марокко, но товарооборот грозил сорваться из-за высоких пошлин, взимаемых испанской короной в лице австрийского претендента — эрцгерцога Карла. 17 февраля 1706 года королева Анна особым рескриптом объявила Гибралтар «порто-франко» — вольным городом, где любая нация обладала правом беспошлинной торговли. Это позволило наладить поставку продовольствия и товаров в крепость, а также сделало Гибралтар очень заманчивой стоянкой для проезжих торговцев, оценивших выгодное географическое положение города между Западом и Востоком. Гибралтар стал заселяться сначала евреями, менялами, потянувшимися за большими деньгами, а потом итальянскими, арабскими и португальскими купцами.

24 декабря 1707 года королевой Анной был назначен первый британский губернатор Гибралтара — бывший ее любовник сэр Роджер Элиот, который устроил свой дворец в бывшем монастыре монахов-францисканцев. Карлос III

(он же — эрцгерцог Карл), конечно, смотрел на все это косо, но сделать ничего не мог — в Испании шла ожесточенная война между приверженцами австрийского и французского наследников, и поддержка Британии была необходима. Тем не менее де-юре Гибралтар все еще считался испанским городом, временно отданным под защиту войск союзников. Пользуясь таким положением, Элиот добился у Карла III вердикта, согласно которому, пока сын германского императора не займет трона в Мадриде, город будет находиться под присмотром англичан.

Тем временем французы пошли на переговоры, и вопрос о Гибралтаре встал на повестке дня в парламенте с новой силой, ведь после войны, согласно договору, англичане должны были уйти из крепости. Новый губернатор Томас Стивенс, опасаясь новых «претендентов» на владение городом, к 1711 году выдворил все иностранные войска с территории «порто-франко», оставив лишь полк германских наемников¹.

Конгресс, собранный в голландском Утрехте в январе 1712 года, должен был определить новую карту Европы. Все страны-участницы признали Филиппа Анжуйского новым королем Испании — Филиппом V, однако потребовали территориальных уступок и поставили ряд условий. Вопрос по Гибралтару оказался одним из самых тяжелых — испанская делегация с неистовством требовала возврата столь важного для Испании города, однако благодаря голосам Голландии, Австрии и Португалии Гибралтар был отдан Англии *«в компенсацию за ее участие в войне на стороне эрцгерцога»*. Британцы также выторговали право на контроль территории вокруг Гибралтара в радиусе *«двух пушечных выстрелов»*,

¹ Объяснение Стивенса очень интересно: в письме королеве он высказался, что наемники по своей природе — «не иностранные солдаты». Этот полк оставался в Гибралтаре до марта 1713 года.

что очень не понравилось Филиппу V, однако под давлением союзников он вынужден был смириться и подписал Утрехтский договор в сентябре 1712 года.

Франция ратифицировала соглашение позже всех — 11 апреля 1713 года, но не смогла добиться каких-либо уступок. Подписание Утрехтского договора всеми странами — участницами Войны за испанское наследство закрепило за Англией право де-юре называть Гибралтар английским генерал-губернаторством. Прозорливость и ловкость адмиралов Рука и Лика позволили Британии завладеть воротами в Средиземное море, что наряду с захваченным в этой же войне Порт-Магоном стало первой ласточкой английского военно-морского могущества.

2

Вторая по счету осада Гибралтара прилась на 1726 год. Новая англо-испанская война была вызвана ухудшением отношений между странами. Испанцы сблизились с Австрией и Россией, тогда как англичане выступили единым фронтом с голландцами, датчанами и шведами. Как и в предыдущей войне, испанцы сразу же попытались отбить этот шип, вонзенный в сердце Испании.

На военном совете в декабре 1726 года Филипп V заслушал мнение своих ближайших советников. Маркиз Вильярдариас (наш старый знакомый, в 1704 году уже осаждавший Гибралтар) был резко против атаки крепости. В роли ястреба выступил граф Торрес, наместник короля в Наварре. Последний сказал, что Испания обладает достаточными сухопутными силами для взятия английского «порто-франко», а испанский флот поможет осаждающим с моря.

Таким образом, в водах Пиренейского полуострова идальго могли выставить 20 линейных кораблей и 8 фрегатов.

В начале января 1727 года испанский посол де Посо Буэно в Лондоне ознакомил английское правительство с нотой своего короля, где говорилось, что англичане нарушают статью X Утрехтского договора: британские подданные строят укрепления Гибралтара за линией, определенной под полосу отчуждения; кроме того, в Гибралтаре находится большое количество евреев и мусульман, что невозможно на святой католической испанской земле. Георг I 17 января ознакомил парламент с этим письмом и предложил парламентариям объявить войну Испании. После бурных дебатов 251 депутат проголосовал за начало военных действий, а 81 — против. На войну было вотировано 3 миллиона фунтов стерлингов.

К тому моменту в Альхисерасе находились 18 тысяч испанских штыков, 700 сабель и 100 орудий, командовал испанцами граф Торрес. Но организация у иберийцев хромала — большая часть пушек, которые везли морем, оказалась на судне, севшем на мель в 30 километрах от Кадиса, Торресу не выделили денег, солдаты уже второй месяц не получали жалованья, 3000 рабочих, нанятых для рытья траншей и строительства укреплений, разбегались, так как денег им не выплатили. С руководством также было не все гладко — первенство в делах военных у Торреса оспаривал граф Монтемар, герой захвата Орана. Он был намного опытнее Торреса, но менее родовит. Соперничество двух полководцев превратилось в постоянные склоки на военных советах. Ко всем этим трудностям добавились превратности испанской зимы — с ее постоянными дождями и пронизывающим ветром.

Британские силы в Гибралтаре составляли всего 1500 солдат и 150 орудий, поэтому 19 января 1727 года туда была отправлена эскадра Чарлза Уоджера в составе 6 кораблей и 2 шлюпов («Кент», «Леннокс», «Бервик»,

«Ройал Оак», «Портленд», «Тайгер», шлюпы «Хоук» и «Круйзер») с тремя батальонами морской пехоты под командованием бригадира Кейна и 10 орудиями. 2 февраля подкрепления высадились в крепости, и гарнизон увеличился до 3000 штыков и 150 артиллеристов.

Вторая в истории Гибралтара осада оказалась в первую очередь состязанием артиллеристов противоборствующих сторон. Крепость по сравнению с 1704 годом была порядком усилена: на северной оконечности скалы поставлена новая батарея (Гринс Лодж Батарей), а на востоке сооружен Кингз Бастион (King's Bastion), защищавший Гибралтар от десанта со стороны залива. На самой скале расположились еще ряд фортов — батарея Уиллисис, Большая Батарея, редут Принцессы (Willis's, Grand Battery, Prinsses Line). Всего — 63 орудия больших калибров (от 18 фунтов и выше).

Напротив отгороженного рвом и батареями перешейка, в местечке Пунта Малья, располагался испанский гарнизон в 15 000 человек. Это была непрерывная линия окопов и укреплений через весь перешеек, упиравшаяся в форты Санта-Барбара и Сан-Фелиппе. Испанцы также создали целую сеть батарей — Святая Изабель, Конде, Молина, Сан-Хосе, Санта-Барбара, Сан-Карлос, — всего 97 орудий и 3 мортиры, но на части из них не были установлены пушки, застрявшие под Кадисом.

22 февраля 1727 года комендант Гибралтара Гаспар Клейтон приказал открыть огонь по укреплениям на испанской территории, в Пунта Малья, что не позволило испанцам дооснастить свои батареи. Под непрерывным огнем противника, в грязи и воде испанская армия за месяц потеряла 500 человек умершими от лихорадки и 5 человек убитыми. Только в начале апреля испанцы открыли ответный огонь по англичанам.

Эскадра Уоджера вместе с отрядом контр-адмирала Хопсона (корабли «Бурфорд», «Йорк», «Винчестер», «Колчестер», «Сваллоу», прам «Дурслей» и бомбардирское судно «Тандер») поддерживала гарнизон с моря. Корабли несколько раз затевали контрбатареиную борьбу с испанцами, которые расположили на пляжах полевые батареи, конвоировали транспорта, доставляли припасы в осажденную крепость. Испанский флот так и не вышел из Кадиса оспорить господство на море у англичан. Вместо этого испанцы отправили в Ла-Манш небольшую эскадру (4 корабля и 3 фрегата), которая смогла захватить 5 британских купцов и вернуться домой. На сем активные действия Армады Эспанья закончились.

Но вернемся к осаде. Недостаток воды у испанцев, как и в прошлый раз, испанские генералы решили заменить вином, что привело к пищевым отравлениям и солнечным ударам среди солдат. Вообще снабжение иберийцев было поставлено очень плохо, идальго явно не рассчитывали на долгую осаду. Тем временем гарнизон Гибралтара увеличился до 5481 человека, что заставило 7 мая испанцев пойти на штурм. В 10 утра 97 испанских орудий открыли ужасный огонь по английским укреплениям. К 12.00 из 24 орудий батареи Уиллисис боеспособны были только 2 орудия, крепость Пуэрта де Терра была практически разрушена. Испанцы методично, сантиметр за сантиметром продвигались вперед, пользуясь большими потерями английской артиллерии. На каждом рубеже идальго оккупывались, что было очень на них не похоже, и сразу же готовили позиции для полевых пушек, которые по мере готовности открывали огонь по английским позициям, не позволяя британскому гарнизону ремонтировать разрушенные тяжелой артиллерией батареи. Это было необходимо для того, чтобы прикрыть подвоз и уста-

новку тяжелых осадных орудий, отличавшихся гораздо меньшей транспортабельностью.

В отчаянии англичане начали стрельбу из мортир, чтобы уничтожить полевые пушки, которые испанцы подкатили совсем близко к британским позициям. Такое положение дел сохранялось до 20 мая, должен был наступить перелом либо в одну, либо в другую сторону. Он наступил. Испанцы из-за проблем со снабжением не смогли поддерживать столь высокий темп стрельбы, запасы пороха, ядер и пуль не прибывали с такой быстротой, с какой они убывали. Из-за действий Уоджера и Хопсона была прервано морское снабжения Пунта Мальи, что вызвало голод в лагере иберийцев. В результате все последующие ночи огонь с испанской стороны прекращался, что позволяло британцам ремонтировать свои орудия. Огонь с батарей Гибралтара усилился, и войска были вынуждены уйти назад — за укрепления Пунта Мальи. Прибывший в конце мая к Торресу испанский военный министр граф Кастелар признал, что взять Гибралтар невозможно.

23 июня Торрес и Клейтон получили приказы о прекращении огня от Филиппа V и Георга I, соответственно. Стороны сели за стол переговоров, где определили следующие кондиции: Гибралтар остается английским владением, английские и испанские укрепления в полосе отчуждения должны быть разрушены, стороны сами компенсируют себе все убытки, связанные с военными действиями.

Вторая осада Гибралтара продолжалась 17 с половиной недель, потери испанцев составили 3000 человек (из них 2000 — небоевых), потери англичан — 800 человек. В который раз основной проблемой для испанцев стали корабли Ройал Неви, обеспечившие Гибралтар всем необходимым и прервавшие снабжение морем у идальго.

В конце XVIII века североамериканские колонии решили отложиться от Великобритании. Надо сказать, что Их Лордства это решение просто застало врасплох — Англия не могла понять, как могут англосаксы требовать независимости от англосаксов. Меж тем тринадцать штатов уже имели свои, отличные от метрополии экономические и политические интересы, да и возросшие запросы Острова больно ударили по карманам поселенцев. В конфликт с Англией на стороне восставших колоний вошли Франция и Испания. Основным желанием этих извечных противников Великобритании была возможность ослабить «хозяйку морей» и укрепить свое положение в Индии и районе Карибского моря. Дабы не отпугнуть от себя Соединенные Штаты, Франция сразу же заявила, что у нее нет интересов на североамериканском континенте, и это во многом способствовало заключению союза между монархией Людовика XVI и республикой Джорджа Вашингтона.

Боевые действия развернулись по всему миру — от Средиземного моря до Флориды, от Индии до Калифорнии. Если действия эскадр де Гишена, д'Эстэна, де Грасса или Сюффрена очень хорошо описаны и известны, то вот война в Средиземном море как-то осталась за кадром солидных исторических исследований. А меж тем, как и в начале любой войны с Англией после 1704 года, Испания и Франция мечтали отобрать у своего смертельного врага Гибралтар.

Во многом случайная победа североамериканцев над англичанами под Саратогой в октябре 1777 года в корне изменила баланс сил в мире, хотя тогда этого еще никто не ощущал. Франция, увидев, что Англия изрядно

ослабела, в феврале 1778 года объявила войну Великобритании. 16 июня 1779 года к войне против Острова присоединилась и Испания, однако она не признала независимости Соединенных Штатов, так как претендовала на Флориду.

Испанцы сразу же подняли вопрос о завоевании Гибралтара и Порт-Магона, что полностью отвечало интересам Франции. 20 июня 1779 года, всего через 4 дня после объявления войны, началась осада Скалы, которая затянулась на 3 года и 7 месяцев. Она оказалась самой кровавой блокадой в истории Гибралтара и вошла в историю под названием «*Великая Осада*». Примечательно, что еще за 48 часов до начала боевых действий генерал-губернатор города Джордж Эллиот гостил в испанском гарнизоне в Пунта Малья по случаю повышения командующего Хоакино де Мендоса до чина генерал-лейтенанта. Но уже через два дня было объявлено о блокаде Гибралтара, и ситуация полностью изменилась.

Джордж Огаст Эллиот был опытным воякой, он окончил военно-инженерные курсы в Британии и Франции, участвовал в Семилетней войне, в штурме Гаваны в 1762 году, а в 1778 году был назначен губернатором Гибралтара. В отличие от многих английских генералов Эллиот совершенно не употреблял алкоголя, ел только вегетарианскую пищу, вставал в четыре утра, был благочестив, честен и сдержан. Английские историки отмечали, что он был, *«наверное, самым подходящим губернатором Гибралтара за всю его историю»*.

В начале войны гарнизон крепости составлял пять британских полков по 500 человек, три ганноверских полка (под командованием Ла Мотта), по 360 пехотинцев в каждом, 500 артиллеристов и 100 военных инженеров. Морские силы состояли из 5 линейных кораблей под

командованием адмирала Даффа. Гражданское население города на тот момент составляло 3200 человек, из которых (согласно переписи 1777 года) 519 британцев или (солдат, офицеров и их родственников), 1819 католиков (в основном — испанцы, португальцы, генуэзцы) и 863 еврея (в основном, конечно же, ростовщики). Крепость по сравнению с 1704 годом была порядком усилена: на северной оконечности скалы поставлена новая батарея (Гринс Лодж Батарей), а на востоке сооружен Кингз Бастион (King's Bastion), защищавший Гибралтар от десанта со стороны залива. На самой скале расположились еще ряд фортов — батарея Уиллисис, Большая Батарея, редут Принцессы (Willis's, Grand Battery, Prinsses Line).

Напротив отгороженного рвом и батареями перешейка, в местечке Пунта Малья располагался испанский гарнизон в 13 700 человек. Это была непрерывная линия окопов и укреплений через весь перешеек, упиравшаяся в форты Санта-Барбара и Сан-Фелиппе. Там испанцы сосредоточили двенадцать эскадронов кавалерии, 1000 артиллеристов, 4 батальона пехоты и разнородные силы народного ополчения — полки Арагона, Каталонии, Гвадалахары, Соррии и Савойи. Командовал этой сборной солянкой генерал Мартин Альварес Сотомайо, участвовавший ранее в военных действиях в Италии. Морские силы испанцев состояли из эскадры фрегатов под командованием Антонио де Барсело, расположенных в Сеуте и Альхесирасе¹, они должны были заблокировать подвоз продовольствия, подкреплений и боеприпасов в Гибралтар. Союзники решили захватить Скалу измором, а активные боевые действия отложили на будущее.

¹ Город напротив Гибралтара, находящийся в Альхесирасском заливе.

Жители города быстро почувствовали на себе последствия осады. Цены на продовольствие сразу же поползли вверх, генерал Эллиот уже в августе был вынужден ввести в Гибралтаре карточную систему. Дух гражданского населения неуклонно понижался, и, дабы побороть эту тенденцию, 12 сентября 1779 года губернатор приказал открыть беспокоящий огонь по испанским позициям. Батареи Гринз Лодж, Уиллисис и Квин Шарлотт каждый день выпускали по противнику до 100 ядер. До октября испанцы были вынуждены терпеть, не имея возможности ответить, поскольку их пушки еще не прибыли, однако после установки орудий на фортах Пунта Малья бомбардировка стала взаимной: в короткое время были возведены батареи Сан-Хосе и Пеньон, которые интенсивно включились в обстрел города.

К декабрю голод в Гибралтаре стал реальностью. Цены на продукты поднялись в двадцать раз, и без того скудные пайки были урезаны, в январе дошло до того, что солдаты начали умирать на посту от голода и слабости. Спасать гарнизон Скалы Англия послала самого прославленного своего адмирала — Джорджа Роднея.

4

Активные действия французского флота в Новом Свете и Индии привели к тому, что эскадры Британии оказались разбросанными по морям, но положение Гибралтара внушало определенные опасения, поэтому Роднею, отправлявшемуся к берегам Северной Америки, сначала было приказано проследовать к Скале. Перед его соединением ставилось две цели: доставить в осажденную крепость провиант и боеприпасы, а также при возможности дать бой союзникам, чтобы деблокировать Гибралтар с моря.

В декабре 1779 года Родней отплыл из Англии. В состав его соединения входили 21 линейный корабль, 14 фрегатов и большое количество транспортов с войсками. 7 января 1780 года на траверзе мыса Финнистере все транспорта в охранении из 1 линкора и 3 фрегатов взяли курс на Карибское море, оставшиеся же корабли Роднея двинулись к Гибралтару. На следующий день англичане обнаружили большой торговый караван испанцев, из 12 кораблей в сопровождении 64-пушечного «Гипускоана» и нескольких мелких фрегатов, шедший из Сан-Себастьяна к Кадису. После быстротечного боя весь конвой был захвачен. Испанские суда, груженные оружием и провиантом, Родней сразу же отправил в Гибралтар, поставив в охранение 2 линкора, сам же адмирал с 18 линкорами отправился на поиск противника к мысу Сент-Винсент.

Тем временем, ничего не зная о присутствии Роднея, из Кадиса к мысу Финнистере двигался испанский флот из 11 кораблей и 2 фрегатов под командованием адмирала эскадры Хуана де Лангара. В начале войны этот флотоводец отличился тем, что с 2 кораблями — «Подеросо» и «Леандро» — смог захватить британский приватир «Винчеон» недалеко от Санта-Мари. За эту «великую победу»¹ он был произведен в следующий чин.

14 января дивизион испанцев попал в шторм, и 74-пушечные «Сан-Хенаро» и «Сан-Хусто» отнесло к западу, таким образом, эскадра сократилась до 9 линейных кораблей и 2 фрегатов. 16 января около часу дня Родней обнаружил соединение де Лангара и подал сигнал выстроить линию баталии. Испанцы сразу же повернули на юг, к Кадису, поставили полные паруса, пытаясь убежать, но в 16.00 головные англичан — 74-пушечные «Дифенс»,

¹ Это не сарказм, это цитата из наградного рапорта!

«Резолюшн», «Бэдфорд» и «Эдгар» — нагнали беглецов и открыли огонь на поражение.

Уже через 40 минут ядро попало в крюйт-камеру 70-пушечного «Сан-Доминго», и корабль скрылся в ослепительной вспышке. После того как осел дым, на месте корабля виднелись только деревянные обломки, спасти никого не удалось.

К 18.00 стало темнеть, и испанцы надеялись, что ночью смогут уйти, однако Родней не собирался прекращать преследование. Один за другим на кораблях гордых идадьго ползли вверх белые флаги. Первым был взят на abordаж «Принсесса», а потом и остальные, включая флагманский 80-пушечный «Феликс». «Сан-Аугустин» и «Сан-Лоренцо», пользуясь тем, что имели хорошую скорость (их борта были обшиты медью), смогли уйти. Честь испанской короны смогли поддержать только действия экипажей «Сан-Эухенио» и «Сан-Хулиан» — из-за бури британцы разрешили испанцам помочь в такелажных работах. Пленные моряки набросились на призовые команды англичан, которые были быстро обезврежены.

Эскадра Роднея потеряла 32 человека убитыми и 102 ранеными. Испанские потери неизвестны, но на одном только взорвавшемся «Сан-Доминго» погибли более 100 моряков.

В британской литературе это столкновение называют «Moonlight battle» — «Битва при лунном свете». Англичане смогли захватить 4 корабля противника. Испанские «Сан-Эухенио» и «Сан-Хулиан» 20 декабря с триумфом вошли в гавань Кадиса под пушечные залпы, в трюмах сидели пленные английские моряки. Примерно в это же время Родней вошел в Гибралтар. В порту уже разгружался конвой, который был отправлен ранее, Родней сгрузил много пороха и ядер, после чего взял курс на Барбадос.

Результаты этой победы были удручающими для союзников — блокада была прорвана, гарнизон Гибралтара получил необходимое снаряжение и продовольствие, испанский флот, получивший чувствительный удар, боялся выходить в море. Но сразу же после ухода эскадры Роднея испанский флот возобновил морскую блокаду Скалы, перехватывая все торговые суда англичан.

5

Видя, что Скала оказалась твердым орешком, Испания решила выторговать себе крепость дипломатическим путем. Мадрид предложил Лондону сделку — кортесы обязуются выйти из войны, если Великобритания вернет Гибралтар. Для столь деликатной миссии в Гессен (на родину британского короля) был направлен граф Флоридабланка. Британцев заинтересовало это предложение, и в январе 1780 года по приглашению Георга III в Лондон прибыл посол Испании — граф де Альмодовар. После обсуждения идеи в Кабинете министров, англичане выдвинули свои условия:

— Взамен Гибралтара Британия получает остров Пуэрто-Рико, крепость Омоа в Вест-Индии и территорию в заливе Оран в Западной Африке, где может строить новую крепость.

— Испания оплатит Англии все издержки по перевозу военного и гражданского имущества и компенсирует затраты на строительство новой крепости (это около 2 миллионов фунтов стерлингов).

— Испания разрывает все отношения с Францией и прекращает предоставление помощи североамериканским колониям.

— Англия заключает с Испанией перемирие, испанский гарнизон из Пунта Малья переводится в глубь страны.

— Англия отдаст Испании Гибралтар только после окончания войны в Америке, но Испания, в свою очередь, должна предоставить свои базы на острове Пуэрто-Рико, как только будет заключен договор.

В июле 1780 года в Мадрид на переговоры прибыл секретарь МИДа Англии герцог Кумберленд. Испанцы, получившие ряд чувствительных ударов от флота Англии, уже были готовы согласиться на предложение Форин офиса, но в начале августа все изменилось. У берегов Северной Америки испанский флот захватил огромный английский конвой с товарами, оцененными в 2 миллиона фунтов. Караван был с триумфом приведен в Кадис, победа воодушевила всю страну, идалго в Мадриде начали поговаривать, что Испания возвращается в блаженные времена Изабеллы Кастильской и Карла V. Естественно, что требование Англии вернуть суда было просто проигнорировано. Лондон резко свернул все переговоры, и боевые действия были продолжены.

Дипломатические игрища развернулись и вокруг Баlearских островов. История со взятием Минорки уводит нас своими корнями в Россию. Дело в том, что невольно в Войну за независимость североамериканских штатов оказались втянуты и нейтральные страны. Англичане, дабы прервать сообщение повстанцев со Старым Светом, под любым благовидным предлогом стали захватывать все без исключения торговые суда, идущие в порты САСШ¹. Тем же нейтралам, кто шел под флагом Британии, угрожали корсары Франции и Испании.

Такие действия сильно ударили по торговым интересам целого ряда стран Европы — это Голландия,

¹ Это прообраз знаменитой немецкой «неограниченной подводной войны». Тирпиц и Шеер ничего нового не изобрели.

Дания, Швеция, Португалия, Россия, Королевство обеих Сицилий, Австрия. В конце 1778 года императрица Екатерина II предложила Дании совместно охранять суда, идущие в русские порты. На следующий год к этому договору присоединилась и Швеция. Другие нейтральные страны также собирались подписать конвенцию. Суть ее заключалась в следующем:

1. Нейтральные корабли могут свободно плавать у берегов воюющих держав.
2. Неприятельская собственность под нейтральным флагом (за исключением «заповедных товаров») неприкосновенна.
3. Предметами военной контрабанды признаются только оружие и различное военное снаряжение.
4. Блокированным считается лишь порт, вход в который практически затруднен в связи с действиями военно-морских сил воюющих держав.

Этим самым подтверждалось право нейтралов свободно торговать со всеми воюющими государствами. Больше всего подписание данной декларации ударило по Англии — Туманный Альбион разом лишился миллионов фунтов стерлингов, ежегодно получаемых от захваченных призов, а у САСШ сразу же появилась возможность прорвать блокаду своего побережья и начать торговать со странами Европы. Таким образом, косвенно нейтральные страны признавали североамериканские штаты отдельным государством, а это вскоре могло привести и к признанию данного факта де-юре.

В начале 1780 года лорд Норт¹ добился аудиенции у императрицы и предложил сделку: Англия отдает Российской империи остров Минорку с отличной гаванью Порт-Магон,

¹ Посол Великобритании в России.

а Россия, в свою очередь, отказывается от «вооруженного нейтралитета». Правительство Великобритании, действуя подобным образом, старалось убить нескольких зайцев.

Избавиться от политики «вооруженного нейтралитета», подкупив главного инициатора защиты нейтральной торговли.

Стравить Россию с Испанией и Францией, чьи притязания на Минорку не были ни для кого секретом¹.

Испортить отношения между САСШ и Российской империей.

Отдать то, что при случае всегда будет можно легко и безболезненно отобрать обратно, так как Россия не смогла бы держать там сколь-нибудь значимую эскадру.

Екатерина II была мудрым политиком и решила не совершать сомнительные сделки. Однако слухи об этом предложении дошли до ушей французов и испанцев², и захват Порт-Магона оттеснил на задний план даже штурм Гибралтара. Дело в том, что база на Балеарских островах была вторым ключевым пунктом англичан на Средиземноморье. Эскадра, базирующаяся на Порт-Магон, угрожала французскому флоту в Тулоне, а также могла вести крейсерские действия в районе южного побережья Испании и Франции.

¹ Сэр Джеймс Харрис, секретарь Норта, пишет: «Правда, я знал, что императрица не подходила для выполнения этой задачи, но я знал также, как сильно польстит ее тщеславию этот выбор, и прекрасно сознавал, что раз она возьмется за это дело, то будет упорно продолжать его и неизбежно будет вовлечена в нашу распрю, в особенности если обнаружится (а это обнаружилось бы), что мы вознаградили ее Миноркой».

² Есть предположение, что князь Потемкин специально поделился этой информацией с министром иностранных дел Франции — графом д'Эгильоном.

Получив пощечину у Сент-Винсента, испанцы решили активизироваться на суше. Обстрелы Гибралтара, начавшиеся с октября 1780 года, полностью разрушили жилые дома и казармы в городе. Единственным спасением для защитников крепости служили обширные казематы бастионов, которые в британских исследованиях поэтично назывались «осадными туннелями».

12 апреля 1781 года морскую блокаду прорвала эскадра адмирала Дарби, в составе которой были 4 линейных корабля (в том числе и новый 100-пушечный линейный корабль «Виктори»), 4 фрегата и 97 торговых судов. Однако радость англичан вскоре переросла в панику — испанцы организовали интенсивный огонь по гавани, где находились разгружающиеся транспорта. Защитники крепости пытались использовать баркасы для снятия товаров с судов, но бомбардировка порта была столь сильной, что даже в баркасах убыль была заметной¹. Через неделю, так и не закончив разгрузочных работ, Дарби был вынужден отойти в море. На борт были взяты те жители Гибралтара, которые более не хотели выносить превратности осады.

С июня огонь испанцев по городу достиг невиданной силы — 1200 ядер в день, хотя и англичане не оставались в долгу, выпуская по испанским позициям до 800 ядер в сутки². Несмотря на неслыханные лишения, англичане продолжали

¹ Если говорить о нашем времени, то сравнить это можно с переправой советских войск через Волгу в осажденный Сталинград.

² Несколько ядер англичан попало в испанские продовольственные склады. Многие удалось спасти, но резервуары с водой были разрушены. Вместо воды испанский командующий разрешил выдавать вино, что, конечно же, не лучшим образом сказалось на боеспособности вверенных ему войск. Большое количество смертей от прекрасного испанского вина было вызвано комбинированным воздействием на организм алкоголя и палящего солнца.

стойко удерживать Гибралтар, а на помощь испанцам спешили французы.

6

23 июня 1781 года 18 кораблей брестской эскадры под командованием де Гишена отплыли в Кадис. Здесь они соединились с 34 линейными кораблями испанцев, и 16 августа объединенная франко-испанская эскадра отплыла к Балеарским островам. Ее сопровождали 49 транспортов с 9000 солдат, которыми командовал опытный французский генерал — Бертон Баль де Кье, герцог де Крильон. При появлении такой армады кораблей эскадра англичан из 15 линейных кораблей и 12 фрегатов без боя покинула гавань Порт-Магона, 19 августа эскадра союзников показалась у крепости, защищающей вход в гавань. Главный узел обороны Порт-Магона — форт Сан-Фелиппе — располагал всего лишь 3000 защитников¹ и 72 орудиями. Оборону возглавил губернатор города — генерал Джеймс Мюррей.

20 августа началась методичная бомбардировка фортов Минорки. В сентябре из Тулона пришли дополнительные транспорты с 6 тысячами морских пехотинцев и к высадке были готовы уже 15 тысяч штыков. Войска высадились в окрестностях города и взяли его в кольцо. Было сгружено большое количество легких пушек и осадных орудий. Полная блокада островов лишила гарнизоны подвоза продовольствия и медикаментов, в ноябре участились случаи заболеваний туберкулезом и лихорадкой. Герцог Крильон позволил себе сделать широкий жест — в октябре он объявил перемирие на 14 дней и переслал в Порт-Магон множество жареных куропаток, голубей под белым соусом и фрукты с просьбой к губернатору накормить своих солдат.

¹ В состав обороняющихся входили два ганноверских батальона (800 штыков).

Также генерал Бертран отправил к Мюррею парламентаров с предложением сдать крепость за 1 миллион ливров, дабы избежать ненужного кровопролития, но ему было отказано в этой просьбе¹. Бомбардировка усиливалась с каждым днем. Дадим слово пастору Линдеманну:

«16 ноября. Пятница»

Прогуливаться по городу стало опасно из-за бомбардировки. Вчера бомба попала в сквер около дворца губернатора и убила девочку, игравшую там со своей сестрой. Еще одна бомба упала всего в 12 метрах от моего дома с большим грохотом, но повреждения оказались невелики. Где-то раздался женский плач, оказывается, молодая леди с дочкой не выдержали такого напряжения. Я их успокаивал».

К началу декабря из-за громадных разрушений большая часть солдат и жителей были вынуждены укрыться в катакомбах. К этому времени в городе свирепствовали эпидемии, горожане были больны цингой, люди каждый день умирали от голода. На два дня Рождества французы прекратили огонь и снова предложили сдаться, но опять подобные призывы остались без ответа. Бомбардировки продолжились.

Начиная с 1 января 1782 года, обстрелы шли и день и ночь. Только за один день — 14 января — под бомбами погибли 30 британских солдат и 41 немец. Положение становилось критическим. 16 января несколько ядер попало в продовольственные склады, начался пожар, и много продуктов сгорело. Это было последней каплей.

¹ Вообще «пятая колонна» на Минорке была очень сильна. По словам пастора Линдеманна, евреи, испанцы и итальянцы сразу же при появлении эскадры у стен города обратились к губернатору с требованием принять капитуляцию, но губернатор ответил, что крепость будет защищаться.

4 февраля 1782 года на цитадели Сан-Фелиппе подняли белый флаг. За время осады защитники потеряли 96 человек убитыми и 147 — ранеными. Болезни и голод сделали гораздо больше — 107 солдат умерли от голода, 560 — от цинги, 1327 уже харкали кровью.

Джеймс Мюррей принял генерала Крильона во дворце губернатора. Он подписал капитуляцию гарнизона Порт-Магона и отдал французу свою шпагу. Минорка была захвачена. Теперь союзники должны были покончить с Гибралтаром.

7

Взятие крепости испанцы и французы решили провести в мае—сентябре 1782 года. К Гибралтару подтянули войска, численность которых теперь была 33 тысячи человек, против фортов сосредоточили 400 орудий и 150 тяжелых мортир, возглавил группировку герцог Крильон. Кроме того, французский инженер Жан Клод Элеонор Лемишо д'Арсон предложил обстреливать бастионы Скалы с помощью плавбатарей, построенных особым образом: массивные дубовые брусья, постоянно поливаемые водой из насосов, закрывали мортиры, расположенные на деревянных площадках. Дабы во время стрельбы конструкция не перевернулась, батареи имели водяной балласт. На небольшом расстоянии от рядов крепкого бруса были натянуты пеньковые сети, которые должны были гасить инерцию бомб, попавших в «плавающую крепость». Дополнительную плавучесть конструкции придавали пустые бочки, уложенные по периметру основания. Транспортироваться к позиции батареи должны были шлюпками и канонерскими лодками. К сентябрю было построено 10 таких батарей, на которых разместили в общей сложности 150 орудий. Крильон назначил

д'Арсона командиром «плавающих крепостей», а в начале осени к Гибралтару подошел объединенный флот союзников из 27 испанских и 12 французских кораблей под командованием адмирала Кордовы.

Силы защитников крепости на тот момент насчитывали 7500 солдат и 663 пушки. Гибралтар был полностью блокирован с моря и с суши, все силы английского флота были направлены к берегам Северной Америки, на помощь рассчитывать не приходилось. 8 сентября, предчувствуя кульминацию битвы, Эллиот отдал приказ открыть ураганный огонь по позициям французов и испанцев. 10-го числа обстрел временно прекратили.

В ночь с 12 на 13 сентября 1782 года плавбатареи были расставлены по позициям и началась генеральная бомбардировка крепости. Ураганный огонь из 700 орудий открыли в 9 часов утра. Канонерские лодки и бомбардирские суда также обстреливали форты Гибралтара, город быстро заволокло гарью и дымом, особенно пострадали Кингз Бастион, бастионы Пуэрта эль Терра, дель Кастильо и северные батареи, однако по ходу бомбардировки выяснилось, что только 3 из 10 плавающих батарей поставлены согласно плану. Семь же расположили в стороне от позиций, поэтому они могли вести огонь только по молу и гавани. Англичане, понимая, что прежде всего надо выбить из игры эти плавающие лоханки, сосредоточили огонь своих орудий по сооружениям д'Арсона. Эллиот приказал бить по плавбатареям калеными ядрами, и к 14.00 одна из них задымилась. Почувствовав, что смогут отбить и эту атаку, защитники воспряли духом. Английские канонерские лодки рванули к Южному молу и, выстроившись фронтом, организовали продольный огонь по «плавающим крепостям». Через час зачала еще одна батарея, а к 20.00 пылали 9 из 10 сооружений

д'Арсона. Спустя 30 минут 7 «крепостей» взлетели на воздух, там погибли около 1500 французских артиллеристов. Видя бедственное положение товарищей, экипажи еще 2 горящих батарей бросились в воду, где 400 из них были подобраны англичанами. Канонерские лодки строем фронта подошли к последней исправной батарее и взяли ее на abordаж. Весь расчет погиб, в плен никто не сдался. Две же догоравшие «крепости» к ночи просто погрузились в воды залива.

На суше тем временем шел свой бой: Крильон, как страстный поклонник Вобана, еще в конце августа начал рыть подкопы с целью взорвать часть стены и прорваться в город. Самая длинная штольня — «Туннель Дьявола» — была выкопана от перешейка до стен главной цитадели и имела длину около 2 километров. Однако эти работы обнаружил ганноверский офицер Швекендейк, о чем и доложил Эллиоту. 13 сентября контрподкоп был готов, туда заложили 5 бочек пороха и рванули. Обрушившаяся перегородка «Туннеля Дьявола» придавила 15 французских саперов, которые умерли в страшных мучениях.

К концу дня союзники были отбиты на всех направлениях. Потери французов и испанцев превышали 2000 человек, англичане и немцы недосчитались всего лишь 232 солдат. Генералу Эллиоту удалось спасти Гибралтар.

10 октября 1782 года блокаду прорвала эскадра адмирала Хоу из 60 кораблей и судов. Англичане получили порох, продовольствие и подкрепления. Активные действия после этого заглохли сами собой.

Сразу же после неудачного штурма Испания заговорила о мире. Она была согласна отдать Пуэрто-Рико, Тринидад, Гаити, Оран и Омоа в обмен на Гибралтар. Лорд Фокс ответил на это категорично и однозначно: «Наша страна всегда будет нуждаться в Гибралтаре, дабы отделить Францию от

Франции, Испанию от Испании. Географически Гибралтар — одна из самых выгодных стоянок флота. Гибралтар гарантирует на власть над Средиземным морем. Отдайте Гибралтар Испании, и Левант сразу же станет внутренним испано-французским озером».

20 января 1783 года противоборствующие стороны сели за стол переговоров. 3 сентября 1783 года был подписан Версальский мир, по которому Британия признала независимость САСШ; Минорку и Флориду отдала Испании, Франция получила Малые Антильские острова и несколько крепостей в Африке и Азии; Гибралтар же остался английским. Осада города длилась 3 года 7 месяцев и 20 дней, по Скале в общей сложности было сделано 258 387 выстрелов, 1200 солдат погибли, защищая Гибралтар.

Потери же союзников были более ощутимыми — 6000 убитых и 20 миллионов ливров затрат.

Гибралтар же продолжал оставаться одним из краеугольных пунктов господства на море. Английские эскадры, базирующиеся на Скалу, отделяли «Францию от Франции, Испанию от Испании».

Приложение 9

Английский флот и боевые действия на Балтике: 1715—1719 годы

В этой статье мы бы хотели немного затронуть войну, которая 21 год шла на совершенно другом краю Европы одновременно с Войной за испанское наследство. Рассмотрим мы решили период с 1715-го по 1719 год, поскольку на Балтике сразу после окончания сражений с французами появился английский флот во главе с нашими старыми знакомыми — адмиралами Джоном Норрисом и Джорджем Бингом.

1. Осада Штральзунда

В 1710 году, незадолго до окончания Войны за испанское наследство, в результате дворцовой интриги в Англии к власти пришли тори во главе с виконтом Болингброком и герцогом Харли. Они были сторонниками Стюартов (Болингброк открыто говорил, что королем должен стать сын Якова II — Яков III), поэтому всех вигов просто вымели из правительства и армии. Из флота был изгнан адмирал Бинг, которого Болингброк опасался как очень талантливого и популярного среди матросов флотоводца. Из армии попросили герцога Мальборо (которого тут же хватил паралич) и героя штурма Порт-Магона генерала Стэнхоупа. После Войны за испанское наследство ситуация еще больше накалилась — наследница британского престола София Ганноверская умерла (за месяц до кончины самой королевы Анны), и Великобританию снова стало лихорадить.

Анна Стюарт ненавидела Софию при жизни, а после смерти ганноверской принцессы перенесла свою нелюбовь на ее сына — Георга, поэтому было решено пересмотреть «Акт об устройении» в пользу Якова III — сына свергнутого Якова II, который должен был перейти в англиканство и подтвердить существующие свободы Англии.

Замысел этот сорвался в известной степени благодаря лорду-лейтенанту Ирландии Чарльзу Тальботу герцогу Шрусбери. Жена Шрусбери, имевшая придворную должность «спальной леди королевы» (Lady of the Bedchamber), уговорила тяжело больную Анну снять Роберта Харли, графа Оксфорда, одного из главных инициаторов передачи короны Якову III, с поста лорда-казначея. 30 июля 1714 года Чарльз Шрусбери стал лордом-казначеем, управляющим королевской казной.

Парламент быстро принял акт, в котором власть передавалась сыну Софии — Георгу Ганноверскому. Болингброк, Оксфорд, Ормонд, Страффорд и другие представители проякобитской партии были обвинены в государственной

измене и смещены со своих постов. Болингброк бежал во Францию, Харли попал в Тауэр, где отсидел два года. Весь состав Адмиралтейства был смещен (пострадали тогда и те тори, которые не принимали активного участия в политической жизни, например, адмирал Лик), Первым лордом стал адмирал Рассел, а комиссионерами — репрессированные ранее партией тори Бинг и Дженнингс. На трон был возведен Георг Ганноверский, а премьер-министром (лордом-казначеем) стал только что вышедший из Тауэра Роберт Уоллпол. Поскольку вся страна понимала, что новый претендент на трон фактически не имеет никаких законных прав на корону, начались большие волнения. Особенно беспокойно было в Шотландии. Дело в том, что со времен Якова I шотландский король был и английским королем (Стюарты — это древний шотландский род), а согласно новому акту английского парламента, королем Шотландии становился немец. Многие предводители кланов настаивали тогда на разрыве унии с Англией. В Шотландии вспыхнуло восстание якобитов, около 15 тысяч вооруженных сторонников Якова под предводительством графа Мара 27 августа 1715 года взяли за оружие и подняли мятеж.

6 сентября шотландцы провозгласили Якова III королем Шотландии и пригласили возглавить их. 14 сентября якобиты захватили Перт, 10 октября — Эдинбург, 22-го — подступили к Глазго. Шотландия встречала сторонников Якова на ура. Если бы Яков и Мар ограничились только Шотландией, вполне возможно, они могли бы попытаться удержать ее за собой. Но Якову III нужна была и Англия. На военном совете решили вторгнуться в пределы северных английских графств. Однако горцы, бывшие локомотивом всей армии в Шотландии, неохотно пошли воевать на территорию Англии. Дезертирство

росло час от часа, вскоре армия безо всяких боев сократилась с 10 тысяч человек до 4 тысяч. В данной ситуации англичане превосходящими силами атаковали якобитов у Престона и наголову разбили их. 20-тысячная армия англичан вторглась в нижнюю Шотландию, 13 ноября у Шерифмура сторонники Георга атаковали войска герцога Мара, но не смогли их победить. Установилось хрупкое равновесие. 22 декабря 1715 года в Шотландию прибыл сам претендент — Яков III, он мог повлиять на ситуацию, но болезнь его (высокая температура и лихорадка) не дала повернуть дело вспять. На военном совете больной Якова поддержал предложение об отступлении к побережью (хотя большинство кланов после Шерифмура были готовы на сражение), а сам 4 февраля 1716 года убежал во Францию. Яков написал письмо, где просил предводителей кланов не губить понапрасну людей и признать Георга, чтобы спасти себя¹. Это в высшей степени странное письмо внесло глубокий раскол в стане повстанцев, и восстание быстро пошло на убыль.

В горную Шотландию ввели войска, рассредоточив их по всей территории. Английский парламент принял Закон о кланах, где, помимо всего прочего, шотландцам запрещалось носить оружие. Вместе с тем принятый документ позволял мятежникам вернуться в их дома без страха репрессий, причем за возвращение к мирным занятиям платились немалые суммы (некоторым руководителям кланов — до 20 тысяч фунтов стерлингов).

Все это было похоже на нынешнюю Чечню. Вроде как мир, brave сводки с мест, но в то же самое время — гибнущие от рук ковенанторов (приверженцев пресвите-

¹ Есть мнение, что это письмо — талантливая мистификация, сделанная сторонниками вигов для раскола якобитов в Шотландии. Но в любом случае бегство Якова было определяющим.

рианской церкви и противников англиканства) солдаты, сожженные блокпосты, убийства чиновников и офицеров и куча денег, уходящая в Шотландию как в бездонную яму.

К тому же сам Георг Ганноверский не вызывал уважения — приехавший с двумя матронами предпенсионного возраста и богатырских размерений (одна — тощая, но очень высокая, вторая — низенькая, но безобразно толстая), новый король так и не смог научиться говорить по-английски. Премьер-министр Роберт Уоллпол позже жаловался, что на докладе у Георга он вынужден говорить с ним по-латыни, так как сам не знает немецкого, а король совершенно не считает нужным знать английский.

Такая ситуация сделала возможным использование якобитской угрозы другими государствами в своих интересах. Это и произошло. Совершенно неожиданно Англия вмешалась в Северную войну, где Россия, Дания и Польша уже 13 лет воевали со Швецией. Официально была озвучена обеспокоенность за безопасность английских купцов. Неофициально — из-за позиции Карла XII по Ганноверу и из-за поддержки королем свергнутых Стюартов. Шведский король уже принял у себя нескольких сторонников Якова III и продолжал контакты с якобитами.

С возвращением Карла XII¹ в Швецию раздоры политических партий сами по себе заглохли и шведы наконец-таки

¹ После поражения под Полтавой в 1709 году шведский король Карл XII бежал в турецкий город Бандеры, где пытался втянуть в войну с Россией турецкого султана. Интрига оказалась успешной, немало этому поспособствовал и сам царь Петр, который объявил войну Турции. Война эта закончилась в 1712 году, после разгрома русских войск у реки Прут были начаты мирные переговоры. Петр отказался от претензий на побережье Азовского и Черного морей, а также от торгового мореплавания в этих морях. В июле 1715 года Карл въехал в Штральзунд, шведский порт в Померании.

опять обрели лидера, способного вести борьбу с превосходящим противником.

В 1715 году король шведский понял-таки, что главным врагом его все же является Россия, поэтому решил сосредоточиться на войне с царем Петром. Весной в крейсерство к Гогланду был послан отряд вице-адмирала Ганса Вахтмейстера (старшего сына великого шведского генерал-адмирала Ганса Вахтмейстера, основателя Карлсконы) в составе 4 линейных кораблей, 3 фрегатов и 50 мелких судов, а дивизион адмирала Эрика Иогана Лиллье — в Финский залив с 17 кораблями и 2 фрегатами. Шаутбенахта Карла Ганса Вахтмейстера-младшего с небольшим отрядом оставили в западной части Балтийского моря против возможных действий датчан.

Он имел следующие силы:

Наименование	Количество пушек
Prinsessa Hedvig Sophia	75
Nordstjerna	76
Södermanland	56
Göteborg	50
Hvita Örn	30
Falk	26

В апреле шаутбенахт отряд сразу же отличился — у Фермарна один из шведских фрегатов, 30-пушечный «Хвита Орн» (*Hvita Örn*) атаковал и взял на abordаж после двухчасового боя 20-пушечный датский фрегат «Орн» (*Örn*). От пленных Вахтмейстер узнал, что датчане готовы к выходу в море, и сразу же запросил подкреплений, однако получить их он не успел.

Датчане под командованием шаутбенахта Габеля наткнулись на шведов 24 апреля восточнее Фермарна, имея следующий состав эскадры:

Наименование	Пушки
Prinds Christian	76
Prinds Carl	54

Наименование	Пушки
Prinds Wilhelm	54
Nelleblad	52
Delmenhorst	50
Island	50
Laaland	50
Fyen	50
Hojenland	30
Raac	30
Lovendals Gallej	20
три малых судна	
брандер	

Получилось так, что Габель был восточнее Вахтмейстера, поэтому шведы оказались отрезанными от своих портов. Поскольку ветер был очень слабым, шведы спустили лодки для буксировки, попытавшись оторваться от датчан, но и датчане, в свою очередь, пытались шлюпками буксировать свои корабли, чтобы догнать отряд Вахтмейстера.

Около полудня подул бриз OSO, который позволил датчанам приблизиться к шведскому отряду, и около 16.00 завязалась перестрелка. Вахтмейстер, учитывая разницу в силах, счел за лучшее выйти из сражения, в свою очередь, Габель на флагмане «Приндс Кристиан» со своим мателотом вышел из линии и, поставив дополнительные лиселя, пустился в погоню за противником, ведя огонь из погонных орудий.

В свою очередь, шведский командир, видя, что два датских корабля слишком оторвались от остальных судов, сделал поворот «все вдруг» и попытался отрезать Габеля от его эскадры и прорваться к Карлсконе, однако датчане вовремя это заметили и повернули на 8 румбов влево, ожидая противника. Вахтмейстер отвернул к своим кораблям. Позже шведы еще раз предприняли попытку прорваться через линию датских судов, но безуспешно.

Бой велся на большой дистанции (3—6 кабельтов), шведскому «Зюдерманланду» отстрелили фор-стенгу, шальное ядро на шканцах убило капитана, но потери были небольшие, около 200 человек убитыми и ранеными. В 21.00 сражение прекратилось.

На ночь оба флота встали на якорь между островами Фермарн и Лангеланд. Северный ветер затруднял вход в Большой Бельт, но около полуночи изменил направление на восточный, и Вахтмейстер решил сняться с якоря и пойти на север, к своим берегам.

У южной оконечности Лангеланда он изменил курс и пошел на юг, к побережью Голштинии. В отчете штаутбенахт писал, что корабли во время вчерашнего боя получили повреждения и он не мог при таком слабом ветре уйти от преследования (хотя в тот момент как раз удалось оторваться от датчан). У входа в Кильскую бухту он выбросил свои корабли на мель и приказал прорубить днища, чтобы сделать невозможным их подъем датчанами.

Между тем «Хвида Орн», единственный корабль, не попавший на мель, искал пути к бегству, взяв курс на Большой Бельт, однако он был перехвачен гребным фрегатом «Левендалъс Галлей» и 30-пушечным «Раа», крейсировавшими в поисках шведов. Поскольку датские корабли были на ветре, севернее шведского фрегата, они погнались за ним на юг, к Кильской бухте. Там они увидели беспомощно стоящие на мели шведские корабли, которые шведские командиры в отчаянии пытались разрушить. Командир «Левендалъс Галлей» капитан Вессель послал парламентария к Вахтмейстеру с предложением сдаться. Также Вессель просил прекратить попытки разрушения кораблей, иначе обещал спустить брандеры и сжечь всех, не беря пленных.

Вахтмейстер, недолго думая, согласился на предложение датчан. Вскоре он был с почетом принят на борту

«Левендалъс Галлея», Вессель приказал дать пленному шаутбенахту салют из 7 орудий, а Габель, которому коленопреклоненный Вахтмейстер протянул свою шпагу, вернул ее обратно Карлу Гансу и разрешил носить.

Датские потери в этом бою составили 65 убитых и 220 раненых, шведские потери неизвестны, оцениваются шведскими же историками в 350 человек убитыми, около 1000 ранеными, однако в эти данные верится очень мало. Они взяты из отчета Вахтмейстера, который, конечно же, пытался оправдаться за сдачу кораблей и основной причиной называл высокие потери в экипажах. С учетом того, что бой 24 апреля 1715 года шел на расстоянии в 3—6 кабельтов (500—1000 м), датские артиллеристы должны были обладать феноменальным глазомером или системами центральной наводки, чтобы обеспечить столь высокие потери на шведских кораблях. В те времена стандартной дистанцией боя считалось расстояние в 50—200 метров, а 400 метров оценивались как дальняя дистанция. Поэтому ориентировочно можно оценить потери шведов как примерно равные датским. В плен попали 2500 шведских моряков.

С приливом Габель вывел все плененные шведские корабли на высокую воду (кроме флагмана Вахтмейстера, 75-пушечного «Принцесса Гедвига София», который оказался очень сильно поврежден и был сожжен) и отвел в Копенгаген, где они впоследствии были отремонтированы и включены в состав датского флота.

Сам же Габель отослал три корабля на соединение с адмиралом Рабеном, который вошел в Балтику с 7 линкорами, а с оставшимися 5 судами отправился на блокаду Гётеборга.

Именно в этот момент на Балтике появились англо-голландские эскадры.

5 июля в Зунд прибыла голландская эскадра из 12 кораблей под командованием шаутбенахта де Вета (de Veth). Состав эскадры был следующим:

Наименование	Пушки
Gelderland	72
Boeteslaar	64
Wolfswinckel	54
Huys te Nek	54
Nyenhuis, Oosterwijk	52
Curacoa	52
Matenes	52
Vredenhof	44
Diepenheim	44
Edam	44
Huis te Varmelo	40
1 судно снабжения	

Вместе с де Ветом в Зунды пришел большой торговый флот (около 200 судов). 10 июля к Копенгагену подошел адмирал Норрис с 18 линейными кораблями¹. 12 июля англоголландцы бросили якорь в Кьегге-Орт, решив действовать сообща, но действия их ограничились лишь обороной торговых судов.

Датчане же, пользуясь присутствием в их водах союзных эскадр, решили атаковать шведский Штральзунд, для чего собрали к Померании все возможные корабли с малой осадкой: 46-пушечный линейный корабль «Дитмарскен» (*Ditmarsken*), фрегаты — 24-пушечные

¹ Cumberland (86), Norfolk (80), Essex (70), Burford (70), Plymouth (60), Rippon (60), Dreadnought (60), Assistance (50), Severn (50), Bonaventure (50), Chatham (50), Hampshire (50), Centurion (50), Weymouth (50), Moor (50), Swallow (50), Advice (50), Burlington (50).

«Леопард» (*Leopard*) и «Кенгена Ягдт Кроне» (*Kongena Jagt Krone*), шнявы — 14-пушечную «Гравенстен» (*Graevenstein*), 20-пушечную «Феникс» (*Phoenix*), 8-пушечные «Рав» (*Raev*) и «Хуммер» (*Hummer*), прамы «Арк Ноа» (*Ark Noa*, 16 пушек), английские «Хеллифлайндер» (*Helleflynder*, 14 пушек) и «Эбентзер» (*Ebenetzer*, 12 пушек), зафрахтованные датские торговые суда — 26-пушечный «Кристиансо» (*Christianso*), 10-пушечные «Хааб» (*Haab*) и «Бескьяермер» (*Beskjaermer*), а также 2 бота, 4 плашкоута, 2 галиота, 4 брандера и 6 кораблей снабжения. Командовал этим отрядом вице-адмирал Сехестед. 9 июля флотилия покинула Копенгаген и под прикрытием эскадры адмирала Рабена¹ проследовала к банке у Нью-Депа.

16 июля эту армаду вынудил отойти вышедший из Карлсконы шведский отряд барона Шпарре из 20 линкоров, который сопровождал войсковые транспорта с подкреплениями в Штральзунд. Поскольку шведы были на ветре, Шпарре имел возможность преследовать Рабена, но, увидев, что датские корабли отходят от острова Рюген, барон прекратил погоню и вернулся на рейд Штральзунда, чтобы закончить высадку войск.

Сехестед, оставшийся без поддержки Рабена у банки Нью-Депа, поставил свой отряд на некотором отдалении от острова Узедом. Здесь датчан атаковали с берега полковая артиллерия шведов, а также эскадра Лиллье (20 вымпелов) и отряд из 8 штральзундских кораблей с самим Карлом XII на борту. Хотя шведские корабли из-за большой осадки не

¹ Ebenetzer (54), Julland (70), Justitia (90), Prinds Wilhelm (54), Oldenborg (52), Sophia Hedvig (76), Fyen (52), Haffru (70), Elephant (90), Prinds Christian (76), Nelleblad (52), Prinds Carl (54), Laaland (50), Dronning Louisa (70), Beskjermer (64), Wenden (72) — всего 16 линейных кораблей.

могли подойти достаточно близко, тем не менее Сехестед был обложен со всех сторон, и такая ситуация продержалась до 31 июля, когда пруссаки, союзники датчан, не захватили Волгаст и не загнали шведов обратно в Пенемюнде.

Это обстоятельство существенно облегчило положение флотилии, а возвратившийся неделю спустя флот Рабена положил конец всем неприятностям Сехестеда.

Сам Рабен крейсировал эту неделю у Кьегте Орта. Один из его фрегатов, «Гвиде Орт» (Hvide Ort, бывший шведский Hvita Ort, захваченный у Фермарна) под командованием уже знакомого нам Весселя, который стал командиром этого приза, 20 июля был атакован 50-пушечным шведским «Озель» (Oselt), а 4 августа — 64-пушечным кораблем «Фредерика Амалия» и 24-пушечным фрегатом «Фалькомштерн» (Valkomstern), но в обоих случаях смог спастись и уйти под прикрытие основных сил.

Тем временем к Рабену 30 июля подошло подкрепление — 70-пушечный «Нордштерн» (Nordstjern) и 60-пушечные «Анна София» (Anna Sophie) и «Сван» (Svan), а 4 августа еще два 50-пушечника¹. Теперь силы датчан (21 корабль, 1344 орудия) были равны шведским (20 кораблей, 1310 орудий), и Рабен сразу же отправился на помощь Сехестеду, но из-за безветрия обе эскадры встретились только 8 августа.

Шведская эскадра Шпарре:

Наименование	Пушки
Skane	62
Brehmen	68
Oland	54
Pommern	56
Prins Carl (Ляалье)	60
Smaland	66

¹ «Дельменхорст» (Delmenhorst) и «Исланд» (Island).

Наименование	Пушки
Osel	50
Riga	54
Stockholm	68
Gotha Lejon (Шнаппе)	96
Prins Carl Frederik	72
Westmanland	62
Estland	50
Gottland	50
Verden	54
Enighet (Хенк)	96
Fredrica Amalia	64
Lifland	50
Wenden	72
Karlskrona	72

9 августа к 8 часам утра 15 кораблей шведов стояли на якоре в Палмер Орте у восточного побережья Рюгена. Еще 5 шведских кораблей крейсировали у острова Грейфсвальдер, примерно в 12 милях к SSW. Дул устойчивый норд-вест, датчане подходили в фордевинд вблизи северного и восточного берега Рюгена.

Шпарре, заметив противника, немедленно снялся с якоря, сигнализируя отделившимся кораблям как можно быстрее присоединиться к нему. Примерно в полдень шведы сформировали линию, немного отходя от ветра левым галсом, тогда как Рабен расположил свою эскадру на ветре, решив атаковать с перевернутым фронтом и сделав головным арьергард.

В 14.00 колонны сблизилась на пушечный выстрел, и бой начался. Шквальный огонь с обеих сторон велся очень жестко, корабли, даже получившие повреждения, из линии не выходили, исправляя повреждения прямо под огнем. Следует признать, что Рабен совершил большую ошибку, выровняв свою линию на расстоянии в 300 метров от шведской и пре-

кратив сближение. Это, в свою очередь, может говорить о том, что шведы стреляли довольно хорошо и датчане просто побоялись больших повреждений своих судов при дальнейшем сближении.

Около 20.00 Шпарре смог выбраться на ветре, и флоты разделились. Многие шведские корабли в бою очень пострадали — 50-пушечные «Озель» и «Готланд» получили около 20 подводных пробоев каждый и взяли курс на Карлсону. Флагман Шпарре, а также 90-пушечный «Энигжет» и 50-пушечный «Поммерн» также получили несколько ядер в район ватерлинии и были не в состоянии возобновить бой. Кроме того, при отходе «Принс Карл Фредерик» и «Вестманланд» столкнулись и получили повреждения.

Датчане получили гораздо меньшие повреждения, на их кораблях насчитывалось 127 убитых, включая вице-адмирала Юля, и 466 раненых. У шведов потери составили 165 матросов убитыми и 360 — ранеными, в том числе адмиралы Лиллье и Хенк. Примерно равное соотношение убитых и раненых при гораздо более тяжелых повреждениях шведов говорит о том, что датские корабли вели огонь по корпусам противника, тогда как шведы — по корпусам и такелажу датчан.

Датский флот в сражении у Рюгена имел следующие силы:

Наименование	Пушки
Wenden	72
Beskjermer	64
Prins Carl	54
Nordstjern	70
Dronning Louisa (в.-а. Тройел)	70
Laaland	50
Nelleblad	52
Svan	60
Island	50
Prinds Christian	76

Наименование	Пушки
Elephant (Рабен)	90
Haffru	70
Fyen	52
Anna Sophie	60
Delmenhorst	50
Oldenborg	50
Justitia (в-а. Юль)	90
Sophie Hedvig	76
Prins Wilhelm	54
Julland	70
Ebenetzer	64

Всего 21 корабль, 1344 орудия.

На следующее утро датчане были примерно в 10 милях на ветре от Шпарре, который держал курс на остров Борнхольм для соединения с конвоем, шедшим с припасами из Карлсконы в Штральзунд. Габен не стал преследовать противника, бросив якорь у Палмер Орта.

Ушедший в крейсерство датский приз «Гвиде Орн» в ночь с 8 на 9 августа натолкнулся на «Озель» и «Готланд», возвращавшиеся в Карлскону. Вессель пошел в атаку и, сблизившись с «Озелем», развернулся бортом и дал три залпа лагом по корме противника. Шведский корабль получил существенные повреждения, был потерян руль, но ситуацию спасли три шведских линкора, появившиеся на горизонте.

Вессель был вынужден отойти. 10 августа «Гвиде Орн» обнаружил шведский конвой (10 торговых судов), шедший под эскортом 34-пушечного «Феникса» (Phoenix) и 20-пушечного «Кроншкипа» (Kronskeep). Зайдя сзади, Вессель, пользуясь спустившимся туманом, смог взять на abordаж одного «купца».

Этим и закончились активные действия больших кораблей. Шпарре намеревался сопроводить конвой до Рюгена,

но из-за тумана на несколько дней задержался у Борнхольма и счел за лучшее уйти в Карлскону. Рабен же отвел корабли в Кьегте Орт.

Сехестед же поставил свои корабли у северо-восточной оконечности Узедома, которая вместе со смежной частью материка была в руках союзников пруссаков. В свою очередь, около Нью-Дьеппа между Рюгеном и Рюденом расположились 8 шведских кораблей, в то время как 7 фрегатов под командованием капитана Унбенхавена из гавани Штеттина угрожали датчанам с фланга.

Сехестед решил атаковать Унбенхавена и послал малые корабли из Свинемюнде к Штеттину. Шведы приняли вызов, после шестичасового боя они смогли отбиться, однако прибытие датских подкреплений заставило их уйти в глубину гавани. Унбенхавен решил прорываться к Рюгену, однако для этого надо было пройти между Узедомом и материком, где были расположены прусские батареи и корабли Сехестеда. Все же шведы пошли на прорыв, сухопутная артиллерия открывала по ним жаркий огонь, вскоре датчане подключились к стрельбе, Унбенхавен шел, как сквозь строй, получая довольно болезненные залпы со всех сторон. На флагмане, шедшем головным, было потеряно довольно много людей, однако шведы смогли прорваться и соединиться со своими кораблями у Нью-Дьеппа.

В свою очередь, Сехестед получил дополнительные подкрепления — 46-пушечный большой прам «Хьялпер» (Hjalper), а также три 7-пушечные галеры для перевозки войск — «Приндс Кристиан», «Луиза» и «Шарлотта Амалия» (Prinds Christian, Louisa и Charlotte Amalia).

17 сентября датчане покинули свои позиции и пошли на сближение со шведами. У тех насчитывалось 13 фрегатов, восемь из которых имели 30 орудий. Согласно диспозиции, подписанной самим Карлом XII, эти большие

фрегаты выстроились в линию поперек пролива между Штральзундом и островом Рюген, остальные же встали за ними второй линией.

Бой начался в 9 утра и продолжался до захода солнца. Шведы смогли удержать строй и нанести Сехестеду небольшие повреждения. На следующий день датчане возобновили атаку. В полдень шведы не выдержали и начали рубить якоря — Кронхавен с 10 кораблями укрылся у Рюдена, а Анкерштерна отошел с тремя оставшимися к Изерхофту на южном берегу Рюгена. Сехестед с прамами погнался за Анкерштерной, ведя непрерывный огонь, и последний был вынужден выбросить корабли на мель и поджечь их. Потери датчан составили 40 человек, потери шведов — до 200 матросов только убитыми.

После своего возвращения в Кьегте Орт датский линейный флот бездельничал до конца года. Проводились лишь кратковременные крейсерства между Копенгагеном и Рюгеном, но основная часть кораблей стояла на якоре в Кьегте. В одном из таких крейсерств опять отличился неудержимый Вессель. 1 октября «Гвиде Орн» столкнулся с 54-пушечным шведским кораблем «Рига» и 34-пушечным фрегатом «Феникс». Бой происходил у Рюгена, Вессель уходил, отстреливаясь, несмотря на высокую скорость шведских судов, «Гвиде Орн» смог скрыться, пользуясь ухудшением погоды, потеряв, однако, 5 человек убитыми и 14 — ранеными. В открытом море он переждал бурю, едва не затонул от полученных повреждений и 3 октября со срубленной грот-мачтой и избитым корпусом вошел малым ходом на рейд Джамсунда. Там Вессель силами экипажа произвел временный ремонт и 9 октября вышел в Копенгаген.

В ноябре корабль снова был в море и 7 декабря опять умудрился вступить в бой с превосходящими силами

противника. Он погнался за 20-пушечным шведским фрегатом «Сварта Орн» (Svarta Orn), но вскоре появился 54-пушечный «Верден» (Verden), и теперь уже Вессель был принужден спасаться бегством.

В конце августа адмирал Тройел был послан с 7 линейными кораблями¹ сопровождать войсковой конвой в Померанию. 10 сентября в Кьегге Орт прибыла английская эскадра из 8 кораблей (70-пушечные «Эссекс» и «Бурфорд», 60-пушечные «Плимут» и «Дредноут», 50-пушечные «Ассистенс», «Веймут», «Северн» и «Чатэм»), которая никак себя не проявила в августовских баталиях. Рабен к этому времени был болен и сошел на берег, 4 октября командующим датским флотом был назначен генерал-адмирал Гильденлеве. Смена начальства не привела к активизации действий союзников, 3 декабря датский флот был разоружен на зиму в Копенгагене, большая часть голландских и английских судов ушли в свои порты. В море союзники выставили только 4 английских и 5 датских кораблей, а также 2 фрегата и шняву, которые осуществляли блокаду Штральзунда.

Тем временем пруссаки оккупировали остров Рюген, 22 ноября шведский капитан Кронхавен ушел из Штральзунда с 6 кораблями, и теперь падение шведской Померании было только делом времени. Король Карл XII, осознавший положение, решил с несколькими приближенными покинуть город и вернуться в Швецию.

21 декабря он на легкой шлюпке вышел в море, миновал Рюген, в море его подобрал шведский фрегат, и 5 часов утра 22 декабря король высадился в Треллеборге, и впервые после 15-летнего отсутствия ступил он на шведскую землю.

¹ Beskjermer (64), Prins Carl (54), Nordstjern (70), Dronning Louisa (70), Laaland (50), Ebenetzer (64), Laaland (50).

В этот же день Штральзунд капитулировал. Адмирал Таубе вышел из Карлсконьы с 5 линейными кораблями и 14 транспортами вышел из Карлсконьы в Штральзунд, но по пути встретил два небольших судна, которые сообщили ему о падении крепости. Таубе решил повернуть домой и 8 января 1716 года встал на якорь в гавани Истада.

2. «Владычествует четьырмя»

Тем временем Карл XII, не теряя времени, сформировал большое войско и 8 марта 1716 года вторгся в Норвегию¹. С 10 тысячами драбантов он двинулся на Кристианию, где 21 марта начал осаду крепости Аггерхус.

6 апреля 1716 года Габель вышел в море с 7 кораблями, 6 фрегатами и 4 шнявами, имея на борту два пехотных полка, и отправился в Норвегию. Высадив солдат, он облегчил положение у Аггерхуса и Фридерикштадта, а 23 апреля поддержал огнем атаку захваченного шведами Мосса у Кристиансен-фьорда. Шведы, получившие отпор, отошли к Фридерикштадту, расположенному около границы Швеции и Норвегии.

Примерно в это же время два датских корабля и один фрегат были отправлены в захваченный Штральзунд с конвоем судов, 1 мая в качестве дальнего прикрытия в море вышел шаутбенахт Каас с 4 кораблями, через день он соединился с конвоем, но 7 мая его 7 кораблей атаковал шведский отряд адмирала Ганса Вахтмейстера в составе 14 кораблей. Каас был вынужден отступить к Кьегге Орту, Вахтмейстер же бросил якорь у Фальстенбро и не предпринимал никаких действий. Вскоре к Каасу присоединились два датских и два русских корабля (54-пушечный «Приндс Карл», 50-пушечный «Ольден-

¹ В то время Норвегия была связана унией с Данией.

борг», 52-пушечные «Уриил» и «Селафаил»), а также 42-пушечный фрегат «Гётеборг».

16 мая Вахтмейстер, узнавший о выходе в море русского Балтийского флота, отошел к Данцигу, но там смог застать только русские галеры, которые сразу же ушли на мелководье. Все попытки шведов выманить русские гребные суда на большую воду потерпели фиаско.

К началу июня Вахтмейстер отплыл в Карлскону, поскольку опасался, что датчане, получившие подкрепления от голландцев и англичан, отрежут его от своих баз. В свою очередь, датчане предприняли еще одну попытку провести торговые суда из Померании. 25 мая 4 линейных корабля и 2 фрегата были отправлены в качестве конвоя и 18 июня достигли Копенгагена.

2 июля Педер Вессель (к тому времени получивший дворянство и ставший виконтом Торденшельдом) покинул Копенгаген с двумя прамами, двумя фрегатами и тремя галерами¹ и 7 июля обнаружил шведский отряд у Дюнекилена в составе 24-пушечного прама «Штенбок» (Stenbock), галер «Прозерпина» (Proserpina, 14 пушек), «Лукреция» (Luckretia, 13 пушек), «Улисс» (Ulysses, 6 пушек), «Хекла» (Hecla, 13 пушек), а также 4 полугалер (5-пушечные «Ахиллес», «Поллукс», «Гектор» и «Кастор») и шести дубель-шлюпок. Шведы имели поддержку от береговой батареи (шесть 12-фунтовых орудий), расположенной на острове у входа в гавань. Торденшельд все же решил атаковать. Под прикрытием прамов и фрегатов галеры высадили десант на острове, и к полудню батарея была захвачена, шведский «Штенбок» датчане взяли на abordаж, после чего шведские команды просто бежали с галер. Вессель покинул Дюнекилен в 9 часов вечера, потери

¹ Прамы Hjaelper (46), Ark Noa (24), фрегаты Hvide Orn (30), Vinland (16), галеры Prinds Christian (7), Louisa (7), Charlotta Amalia (7).

датчан убитыми и ранеными составили 76 человек, в качестве призов им достались прам, три галеры, две дубель-шлюпки, два бота и девятнадцать торговых судов.

На следующий день Торденшельд встал с призами на якорь у Маго и присоединился там к Габелю. Эта победа заставила шведов уйти из Фридериксхалля и очистить Норвегию. Датский король произвел Торденшельда в чин commodore и наградил специальной медалью.

Тем временем у Копенгагена собирался огромный союзный флот. Первыми 7 июня прибыли англичане с 19 линкорами (командующий — уже известный нам адмирал Джон Норрис). Два дня спустя подошли русские — 7 кораблей и 1 фрегат, на следующий день к ним присоединились «Уриил» и «Селафаил». 13 июля на рейде бросили якорь голландцы — 6 линейных кораблей. 17 июля прибыл царь Петр с 37 галерами и пнявами из Ростока, а 30-го — вторая русская эскадра, 9 кораблей.

Состав союзного флота приведен ниже:

Наименование	Пушки	Примечание
Английская эскадра:		
Cumberland	80	
Shrewsbury	80	
Essex	70	
Burford	70	
Dreadnought	60	
Plymouth	60	
Auguste	60	
Exeter	70	
Severn	50	
Hampshire	50	
Strafford	50	
Burlington	50	
Weymouth	50	
Oxford	50	

Наименование	Пушки	Примечание
Falmouth	50	
Chatham	50	
Falkland	50	
Charles Galley	40	
Lynn	40	
Итого: 19 кораблей, 1070 орудий		
Голландская эскадра:		
Boeteslaer	64	
Batavier	52	
Brakel	52	
Hof van Reenen	52	
Edam	44	
Caleb	44	
Итого: 6 кораблей, 308 орудий		
Датская эскадра:		
Elefant	90	
Justitia	86	
Nordstjern	70	
Wenden	72	
Prinds Christian	76	
Dronning Louisa	70	
Sophia Hedvig	76	
Haffru	70	
Julland	70	
Beskjermer	64	
Ebenetzer	64	
Prinds Carl	54	
Prinds Wilhelm	54	
Oldenborg	52	
Fyen	50	
Island	50	
Delmenhorst	50	
Laaland	50	
Groenwich	70	
Итого: 19 кораблей, 1268 орудий		

Русский флот

Указываются следующие данные: название корабля, количество орудий (имеющиеся на борту калибры в фунтах); число членов команды; капитан (капитаны) в кампанию 1716 года; в составе какого отряда корабль прибыл. Сведения об орудиях и команде приведены по состоянию на 19 июля.

Ингерманланд 66 (24 ф., 12 ф., 6 ф.); 670, Петр I (флагман), капитан 3-го (?) ранга Мартин Госслер; ревельская эскадра.

Св. Екатерина 66 (24 ф., 12 ф., 6 ф.); 550; капитан-командор Петр Сиверс (флагман), Лоренс; ревельская эскадра.

Марльбург 64 (24 ф., 12 ф., 6 ф.); 450; а) капитан 3-го ранга Питер Бредаль; б) капитан-командор Вейбрант Шельтинг (флагман); отряд П. Бредаля.

Девонишир 56 (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 305; капитан 4-го ранга Наум Сенявин; отряд П. Бредаля.

Портсмут, 54 (???); 330; капитан 4-го ранга Класс (Никласс) Экгов; отряд П. Бредаля.

Архангел Михаил 54 (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 400; капитан 1-го ранга Томас Ру (Рю); ревельская эскадра.

Полтава 54 (18 ф., 12 ф., 6 ф.); 446; капитан 1-го ранга Вилим Фангент; ревельская эскадра.

Рафаил 54 (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 404; капитан 3-го ранга Христофор Гаук; ревельская эскадра.

Гавриил 54 (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 444; капитан 4-го ранга Исак Андресен Брант; ревельская эскадра.

Уриил 52 (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 317; капитан 4-го ранга Иван Сенявин; архангелогородские корабли.

Варахаил 50 (52) (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 159; капитан-поручик Питер Бенс; архангелогородские корабли.

Селафаил 50 (52) (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 309; капитан 4-го ранга Иван (Витус) Беринг — капитан 3-го ранга Питер

Бредадь — капитан? ранга Людвиг Тофт (Фангофт, Тоут, Гофт) (?); архангелогородские корабли.

Ягудилл 50 (52) (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 189; капитан-поручик Джон Ден — капитан 2-го ранга Корнелис Фандергон; архангелогородские корабли.

Фортуна 50 (18 ф., 8 ф., 3 ф.); 300; капитан-поручик Эрасмус (Эрасмус, Герасим) Андриен Гарбо — капитан 3-го ранга Генрих Вессель; ревельская эскадра.

Перл 50 (12 ф., 6 ф., 3 ф.); 226; капитан 3-го ранга Маркус Грис — капитан 4-го ранга Иван (Витус) Беринг; отряд П. Бредаля.

Фрегаты

Арондель 44 (12 ф., 6 ф.); 200; капитан 4-го ранга Вилим Бекер; ревельская эскадра.

Лансдоу 44 (8 ф.); 260; капитан 4-го ранга Питер Нельсон; ревельская эскадра.

Самсон 34 (12 ф., 6 ф.); 120; капитан 3-го ранга Питер Бредадь — капитан-поручик Джон Ден; отряд П. Бредаля.

Св. Илья 30 (12 ф., 6 ф., 3 ф.); 170; капитан 3-го ранга Питер Нельсон (Нильсен), ревельская эскадра.

Шнявы:

Диана 18 (6 ф.); 100; подпоручик Лоуренс Берлоген (Мауренц Берлогер) — капитан-поручик Эрасмус Андриен Гарбо; ревельская эскадра.

Наталия 18 (6 ф.); 100; поручик Василий Лодыженский — капитан-поручик Янс Шхелинг; ревельская эскадра.

Принцесс 18 (6 ф.); 111; капитан-поручик Ипат Муханов — капитан 3-го ранга Питер Бредадь; самостоятельное плавание.

Лизет 18 (6 ф.); 94; поручик Михель Робенсон — поручик Дмитрий Башилов — капитан-поручик Ипат Муханов; самостоятельное плавание.

1 августа над кораблями появились сигналы готовиться к походу. 2 августа к Борнхольму ушел фрегат «Самсон» под командованием Дена, которому поручалось собрать сведения о шведском флоте. В плавании он был до 8 августа, но неприятеля так и не обнаружил.

5 августа в 10-м часу утра Петр приехал с берега на шлюпке *«под своим флагом»*. Спустя час вице-адмиральский флаг был спущен, и вместо него на грот-мачте «Ингерманланда» взвился штандарт. Петр принял командование датским, английским, голландским и русским флотами. На 9 выстрелов флагманского корабля загрохотали залпы ответных салютов. Петра *«поздравляли яко командира своего вначале адмирал английский Норрис из 21 пушки, да генерал адмирал Гульденлев из 27 пушек, и в показание вящего почтения сначала все датские адмиралы и другие флагманы флаги свои на несколько минут спустили и потом подняли паки... Такой чести некоторый монарх от начала света не имел, что изволят ныне командовать четырех народов флотами»*, — писал современник. Флаги спускали на флагманских кораблях, а вымпелы на остальных. Русский флот на эти приветствия ответил 21 выстрелом салютов.

Ближе к полудню Петр подал сигнал к походу. Дул попутный ветер. Первыми подняли якоря английские корабли, за ними русские (кроме чинившихся в Копенгагене «Ягудиила» и «Полтавы») и голландские. Под их прикрытием шел огромный торговый флот. Встречаются цифры — 400 и даже 600 судов. Очевидец отплытия этой армады писал, что *«множеству парусов мочно было удивиться»*.

В ночь с 8 на 9 августа союзный флот появился у Бронхольма. Однако если Петр стоял за активные действия против шведов, то датчане, англичане и голландцы предпочитали не рисковать. Гульденлеве, датский командующий, вообще отказался выделять корабли для разведки и крейсирования, что

заставило Петра тоскливо прокомментировать: *«Бог ведает, какое мучение с датчанами, сущее надобное время упускают и будто чужое дело делают»*.

Не любивший бездействия царь ближе к вечеру отправился на Борнхольм. Переночевав на берегу, Петр после следующего полудня перебрался на Кристиансе (Эртхольмене), крошечный архипелаг чуть восточнее Борнхольма. Там он познакомился с местным комендантом, осмотрел укрепления и батареи островов.

11 августа вернулись английские и русские корабли, ходившие в разведку к Аландским островам. Согласно рапортам командиров, шведские корабли укрылись в Карлсконе. Проход в Балтийское море свободен и безопасен. На бизани «Ингерманланда» был для созыва адмиралов поднят датский флаг, а на кормовом флагштоке — английский. Состоявшийся совет вновь принес сплошные разочарования. Норрис при полном одобрении Петра предложил «крейсовать всем флотом у Карлскрона, но датчане не хотели того учинить». Петру постепенно постылело бесцельное стояние у Бронхольма, поэтому он решил оставить флот, предложив пост главнокомандующего Джону Норрису. Но этому резко воспротивились датчане. 14 августа после долгих дебатов было принято решение, чтобы и тот, и другой осуществляли командование совместно («Обоим адмиралам быть в середине флота»).

Петр же отплыл на шняве «Лизет» к Рюгену, где готовились для погрузки на суда русские войска. Не теряя времени, царь приказал готовить транспорты к выходу в море. 19 августа ветер дул с моря, мешая выходу кораблей, и Петр убивал время, осматривая город и следы боев за него. К вечеру установился попутный южный ветер, и Петр немедленно «указал транспортным судам идти». На транспортах взмолились об отсрочке, и русский монарх принял

поистине компромиссное решение: «Хотя их не могли принудить в путь идти, однако от города более мили отослали, дабы удобнее к походу были». Отсрочка оказалась недолгой. Следующим утром царь по пути из города на свою эскадру заставил эти суда, которых было около сорока, сняться с якоря.

22 августа союзный флот, стоявший на якорях западнее Борнхольма, взял обратный курс. Причиной возвращения стала «жестокая погода» — штормовой норд-ост. Спешное отплытие стоило английской и датской эскадрам потери нескольких якорей. Русские корабли умудрились оставить боты, посланные к острову за водой. Чтобы позднее забрать их, Шельтинг (оставленный командовать русской эскадрой после отъезда Петра) приказал задержаться капитанам Бранту и Гауку (командиры кораблей «Гавриил» и «Рафаил», соответственно). Впрочем, погода, очевидно, была, скорее, поводом для возвращения. Смысла в дальнейшем пребывании огромной армады у Борнхольма не было никакого. Конвой уже ушел, а против шведов союзники ничего предпринимать не захотели.

Все это время шведский флот в составе 23 кораблей, 6 фрегатов и 1 прама (поименный состав мы приводим чуть ниже) укрывался в Карлсконе. Англичанам удалось только захватить шведский фрегат «Ильдери́м» (Ilderím, 36), и они передали его датчанам, которые переименовали тот в «Поммерн» (Pommern).

Шведский флот в Карлсконе имел следующий состав:

Наименование	Пушки
Gotha Lejon	90
Enighet	90
Prins Carl	80
Brehmen	70
Wenden	70

Наименование	Пушки
Karlskrona	70
Prins Carl Frederik	70
Stockholm	70
Skane	66
Fredrika Amalia	64
Smaland	70
Westmanland	60
Lifland	50
Oland	56
Pommern 56 Estland	50
Riga	50
Osel	50
Verden	50
Gottland	50
Kronskepp	50
Halland	56
Wachtmeister	48
Karlskrona Vapen	36
Revel	40
Wolgast	36
Ruskenfelt	24
Anklam	24
Tyska Pris	24
Pollux	12

Время, которое бездарно теряли союзники, играло на руку шведам. Карл XII снова проявил свои таланты и приготовил возможному десанту достойную встречу. Во всех крепостях Сконии стояли гарнизоны. Они были обеспечены всем необходимым. Имелись резервы, которые могли быть брошены на ликвидацию плацдарма противника. Всего Карл располагал 12 тысячами кавалеристов и 10 тысячами пехотинцев. Это было меньше, чем у союзников, но те не смогли бы высадить все свои войска сразу, и шведы получали возможность бить врага по частям. В крайнем случае Карл был готов отступать, уничтожая за собой все поселения, — эта провинция перешла

от Дании под власть Швеции лишь в середине XVII века, и шведы не считали ее население полностью «своим».

Русские же войска сильно задержались у Ростока, а подкрепления из Мекленбурга еще не пришли.

Данные события послужили причиной ссор между союзниками. В Европе (особенно в Ганновере) заговорили о русской экспансии в Германии. Англию встревожила мощь новой морской державы, зримо продемонстрированная у датских берегов. По словам статс-секретаря Стэнхоупа, *«если царь будет оставлен в покое три года, он будет абсолютным хозяином в этих краях»*. Русские, в свою очередь, начали подозревать датчан, что те нарочно оттягивают высадку до такого неудобного времени, что, по словам царя, если *«без рассуждения пойдем, то или пропадем, или так отончаем, что по их музыке танцевать принуждены будем»*. В итоге с каждым днем холоднее становилась не только погода, но и отношения между Россией и ее союзниками. Русские подготовили 21-тысячный корпус для действий на Аландских островах, но датчане не выделили ни одного корабля.

4 сентября прибыли последние транспорты, доставившие пехотные полки князя Репнина. 3 драгунских полка датчане так и не перевезли, ссылаясь на недостаток судов. На следующий день Петр собрал консилиум, чтобы выслушать мнение прибывших накануне офицеров, *«быть ли десанту или нет, понеже время уже позднее наступает, людей всех не перевезли, диверсия от Аланд не учинена, понеже датчане по концерту, учиненному в Альтеноу, вспомочь оному не хотели... обще все письменный учинили протокол, чтоб отставить до будущего лета»*. Решили — перенести высадку на следующий год. Когда слухи об отказе России от десанта в 1716 году достигли датской стороны, там испытали настоящий шок.

Сложилась двойственная ситуация. Русские в Дании оставались союзниками. Царь пользовался всяческими зна-

ками уважения. И при всем том в Дании воцарилась легкая паника. Мерещился сговор Петра I и Карла XII, которые на пару захватят Копенгаген. В городе на валах поставили пехоту. Прорезали амбразуры. Жителям тайком советовали готовиться к обороне от вероятного нападения русских. Масло в огонь рьяно подливал Бернсторф, ганноверский министр Георга. Бернсторф имел владения в Мекленбурге и крайне враждебно отнесся к сближению этого герцогства с Россией. Ему приписывали идею захватить русский флот и самого Петра, если тот не выведет своих войск из Германии и Дании. Норрис, которому Бернсторф вроде бы даже послал соответствующий приказ, отказался от такой авантюры, разумно заметив, что подчиняется английскому парламенту, а не ганноверскому министру. Впрочем, официальная позиция Англии была откровенно настроенной по отношению к действиям России. Георг I даже прислал в Копенгаген генерала Ботмера, чтобы тот следил за действиями русских.

Норрис после прихода торговых судов в ноябре 1716 года пошел домой, за ним последовали и голландцы. Для датчан отплытие союзников стало сигналом для разоружения на зимовку своего флота. В море были оставлены две небольшие эскадры — одна на Балтике, другая в Бельтах.

3. Сражения во фьордах

Демонстрация, произведенная четырьмя флотами у Бронхольма, укрепила Карла XII в мысли поддержать якобитов, мечтающих свергнуть ганноверскую династию с трона Англии. В апреле 1717 года в Стокгольм прибыл испанский контр-адмирал (хефе ди эскуадра) Джордж Кэммок. На этом человеке стоит остановиться особо.

Джордж Кэммок был ветераном войны Аугсбургской лиги и Войны за испанское наследство. Еще в 1692—1693 годах он плавал первым лейтенантом на «Лойал Лондон», которым

командовал будущий адмирал Джордж Рук, и сам поддерживал партию тори.

С началом новой войны Кэммок получил под командование 28-пушечный фрегат «Спидвелл» (*Speedwell*), построенный в 1702 году на верфи в Лаймхаусе. 6 июня новый кэптен вступил в должность, а через 5 дней вместе с 32-пушечным фрегатом «Шорхэм» (*Shoreham*) «Спидвелл» отплыл к Вест-Индии. Недалеко от Фастнета (Ирландия) отряд атаковал французский конвой из 10 торговых судов, следовавших на Мартинику. Пять судов англичане смогли захватить и отправить в Корк.

Около Гваделупы, в бухте Бассе-Терре Кэммок смог захватить большой 40-пушечный французский приватир, который встал там на кренгование и очистку днища. Весной 1703 года «Спидвелл» был уже у берегов Африки, где взял под защиту возвращавшееся из Гвинеи в Англию судно «Бругтон Галлей» (*Broughton Galley*) с грузом золотого песка. По пути отряд пытались атаковать несколько французских каперов, но все атаки были отбиты, а пару корсаров Кэммок смог захватить.

В мае 1709 года «Спидвелл» под его командованием взял на бордаж французский приз «Руф оф Лондон» (*Ruth of London*), который сопровождал 40-пушечный «Проте» (*Protee*). Француз бежал. В 1712 году Кэммок на 60-пушечном «Монке» захватил большой французский приватир, 40-пушечный «Комтэ де Геральден».

Казалось, карьера кэптена была обеспечена, но со смертью королевы Анны все в одночасье обрушилось. Парламент, подкупленный новым лордом-казначеем Шрусбери, келейно проголосовал за Георга, в армии и флоте началась чистка, в результате которой многие (в том числе и Кэммок) оказались уволенными со службы за свои проякобитские взгляды.

Поскольку Кэммоку грозила тюрьма (или он думал, что это так и есть), он решил не сидеть сложа руки, а бежать куда-

нибудь, где можно было бы начать борьбу с узурпатором трона Великобритании Георгом Ганноверским. В августе 1714 года Кэммок, не дожидаясь ареста, уехал в Шотландию, а в начале 1715-го объявился в Испании, где развил бурную деятельность. В письме графа Бервика Георгу I от 29 сентября 1715 года сообщается, что виконт Болингброк, бежавший в прошлом году во Францию, установил связь с Шенноном, Муром и Кэммоком, которые активно содействуют Якову III в формировании армии, а также мутят своими письмами и воззваниями Шотландию.

В начале 1717 года Кэммок, получивший в Испании чин контр-адмирала (хефе ди эскуадра), прибыл в Швецию. Якобитские главари развернули бурную деятельность, надеясь на поддержку шведов. Агенты британской Секретной службы, проникшие в резиденцию шведского посла Юлленборга, нашли там целую кипу бумаг, доказывающих подготовку вторжения на Остров шведских войск и якобитов. Кроме того, в парламенте было зачитано несколько писем от купцов, торгующих с Россией и Польшей, в которых говорилось, что шведы мешают свободной торговле. 9 февраля 1717 года, согласно рескрипту парламента, Юлленборг — неслыханная вещь! — был арестован и препровожден в Тауэр, на неприкосновенность дипломатических лиц просто наплевали¹. Шведский король Карл XII тотчас же стал мишенью враждебных выпадов со стороны англичан, и небезызвестный писатель Даниэль Дефо (который по совместительству довольно долго работал в Королевской секретной службе Его Величества) составил проект «обуздания всех шведов, не исключая их короля».

¹ После шести месяцев, проведенных в заключении, он был выпущен на свободу и на английском фрегате выслан в августе 1717 года в Швецию.

На Балтику был послан сильный флот (30 кораблей) под командованием Джорджа Бинга. Состав его приводим ниже:

Наименование	Пушки
Barfleur	70
Cumberland	80
Devonshire	80
Shrewsbury	80
Burford	70
Royal Oak	70
Yarmouth	70
Oxford	70
Superbe	60
Dreadnought	60
York	60
Exeter	60
Panther	50
Burlington	50
Falmouth	50
Severn	50
Chatham	50
Dartmouth	50
Jersey	50
Strafford	50
Chester	50
Dragon	50
Worcester	50
Hampshire	50
Gloucester	50
Diamond	40
Pearl	40
Lynn	40
Кроме того — один 32-пушечный («Кинсейл») и два 24-пушечных фрегата	

Бинг покинул Нор 30 марта с частью кораблей, поскольку остальные еще не успели подготовить к походу. Первые 5 английских судов достигли Норвегии 23 марта, а 29-го уже

соединились с кораблями Торденшельда. 11 апреля Бинг достиг Зунда, несколько кораблей он отправил в Каттегат, а сам крейсировал, ожидая торговые конвои. 7 мая, сопровождая большой торговый караван, Бинг появился на рейде Копенгагена, где к нему присоединилась эскадра Габеля (10 линейных кораблей, 2 фрегата). Флоты пошли к Карлсконе, но действовали вяло, ни один из адмиралов не хотел признавать старшинство другого, в результате, как и в прошлом году, объединенная эскадра встала у Бронхольма, охраняя торговые караваны в Петербург, Ригу, Ревель, Кёнигсберг и Данциг. На Балтике в этот год никаких активных боевых действий не было. 2 ноября с последними судами Бинг покинул Копенгаген, а 14-го встал на якорь в Норе.

На Северном же море в противоположность Балтике развернулись драматические события. Торденшельд¹, вернувшийся 10 апреля к Фладстранду, обнаружил два шведских корабля — 40-пушечный и 30-пушечный. Передовые корабли датчан — 38-пушечный «Зориддер» (*Soridder*) и 30-пушечный «Гвиде Орн» — подняли все паруса и рванули в погоню, но не смогли догнать шведов, которые скрылись в гавани Гётеборга.

14 апреля к Торденшельду подошли подкрепления, но вскоре их отозвали на Балтику — для усиления Габеля. Все же Торденшельд решил атаковать Гётеборг, чтобы уничтожить там все верфи и шведскую эскадру, базирующуюся на этот порт. Вечером 12 мая он отплыл к Южной Швеции, взяв с собой 2 линейных корабля, 2 прама и мелкие суда. План

¹ Состав отряда Торденшельда — 50-пушечный Laaland (флагман), 46-пушечный Sydermanland, который был поврежден и вернулся в Копенгаген, 50-пушечный Fyen, 30-пушечный Hvide Orn, 30-пушечный Raae, 28-пушечный Sorrider, 26-пушечный Loss, 46-пушечный Hjalper, 34-пушечный Ark Noa и два малых корабля.

датского адмирала был прост — внезапно войти на рейд Гётеборга, высадив десант, занять прибрежные батареи, разрушить арсенал и доки, а также захватить или потопить все корабли, которые окажутся на рейде. Однако как раз внезапности добиться и не удалось. 34-пушечный прам «Арк Ноа», один из лучших кораблей эскадры, не смог вовремя достичь Винги, района, находящегося с запада от Гётеборга, командор Восбейн, появившейся перед городом раньше основных сил, действовал очень неудачно, в результате шведы смогли основательно укрепить порт.

К 13 мая в Гётеборге благодаря распорядительности губернатора города барона Мернера удалось сосредоточить 5 линейных кораблей (58-пушечные «Кальмар», «Штеттин», 54-пушечный «Хальмштатт», 52-пушечные «Фредерика» и «Варберг»), один 49-пушечный флейт, переделанный из торгового судна в плавучую батарею, а также привести одну 22-пушечную галеру. На молу были спешно сооружены две новые батареи.

Торденшельд все же решил атаковать. В ночь с 13 на 14 мая он прошел вблизи островной крепости Ни Эльфсборг и оставил два линейных корабля на якорю, войдя с остальными в гавань. Первыми шли два прама — 46-пушечный «Хьялпер» и 34-пушечный «Арк Ноа», далее — 8-пушечная шнява «Гепта», галеры «Луиза фра Арендаль», «Фредерик IV», «Принц Кристиан», «Принц Карл», «Луиза», «Шарлотта Амалия», «София», «Лукреция», а также полугалеры «Ахилл», «Поллукс» и 14 ботов.

Сражение началось в ночь на 14 мая, в 1.30. Датские корабли расположились поперек залива с прамами на южном конце линии и вели ожесточенный огонь по шведским кораблям, тогда как линейные корабли Торденшельда перестреливались с крепостью Ни Эльфсборг. Легкие силы шведов были закрыты северным берегом и сначала не принимали участия в сражении. Чуть позже к датским галерам

на веслах вылетел шведский галиот Ларса Гатенъельма, который взял на abordаж один из шведских ботов.

Отсутствие линейных кораблей в сражении со шведскими судами сыграло с Торденшельдом плохую шутку — шведы вели более плотный, сосредоточенный огонь и смогли отбить атаку. Через 5 часов датчане приняли решение об отходе. К этому времени уже были потеряны две галеры — 7-пушечная «Луиза» и 13-пушечная «Лукреция» (последняя села на мель и была оставлена). Около 6 утра вылетел на мель прам «Арк Ноа», причем он оказался в районе Эльфсборга, к нему сразу рванула шведская галера «Вреде», но прам смог отбиться и сняться с мели.

Это было первое поражение Торденшельда.

12 дней датская эскадра оставалась в водах Рифве-фьорда, производя блокаду Гётеборга и ремонт поврежденных кораблей. За это время смогли захватить 12 призов, в том числе и шведские приватиры. В один из дней несколько датских кораблей вошли в Оденсалу, уничтожили боновое заграждение и увели с собой несколько купеческих судов. Командор Восбейн на 28-пушечном «Зориддере» смог захватить шведский 30-пушечный «Исланд», но корабль оказался ветхим, негодным для службы, и его продали в Норвегии.

Король Фредерик IV приказал Торденшельду отправить все легкие корабли к берегам Померании и к Висмару и отозвал три полка из Норвегии. Датский адмирал сразу же послал два прамы к Фладстранду, а шесть галер — к Фридериксваерну в Норвегии. С приходом англичан король отменил свое приказание и даже отправил Торденшельду для усиления 42-пушечный «Гётеборг».

Меж тем Карл XII приказал укрепить гавань Штремстада в 9 милях южнее Иде-Фьорда, которая создавала границу между Швецией и Норвегией. Этот объект представлялся отличной базой для операций против Норвегии,

поэтому датчанам надо было предотвратить это. Вызвался произвести диверсию, конечно же, Торденшельд.

4 июля он ушел из Фридерикстада со следующими силами:

Наименование	Тип корабля	Пушки
Laaland	Линейный корабль	50
Fyen	Линейный корабль	50
Giotteborg	Линейный корабль	42
Hjaelper	Прам	46
Ark Noa	Прам	34
Fredericus fra Arendal	Галера	7
Louisa fra Arendal	Галера	7
Fredericus IV	Галера	7
Prinds Christian	Галера	7
Prinds Carl	Галера	7
Charlotte Amalia	Галера	7
Sophia	Галера	7
Achilles	Полугалера	5
Pollux	Полугалера	5

Как и при атаке Гётеборга, планировалось достичь внезапности, однако вмешалась погода, и прамы с галерами пришлось поставить на якорь в 15 милях от цели. Торденшельд все же пошел с линейными кораблями и 15 июля встал в гавани Штремстада. Зачем он это сделал, остается загадкой. Во всяком случае, датчане вели себя пассивно и раскрыли цель атаки, что позволило шведам укрепить рейд. Они установили сильную батарею «Каролус» из четырнадцати 18-фунтовых орудий на расположенном в середине гавани острове Ланхольм. К северу и югу от города стояли еще две батареи, по три 18-фунтовые пушки каждая.

Только вечером 18 июля к Торденшельду прибыли прам «Арк Ноа» и 4 галеры. Они сообщили, что «Хьялпер» и остальные гребные суда скоро будут. Примерно в полночь датчане соединились и начали втягиваться в га-

вань. В 1.00 «Арк Ноа» встал на якорь напротив батареи «Каролус» и открыл огонь, однако его не поддержали остальные, и прам был вынужден искать укрытия за небольшим островом. Тем временем линейные корабли из-за безветрия медленно входили в гавань, страдая от огня северной и южной батарей, но по приказу Торденшельда не отвечая на него. Наконец примерно в 4.30 утра они встали на якорь напротив «Каролуса» и открыли беглый огонь по шведам. «Арк Ноа» присоединился к обстрелу, но держался поодаль, так как получил в первом бою повреждения. Все же вскоре капитан прамы был ранен, корабль получил попадание под ватерлинию и начал выходить из боя. Не затонул «Арк Ноа» только потому, что имел крен на другую сторону.

Тем временем линейные корабли два раза заставляли замолкнуть пушки «Каролуса», но шведы, подтянув подкрепления по мосту, соединявшему остров и город, оба раза возобновляли огонь. Наконец около 6.00 на батарее грянул оглушительный взрыв — шальное датское ядро попало в пороховые запасы «Каролуса». Стрельба с острова временно прекратилась, и Торденшельд, используя эту заминку, попытался штурмовать батарею. На 4 галерах 300 солдат приблизились к острову, но «Фридрикус IV» и «Фридрикус IV фра Арендаль» вылетели на мель, к берегу смогли приблизиться только «София» и «Принц Карл». Датские гренадеры начали высадку, однако с берега их атаковал шведский батальон, скрывшийся в густом пролеске. Датчане вели огонь наугад, тогда как шведы хладнокровно выбирали цели, десант истекал кровью. В 8.00 Торденшельд, дважды раненный, был в бессознательном состоянии увезен обратно на «Лааланд». Результаты высадки оказались удручающими — две галеры были потеряны, десант разгромлен, а из экипажей гребных

судов спаслись только те, кто успел броситься на палубу. Поднять голову было невозможно — огонь противника был очень плотным.

Торденшельд, пришедший в себя, приказал произвести попытку спасения вылетевших на мель галер. Кадет Вудроф с двумя матросами, несмотря на кипящее от пуль море, смогли сблизиться с «Софией» и завести буксирный конец на судно. Спасение же «Принца Карла» (Prinds Carl) оказалось гораздо более трудным делом. Из всего экипажа на галере спаслись только капитан Хельмих и один матрос. Шведы пытались вытащить галеру на берег, один из них даже добрал с буксирным канатом до нее, но Хельмих застрелил его из пистолета. В то же время датчанам удалось срезать найтов одного из парусов, который подхватили с «Поллукса». Это помогло снять «Принц Карл» с мели и отбуксировать в безопасное место.

Сражение у Штремстада закончилось. Датчане потеряли 96 человек убитыми и 246 — ранеными. Шведские потери были гораздо меньше — 20 убитых и 100 раненых.

Торденшельд отошел к Фридерикстаду, где починился, но уже 9 августа его эскадра вновь была у Штремстада, организовав морскую блокаду порта. Две неудачи подряд ухудшили отношения адмирала с командующим войсками в Норвегии, флотилию передали шаутбенахту Розенпальму.

22 августа новый командующий, усиленный двумя линкорами, фрегатом и двумя шнявами¹, прибыл к Штремстаду. Несмотря на увеличение сил, Розенпальм ничем себя не проявил. Шведский конвой, шедший из Гётеборга в Штремстад, зашел по пути в Конгсхамн, в 35 милях юж-

¹ Prinds Wilhelm (54), Sydermanland (46), Raae (30), Flyvende Fisk (8), Du Gala Gallej (8).

нее Штремстада, и коммодор Гилленскруф (Gyllenskruf) послал сообщение в Штремстад. Шведские наземные силы немедленно доставили свою артиллерию против датских кораблей в Штирзунд (Stytsund) и 25 августа открыли по датчанам огонь, освобождая проход конвою в составе 5 галер, брига и 14 транспортов. Розенпальм молодую снял блокаду, и шведы смогли провести подкрепления в Штремстад.

1718 год не дал крупных сражений на море. Шведы в Карлсконе мобилизовали 15 линейных кораблей, датчане — 12. 14 мая в Копенгаген прибыли 10 английских линейных кораблей под командованием адмирала Джона Норриса — 80-пушечный «Камберленд», 70-пушечные «Бэкингэм», «Хэмптон Корт», «Принс Фредерик», 60-пушечные «Виндзор», «Дифайнс», 50-пушечные «Сент-Элбанс», «Солсбери», «Винчестер» и «Герсней». 9 июня Норрис соединился с Рабеном (12 линейных кораблей, 2 фрегата, 1 брандер), и союзники пошли по накатанной дорожке к Борнхольму. Стояли там до 12 октября, выделяя корабли для сопровождения торговых судов. Никаких активных действий не предпринимали, впрочем, как и шведы. 23 октября англичане вернулись в Копенгаген, а 2 ноября ушли домой.

На Северном море также не происходило ничего существенного, не считая, может быть, стычки у Иде-фьорда. Этот фьорд сообщался с проливом Каттегат через сужающийся пролив Свинезунд. Еще в 1716 году шведы перебросили через Свинезунд мост и отрезали от моря Иде-фьорд, а также расположенные там крепости Фридериксхальд и Фридерикстен. Карл XII, надеясь продолжить войну в Норвегии, начал перебрасывать шведские суда

через переволоку из Штремстада в Иде-фьорд. 18 июля семь или восемь мелких судов шведы спустили на воду в Пилегардене, в 5 милях южнее Фридериксхальда, однако они сразу же были атакованы датчанами. Превосходство в силах было у шведов, которые довольно легко отбили эту атаку, но Розенпальм также в это время перетащил суда посуху и 22 июля, усиленный полугалерой «Ахиллес», шлюпом и двумя дубель-шлюпками, возобновил атаку. В результате подавляющего преимущества в силах датчане смогли прижать шведов к берегу, шлюп и полугалера шведов были выброшены на берег и сожжены, а другие суда вынуждены были искать убежище под прикрытием батарей.

10 августа датчане попытались атаковать небольшую шведскую батарею, но при высадке встретили упорное сопротивление шведских драбантов. Шведы постепенно наращивали силы в Иде-фьорде и к сентябрю уже имели там 9 галер и 5 шлюпов. В конце месяца датская флотилия под командованием Паульссена еще раз атаковала шведский морской отряд. Бой шел пять часов, на 22-пушечной галере «Лур» в сражении принял участие сам Карл XII. Результат не удовлетворил никого — потерь в кораблях ни у кого не было, датчане отошли к Фридериксхальду.

8 ноября Карл XII вторгся в Норвегию с 21 000 солдат. Часть его армии перешла мост Свинезунд и атаковала Фридериксхальд с суши. Шведская флотилия атаковала датский москитный флот в 30 малых судов, и датчане были вынуждены уйти вверх по реке. Шведские войска обложили Фридерикстен, блокада города продолжалась месяц, но 11 декабря Карл XII был убит¹, шведы сразу же сняли

¹ По другой версии — стал жертвой заговора; обстоятельства гибели короля до сих пор являются причиной ожесточенных споров историков.

осаду и ушли из Норвегии. Дальнейшая судьба шведских кораблей в Иде-фьорде доподлинно не известна, но часть из них в следующем году была у Штремстада, либо они смогли уйти по морю, либо их перетащили туда по суше.

4 апреля 1719 года Торденшельд, возвращенный в действующий флот, вышел из датской столицы с четырьмя кораблями и фрегатом (50-пушечные «Лааланд», «Фьен», «Принц Виллем» «Дельменхорст» и 30-пушечный «Хенхальд») к Гётеборгу. Другой отряд датчан под командованием Розенпальма¹ был отдан в поддержку сухопутных сил, базировавшихся в южной части Норвегии.

В прошлом году все шведские корабли в связи с начинающейся операцией в Норвегии были собраны у Штремстада, но после отступления шведской армии здесь остались лишь легкие силы. Большие корабли ушли в Марстранд.

К середине месяца Торденшельд располагал следующими силами (помимо выше перечисленных):

Наименование	Пушки	Тип корабля
Oldenborg	52	линейный корабль
Stralsund	30	фрегат
Frederikshald	36	прам
Cronprinds	22	прам
Hjaelperinde	36	прам
Prinds Jorgen	22	прам
Ulysses	6	галера
Proserpina	14	галера
Prinds Carl	7	галера

¹ Корабли Sydermanland (46), Ditmarksken (50), фрегаты Pommern (36), Raee (30), Hvide Orn (30), Soridder (28), прамы Hjaelper (46), Ark Noa (34), галеры Fredericus IV (7), Fredericus IV fra Arendal (7), Louisa fra Arendal (7), Sophia (7), бомбардирские корабли Bremerflot (4), Christiania (4), Citron (2).

Наименование	Пушки	Тип корабля
Prinds Christian	7	галера
Charlotta Amalia	7	галера
Johannes	4	бомбардирский корабль
Langemar	10 (мортиры)	плавающая батарея
Spydstag	10 (мортиры)	плавающая батарея

У шведов же было несколько малых кораблей, которые по большей части укрылись в Бахус-Эле, северном устье Гете-Эле. Торденшельд установил половину своих сил в устьях каждого из рукавов реки.

14 июля три шведские галеры и 2 шлюпа атаковали датские корабли у Ни Эльфсборга и смогли захватить 7-пушечную галеру «Принц Кристиан». В то же самое время отряд Розенпальма у Штремстада атаковал и уничтожил все шведские корабли, кроме двух галер, последние смогли бежать через мелководе. Три днями позднее город сдался датским войскам.

Но вернемся к Торденшельду. Он, в свою очередь, планировал атаку Марстранда и находившихся там кораблей. Этот городок с гарнизоном всего лишь в 300 человек лежал на восточной оконечности небольшого острова с крепостью Карлстен, расположенной на возвышенности позади Марстранда. Прикрывали подходы к Карлстену две батареи — к северу и к югу от города, гавань же была защищена ретраншементами с полевыми пушками на двух островах, лежащих у каждого из входов. Для обеспечения блокады Гётеборга Торденшельд оставил там все линейные корабли (в том числе и посланные к нему дополнительно 50-пушечные «Томлер» и «Свардфиск»), а сам с остальными судами двинулся к Марстранду. Фрегаты «Штральзунд» и «Хенланд» были поставлены к юго-западу от Карлстена, прамы «Принц Йорген» и «Кронпринц» с двумя галерами контролировали северный вход в гавань, прамы «Хьяльперинде», «Фридериксхальд»,

плавучие батареи, бомбардирский корабль «Йоханес ден Гамле» и галеры расположились между островом Кое и северным берегом. На северном же берегу высадился датский десант в 700 солдат, который в полдень 21 июня атаковал укрепления шведов. В это же время корабли Торденшельда открыли огонь. Датчане установили на Кое батареи с четырьмя 100-фунтовыми мортирами и сорока гаубицами калибром поменьше. Шведы пытались заставить замолчать датские батареи, организовав сначала ответную высадку на Кое, потом попытавшись сбить батареи огнем кораблей. Все их попытки закончились безрезультатно. На следующий день Торденшельд послал предложение о сдаче, они были отвергнуты, тогда датчане высадили еще 200 человек к северу от города, а также перекрыли бревнами устье и ввели во внутреннюю гавань прамы. Шведы, осознав неизбежность поражения, начали затапливать свои суда и отходить в Карлстен. Увидев подобные действия, датчане послали к шведским кораблям свои призовые партии с задачей спасти шведские корабли, но батареи противника открыли сильный огонь и спасти удалось только четыре судна.

На следующий день датские войска вошли в город, шведский гарнизон укрылся в Карлстене. Торденшельд обложил батареями крепость и начал бомбардировку, 26 июня датский комендант Данквард поднял белый флаг и сдался на милость победителя.

Шведские корабли и их судьба после взятия Марстранда:

— линейные корабли — Calmar 58, Stettin 58, Halmstad 54, Fredrika 52 затонули, Warberg 52 захвачен;

— галеасы — Prinds Fredrik von Hessen 49 захвачен, Gref Morner 49, Stabell (или Stabraf) затонули, но позднее подняты;

- фрегат Charlotta 38 затонул, но позднее поднят;
- шнява William Galley 14 захвачена;
- прам Gera (или Gifra) 17 захвачен;
- галера Castor 6(?) затонула;
- яхта Diana 4 затонула;
- два брандера затонули.

Торденшельд, воодушевленный большим успехом, решил попытать счастья у Гётеборга. К тому времени к городу уже подошли датские сухопутные части, поэтому адмирал решил сосредоточиться на островных батареях Хизингена (островок, расположенный между двумя рукавами Гёта-Эли). Теперь атака Ни Эльфсборга отметалась, так как сам Торденшельд охарактеризовал эту крепость как неприступную. Покинув Марстранд, 1 августа он был перед устьем реки у Гётеборга уже в полдень. Адмирал обладал следующими силами:

Наименование	Пушки	Тип корабля
Tomler	50	линейный корабль
Svaerdfisk	50	линейный корабль
Stralsund	30	фрегат
Hjaelperinde	36	прам
Frederikshald	36	прам
Prins Fredrik von Hessen (шведский приз)	49	прам
Spidstag	10 (мортиры)	батарея
Langemar	10 (мортиры)	батарея
Johannes den Gamle	4	бомбардирский корабль

Первыми вступили в действие две плавучие батареи и бомбардирский корабль. Буксируемые галерами, они заняли позиции к западу от крепости, которая была частично

закрыта другими островами. На эти острова сгрузили мортиры, которые уже в 23.00 открыли беспокоящий огонь по Хизингену.

Немного позднее два линейных корабля и 49-пушечный прам подошли к северному ходу в устье и вступили в перестрелку с батареями, однако, получив повреждения средней тяжести, снялись с якоря и вернулись назад. Исправив рангоут, они в 11.00 следующего дня снова подошли к берегу, а также подвели фрегаты и прам к Ни Эльфсборгу. Бомбардировка продолжалась до вечера, когда датчане ошибочно приняли пушечный сигнал из крепости за предложение о сдаче. Были посланы парламентареры, которых, однако, не пустили даже в крепость, и после их возвращения обстрел возобновился.

На следующий день Торденшельд покинул эскадру для встречи короля, оставил за себя командор-капитана Хоппе, который продолжил бомбардировки. В 10.30 поднялся шквалистый ветер, который вынудил корабли датчан уступить. Бой закончился ничем.

На рассвете 4 августа две новые шведские батареи на Хизинге открыли огонь по легким датским кораблям и заставили их в пять утра ретироваться. Следующим их успехом была атака галерами датских батарей на острове, где были захвачены 4 мортиры, хотя легкие пушки были упущены. Это событие стало концом сражения. Датчане удалились, имея потери в 60 убитых и 73 раненых и отказавшись от блокады.

К тому времени стороны уже вовсе думали о мире. Смерть Карла XII и вступление на трон его сестры Ульрики Элеоноры открывали путь к взаимопониманию при посредничестве англичан. Следствием изменившихся условий стало сокращение флота в Северном море. 18 августа были ото-

сланы домой 50-пушечные «Ольденбург», «Свардфиск» и «Томлер», а 8 сентября за ними последовали «Принц Виллем», «Хьяльперинде» и «Принц Фридерик фон Хессен». Также послали домой «Лангемар», «Шпидстад» и «Йоханес ден Гамле», а также галера «Принц Карл». Однако последние были атакованы и захвачены 12 сентября шведскими кораблями у Бахус Элв. Пользуясь тем, что корабли были уже разоружены, шведы легко захватили их и отвели в Гётеборг. 10 дней спустя Торденшельд получил приказ отправить домой 50-пушечные «Фьен», «Дельменхорст», «Фридериксхальд» и «Штральзунд», а самому с «Лааландом» отойти в Марстранд.

Однако Торденшельд не собирался бездействовать после поражения. Даже с сокращенными силами он задумал попытку мести за свои потери. С тремя галерами¹ и 10 шлюпами он вновь собирался проникнуть к Гётеборгу. Шведские корабли и их призы стояли возле Эльфсборга, у южного берега реки, к западу от Гётеборга, прикрытые Ни Эльфсборгом. Торденшельд оставил галеры в Риффефьорде и послал своего флаг-капитана Будде с шлюпами в ночь с 7 на 8 октября. Атака принесла полный успех. «Принц Карл» был отбит, а 49-пушечный прам «Каролус XII», большой приватир «Морнер», галера «Верде», недавно захваченный шведами «Йоханес ден Гамле» и один из захваченных транспортов были сожжены. Пытались также сжечь две плавучие батареи, но безуспешно. Сами датчане потерь не имели.

Это стало последним сражением, поскольку Дания была заинтересована в прекращении войны. В декабре все корабли вернулись в Копенгаген, и установилось перемирие на 6 месяцев. 3 июля 1720 года был подписан мир между Швецией и Данией с Пруссией. По его условиям

¹ Ulysses, Proserpina, Charlotta Amalia.

Швеция платила Дании 600 000 риксдалеров и обещала не поддерживать в дальнейшем Голштейн-Готторпскую фамилию. Пруссии она передавала Штеттин и другие территории в Померании, оказавшиеся в прусском владении; Дания выводила свои войска из Померании, а также из Бахуса и Марстранда. Польша включалась в договор, и Швеция признавала Августа королем. Еще раньше, 20 ноября 1719 года, мир со Швецией заключила Англия. Швеция уступала Бремен и Верден, но получала взамен один миллион риксдалеров и обещание помощи английского флота на следующий год. Теперь бывший союзник англичан — Россия — становился основным противником английского флота на Балтике.

2010 г.

Авторы выражают глубочайшую признательность за предоставленные материалы и консультации Михаилу Алексеевичу Муравьеву.

Список основной литературы

1. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783. — СПб.: Terra Fantastica, 2002.
2. Коломб Ф. Морская война. — М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003.
3. Штенцель А. История войн на море. — М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.
4. Танстолл Б. Морская война в век паруса. 1650—1815. Сражения великих адмиралов. — М.: Эксмо, 2005.
5. Кеймен, Генри. Испания: дорога к Империи. — АСТ: АСТ-Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
6. Читтола, Карло. Артиллерия и парусный флот. — М.: Центрполиграф, 2007.
7. Настенко И.В., Яшнев Ю.В. История Мальтийского ордена. 2 т. — М., «Русская Панорама», 2005.
8. Адмирал Ушаков. Сб. документов, т. 3 — М., «История военно-морского искусства», 1963.
9. Морской атлас. Т III. Описания к картам. — Издание Главного штаба Военно-морского флота, 1959.
10. Бродель Ф. Что такое Франция? Т. 1—2 — М., 1994.
11. Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800) // Тарле Е.В. Избранные произведения. Т. 4. — Ростов н/Д., 1994.
12. Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота — М.-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.

13. Муравьев М.А. Владычествует четьрьмя. Эпизоды из истории русского флота первой половины XVIII века. — Львов, 2001.
14. Книга Марсова или воинских дел от войск Царскаго Российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий учиненных. — Изд. 2-е, СПб, 1766.
15. Demerliac, Cdt. Alain. «La Marine De Louis XIV Nomenclature des vaisseaux du Roi-Soleil de 1661 a 1715». — Editions OMEGA, Nice, 1995.
16. Bromley, J.S. «Corsairs and navies, 1660—1760», London, Hambledon Press, 1987.
17. David Lyon. «The Sailing Navy List: All the Ships of the Royal Navy-Built, Purchased and Captured — 1688—1860 (Conway's History of Sail)» — Conway Maritime Press, 1998.
18. Clowes, William Laird, Clements Robert, Sir Markham. «The Royal Navy: A History from the Earliest Times to the Present» — Chatham Publishing; Reissue edition, 1997.
19. Laughton, John Knox. «The Naval Miscellany. Vol. 3» — London, 1912.
20. Foretić, Miljenko. «The Ragusan (Dubrovnik) Republic and the Spanish War of Succession (1701—1714)» — «Dubrovnik Annals» № 2, 1998.
21. Sue, Eugène. «Histoire de la marine française» — Paris, 1845.
22. Martin, Henri. «Histoire de France, depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789» — Paris, Furne, 1855—1860.
23. Michelet, Jules; Labaree Buffum, Douglas. «Michelet's Histoire de France» — New York, H. Holt and C., 1909.
24. Martin-Leake, Stephen; Callender, Geoffrey. «The Life of Sir John Leake, Rear-Admiral of Great Britain» — The American Historical Review. Vol. 26. No. 3 (Apr., 1921), p. 506—507.

25. Owen, J.H. «War at Sea under Queen Anne 1702—1708». — Cambridge, 1938.

26. De la Ronciere, Ch. «Histoire de la marine francaise», t. 6 — Paris, 1932.

27. Duguay-Trouin, Rene. «Memoires» — Paris, 1740.

Faulconnier, Pierre «Description historique de la Dunkerque». — Paris, 1735.

28. Le Nepvou de Carfort. «Histoire de Du Guay-Troin, le corsaire», — Paris, 1922.

29. Richer. «Vie de Rene Du Guay-Trouin» — Paris, 1784.

30. Lefort, De J. «History of Duguay-Trouin» — Paris, Saints-Peres, 1880.

31. Granier, Hubert. «Le marechal de Coetlogon» — Institut de Strategie Comparee, 1998—2002.

32. Phillips, Michael. «A Biographical Memoir of Sir Cloudesly Shovel» — London, The Naval Chronicle, 1815.

33. Roskill, S.W. «H.M.S. Warspite» — London, 1957.

34. Campbell. «Lives of British Admirals» — London, 1933.

35. M. Turpin. «Les fastes ou Tableau historique de la marine francaise» — Paris, 1784.

36. Richer. «Vie du Capitaine Cassard» — Paris, 1785.

37. Ch. De la Ronciere. «Histoire de la marine francaise», t. 6, — Paris, 1932.

38. Brun. «Guerres maritime de France. Port de Toulon», t. 1, — Paris, 1861.

39. Calmon-Maison. «Le marechal de Chateau-Renault (1637—1716)», — Paris, 1903.

40. Verge-Franceschi. «Les officiers general de la Marine Royale, 1715—1774», t. 6—7, — Paris, 1990.

41. J. Entick. «A New Naval History, or Complete View of the British Marine», — London, 1757.

42 Corbett, Jilian S., sir. «England in the Mediterranean», — London, «Longmans, Green and C°», 1917.

43 Sepúlveda, Isidro. «Gibraltar. La razyn y la fuerza» — Madrid, Alianza Editorial, 2004.

44 J. Pla Córceles. «El alma en pena de Gibraltar» — Madrid, Editora Nacional, 1955.

45 Hills, George. «Rock of Contention. A History of Gibraltar» — London, Robert Hale, 1974.

46 Bishop, Matthew. «Life and Adventures of Matthew Bishop» — London, 1744.

47 McLay, K. A. J. «Making Waves in the Mediterranean» — Messina-Taormina, 2006.

48 Verge-Franceschi. «Les officiers general de la Marine Royale, 1715—1774», — Paris, 1990.

49 Little, B. «Crusoe's Captain, being the life of Woodes Rogers, Seaman. Trader, Colonial Governor» — London, 1960.

50 «Naval Chronicle» — London, 1802.

51 Anderson R.C. «Naval wars in the Baltic during the Sailing-Ship Epoch 1522—1850» — London, 1910.

52 Jürngen H. Barfod. «Den Danske Fledes Historie 1660—1720» — Niels Juels flåde, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Введение.....	10
Глава 1	
Предвоенная ситуация.....	13
Глава 2	
Начало войны.....	18
Глава 3	
В водах Испании.....	36
Глава 4	
Сражение у Малаги.....	53
Глава 5	
Отбить Гибралтар — защитить Гибралтар!.....	64
Глава 6	
Осада Барселоны.....	72
Глава 7	
Осада Тулона.....	76
Глава 8	
Менорка.....	87

Глава 9

Компании на Средиземноморском театре военных действий 1709—1712 годов	92
--	----

Глава 10

Крейсерская война в водах Европы	97
--	----

Глава 11

Крейсерские и конвойные операции в Вест-Индии	124
---	-----

Заключение	150
------------------	-----

Послесловие	161
-------------------	-----

Окончание, которое могло бы стать новым предисловием	165
--	-----

Словарь морских терминов и выражений	181
--	-----

Приложения	193
------------------	-----

Приложение 1

Отчет адмирала Лика о бое у Кабариты	193
--	-----

Приложение 2

Отчет кэптана Уитакера о взятии Гибралтара	194
--	-----

Приложение 3

Защита Гибралтара	196
-------------------------	-----

Приложение 4

Ответ Георга Датского на запросы английских купцов, потерпевших убытки от введения системы конвоев и от действий французских приватиоров	197
--	-----

Приложение 5

Рейд Дюгэ-Труэна к Шпицбергену	214
--------------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение 6	
«Корсарский» капитан Кассар. Биография	217
Приложение 7	
Действия русского флота против морских крепостей.....	220
Приложение 8	
История осад британского Гибралтара.....	274
Приложение 9	
Английский флот и боевые действия на Балтике: 1715—1719 годы.....	297
Список основной литературы.....	345

Научно-популярное издание

Морская летопись

Махов Сергей Петрович

Созаев Эдуард Борисович

БОРЬБА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Выпускающий редактор Н.М. Смирнов

Корректор С.В. Цыганова

Верстка С.Б. Буславский

Подготовка к печати

художественного оформления М.Г. Хабибуллов

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, д. 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.07.2010. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура LazurskiC. Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 11. Тираж 4000 экз. Заказ № 967.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8

Морская летопись

Война за испанское наследство (1701—1714) началась в 1701 году после смерти испанского короля Карла II. Главным поводом послужила попытка императора Священной Римской империи Леопольда I защитить право своей династии на испанские владения. Война длилась более десятилетия, и в ней проявились таланты таких известных полководцев, как герцог де Виллар и герцог Бервик, герцог Мальборо и принц Евгений Савойский. Война завершилась подписанием Утрехтского (1713) и Раштаттского (1714) соглашений. В результате Филипп V остался королём Испании, но лишился права наследовать французский престол, что разорвало династический союз корон Франции и Испании. Австрийцы получили большую часть испанских владений в Италии и Нидерландах. В результате гегемония Франции над континентальной Европой окончилась, а идея баланса сил, нашедшая свое отражение в Утрехтском соглашении, стала частью международного порядка.

ISBN 978-5-9533-5084-6

9 785953 350846

